

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык и Текст Language and Text

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№2 (12) 2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – **главный редактор**
Махмудова С.М. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия),
Бурнакова К.Н. (Россия), Воробаев В.А. (Россия),
Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С.
(Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия),
Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия),
Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия),
Фрейдина Е.Л. (Россия), Шилихина К.М. (Россия),
Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия),
Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия),
Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В.
(Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия),
Величкова Л.В. (Россия), Гребенюк В.П. (Россия),
Есаулов И.А. (Россия), Исакова З.З. (Россия),
Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия),
Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия),
Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия),
Кавацца А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г.
(Италия), Маццоне С. (Италия).

Секретарь
Канель И.В.

Редактор и корректор
Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals
(DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года
Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики,
все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ
ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка
материалов журнала и использование иллюстраций
допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2025

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Makhmudova S.M. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia),
Burnakova K.N. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Kovpak N.A.
(Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia),
Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia),
Safronova E.Y. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y.
(Russia), Soboleva L.S. (Russia), Freidina E.L. (Russia),
Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia),
Shcherbakova M.I. (Russia), Hermenegildo L.G. (Spain),
Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China),
Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia),
Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia),
Grebennyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z.
(Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia),
Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia),
Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Cavazza A.
(Italy), Astuto G. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy).

Secretary
Kanel I.V.

Editor and proofreader
Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education
and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation
Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:
El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images
are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and
illustrations is allowed only with the written permission of the
publisher.

© MSUPE, 2025

Содержание 2025. Том 12. № 2

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в кенийской политике
гендерного равенства**

Абери Д.Э. 6-21

**Лингвокультурные особенности оценки внешности человека в арабском и русском
языках**

Гасанова С.Н., Магомедова С.Н. 22-32

**Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых идиомах (на материале
рутульского языка)**

Ибрагимов М.О. 33-41

**Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной оценки и сожаления в деловом
дискурсе России и США**

Литвинова А.В., Литвинов А.В. 42-51

**К проблеме диатопического варьирования испанского языка в диалектных
подсистемах стран Латинской Америки**

Мурашкина О.В. 52-61

**Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской
Православной Церкви и их передача на английский язык**

Наумова А.В. 62-72

**Образование и функционирование категории числа в местоимениях и в глагольных
словоформах в табасаранском языке**

Сафаралиев Н.Э., Гасанбекова Ш.Э. 73-85

**Фразеологические номинации лица в немецком языке: виды языкового влияния и
вопросы гендерной репрезентации**

Усачева А.В. 86-94

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

**Особенности функционирования глаголов прошедшего времени в «Записках юного
врача» М.А. Булгакова (на примере рассказа «Тьма египетская»)**

Васильева И.В., Матигорова А.А. 95-105

Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра»

Дорофеева Л.Г., Гу Л. 106-115

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

**К вопросу о междисциплинарном подходе к исследованию об эмоциональности в
звучащей речи**

Величкова Л.В., Киришинова О.В. 116-126

**Особенности формирования лингвострановедческого аспекта при обучении студентов
нелингвистического вуза в дистанционном формате**

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. 127-139

**Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию языка и поведения
человека**

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В. 140-162

Contents

2025. Vol. 12. No. 2

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Decoding power dynamics and hidden ideologies in Kenya's gender equality policies

Aberi G.E. 6-21

Linguistic and cultural features of assessing a person's appearance in Arabic and Russian

Gasanova S.N., Magomedova S.N. 22-32

Analysis of the vocabulary of the «nursery language» in multilevel idioms (based on the material of the Rutul language)

Ibragimova M.O. 33-41

Communicative refusal strategies: the role of positive evaluation and regret in the business discourse of Russia and the USA

Litvinova A.V., Litvinov A.V. 42-51

On the problem of diatopic variation of the Spanish language in the dialect subsystems of Latin American countries

Murashkina O.V. 52-61

Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English

Naumova A.V. 62-72

Formation and functioning of the category of number in pronouns and verb word forms in Tabasaran language

Safaraliev N.E., Gasanbekova S.E. 73-85

Phraseological nominations of a person in the German language: types of linguistic influence and issues of gender representation

Usacheva A.V. 86-94

WORLD LITERATURE. TEXTOLGY

Features of the functioning of past tense verbs in «Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov (based on the story «Egyptian Darkness»)

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. 95-105

The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire»

Dorofeeva L.G., Gu L. 106-115

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Towards an interdisciplinary approach to the study of emotionality in audible speech

Velichkova L.V., Kirshinova O.V. 116-126

Peculiarities of formation of the linguo-cultural aspect in teaching students of a non-linguistic university in a distance format

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V. 127-139

Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N., Kovaleva K.V. 140-162

Уважаемые читатели!

Представляем второй номер Международного электронного научного журнала «Язык и текст». Данный номер тематический, посвящен способам языкового выражения категорий мышления в разноструктурных языках, в связи с чем содержит публикации, исследующие языки как номинативной, так и эргативной типологии.

Так, рубрику «Общее и сравнительно-историческое языкознание» начинает интересная статья кенийского лингвиста Д.Э. Абери, исследующего дискурс гендерной политики в языке суахили, который в типологическом отношении относится к языкам банту.

Статья «Лингвокультурные особенности оценки внешности человека в арабском и русском языках» посвящена анализу фразеологических единиц, отражающих разные взгляды народов на особенности внешности и стереотипы, связанные с разными менталитетами и кодами культуры.

«Детский язык» или «язык нянь» анализируется в статье М.О. Ибрагимовой, где на основе сравнительного анализа диалектов миноритарного рутульского языка выявляются особенности языка, используемого в общении с детьми. «Детский язык» представляет особый интерес для лингвистов в связи с психологией усвоения языка детьми.

Статья «Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США» посвящена анализу коммуникативных стратегий и культуре использования прагматических ходов для смягчения негативного воздействия отказа в русской и американской лингвокультурах.

В статье О.В. Мурашкиной подробно рассматриваются особенности диалектного варьирования испанского языка в диалектных системах стран Латинской Америки.

В других публикациях, составляющих данную рубрику, рассматриваются особенности дискурса официальных документов Русской Православной Церкви в переводе на английский язык (статья А.В. Наумовой); способы выражения категории числа в эргативном табасаранском языке (статья Н.Э. Сафаралиева и Ш.Э. Гасанбековой); виды языкового влияния и вопросы гендерной репрезентации в немецком языке (А.В. Усачева).

Рубрика «Мировая литература, текстология» содержит работы, посвященные таким интересным темам как «Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра».

Рубрика «Лингводидактика и новации. Психологические основы изучения языков и культур» состоит из работ, анализирующих проблемы междисциплинарного подхода к исследованию об эмоциональности в звучащей речи»; особенности формирования лингвострановедческого аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза в дистанционном формате. Здесь же содержится современное исследование по компьютерной лингвистике в психологии и др.

Таким образом, настоящий сборник охватывает современные проблемы языков мира, волнующие лингвистов, подвергающих анализу вопросы языков различных типологий и структур.

***С.М. Махмудова, заместитель главного редактора
Международного электронного научного журнала
«Язык и текст»***

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в кенийской политике гендерного равенства

Д.Э. Абери✉

Университет Кисии, Кисии, Кения

✉ george.aberi@kisiiversity.ac.ke

Резюме

В данной статье рассматривается дискурс гендерной политики Кении с использованием критического дискурс-анализа для выявления тем и динамики власти, влияющих на усилия по достижению гендерного равенства. Несмотря на заметные успехи в продвижении гендерного равенства и расширении прав и возможностей женщин, остаются препятствия в достижении справедливых отношений между мужчинами и женщинами в различных сферах жизни. В данном исследовании рассматриваются три ключевых вопроса: (1) Какие темы доминируют в гендерной политике Кении на протяжении последних трех десятилетий? (2) Как скрытые идеологии и структуры власти влияют на эти темы? и (3) Как эти темы отражают и поддерживают несбалансированную динамику власти между мужчинами и женщинами в кенийском обществе? Следует отметить пробел в существующей литературе, касающийся повторяющихся тем и взаимосвязи между использованием языка и гендерной политикой в Кении. Используя трехуровневый подход Нормана Фэрклоу к критическому дискурс-анализу, в исследовании анализируются десять общедоступных политических документов, опубликованных в период с 1994 по 2024 год кенийским правительством, НПО и организациями ООН и посвященных правам женщин на гендерное равенство. Результаты показывают, что, хотя формулировки официальных политических документов отражают необходимость проведения политики гендерного равенства в Кении, по-прежнему существует множество противоречий в отношении преобладающих скрытых идеологий и динамики власти, которые влияют на политику и практику в области гендерного равенства. В свете этих выводов в заключении предлагаются направления будущих исследований, включая лонгитюдные исследования для оценки влияния изменения дискурса на фактические результаты гендерного равенства в Кении.

Абери Д.Э. (2025)
Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в
кенийской политике гендерного равенства
Язык и текст, 12(2), 6—21.

Aberi G.E. (2025)
Decoding power dynamics and hidden ideologies in
Kenya's gender equality policies
Language and Text, 12(2), 6—21.

Ключевые слова: гендерная политика, дискурс-анализ, Кения, динамика власти, социальная справедливость

Для цитирования: Абери, Д.Э. (2025). Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в кенийской политике гендерного равенства. *Язык и текст*, 12(2), 6—21. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120201>

Decoding power dynamics and hidden ideologies in Kenya's gender equality policies

G.E. Aberi✉

Kisii University, Kisii, Kenya

✉ george.aberi@kisiiuniversity.ac.ke

Abstract

This paper examines Kenya's gender policy discourse using Critical Discourse Analysis to unravel themes and power dynamics influencing gender equality efforts. Despite notable advancements in promoting gender equality and empowering women, obstacles remain in achieving equitable relationships between men and women across various domains of life. This study addresses three key questions: (1) what are the dominant themes within Kenya's gender policy for the last three decades? (2) How do hidden ideologies and power structures influence these themes? and (3) how do these themes reflect and sustain imbalanced power dynamics between men and women within the Kenyan society? Recognizing a research gap in the existing literature concerning the recurring themes and intersection of language use and gender policies in Kenya. Using Norman Fairclough's Three-Tier Approach to Critical Discourse Analysis, the study analyzes ten publicly available policy documents published between 1994 and 2024 by the Kenyan government, NGOs, and UN organizations focused on women's rights to gender equality. The findings indicate that though official policy texts are framed in ways that support the need for gender equality policies in Kenya, contradictions still abound regarding the prevailing hidden ideologies and power dynamics that influence gender-related policies and practices. In light of these findings, the paper concludes by suggesting directions for future research, including longitudinal studies to assess the impact of changing discourses on actual gender equality outcomes in Kenya.

Keywords: gender policy, discourse analysis, Kenya, power dynamics, social justice

For citation: Aberi, G.E. (2025). Decoding power dynamics and hidden ideologies in Kenya's gender equality policies. *Language and Text*, 12(2), 6—21. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120201>

Introduction

This study sought to examine the discourse surrounding gender equality policies in Kenya over the past three decades. In this context, the study was guided by three primary objectives: first, to

identify the dominant themes within Kenya's gender policy; second, to investigate how hidden ideologies and power structures shape these themes; and third, to explore how these themes perpetuate unequal power dynamics between men and women in Kenyan society.

The movement for women's rights in Kenya has deep roots in the country's history, with various social, cultural, and political movements contributing to the evolution of gender policies and discourses. From the pre-colonial period to the modern era, Kenyan women have been actively involved in advocating for their rights and challenging patriarchal norms and structures. The struggle for equality between genders and the empowerment of women in Kenya has been driven by grassroot movements, civil society organizations, and legislative efforts to address gender-based inequalities and discrimination (Schmitz, 1999; FIDA-Kenya, 2007). The evolution of women's agitation for gender equality policies in Kenya is characterized by resilience and slow but steady progress. In this context, women's rights activism in Kenya has deep roots that predate the country's independence and have evolved significantly over the years. Key narratives in this movement have centred on political inclusion, economic empowerment, and social justice (Mutua, 2006; Schmitz, 1999). In the pre-colonial period, Kenyan women held significant roles in their communities. Still, the advent of colonial rule saw the introduction of patriarchal systems that marginalized women's roles in society (Mutua, 2006). The post-independence era signalled the start of organized efforts by women for equality, as women began to organize and lobby for improved legal status and representation.

A key milestone in the campaign for gender equality policies was the establishment of Maendeleo Ya Wanawake Organization in 1952, which became a strong champion for women's rights. During the following decades, women in Kenya increasingly pushed for political space and legislative changes (Jivanjee & Tebb, 1999; Thongori, 2003). The Third World Conference on Women, held in Nairobi in 1985, marked an important milestone, providing Kenyan women with a platform to catalyse the gender equality movement on a global scale. This led to increased visibility and activism that culminated in several legislative and policy changes. A major accomplishment was the Gender and Development Policy, introduced in 2000 (The Government of Kenya, 2000; CEDAW Committee, 2003), which aimed to mainstream gender in all sectors of development. This policy acknowledged women's contributions to development and aimed to tackle the structural barriers hindering women's complete involvement in the public aspects of their lives. With continued advocacy and activism, there were more landmarks such as the passing of the new Kenyan constitution in 2010, which included a bill of rights affirming women's rights and provided for gender representation quotas in government (Mutua, 2006; Kamau, 2010). Fast forward to 2019, the Kenyan government updated the Gender and Development Policy (Republic of Kenya, 2019), to enhance the realization of the rights to equality and the empowerment of women in the national development agenda. This new policy aimed to address emerging issues and reinforce commitments to international conventions like the Beijing Platform for Action and Sustainable Development Goals. In this context, through activism, policy-making, and legislative reforms, Kenyan women have made substantial headway in the fight for gender equality. Despite progressive legislative reforms, however, persistent inequalities and traditional societal norms continue to shape contemporary discussions on gender, which largely disfavour women (LKWV, 2005; FIDA-Kenya, 2022).

This paper, therefore, aims to scrutinize how these themes are framed and communicated, and their impact on the execution of gender parity policies by the Kenyan government. By examining

the language, political rhetoric, and power dynamics inherent in the gender policy documents, the study undertakes to elucidate the recurrent themes and underlying ideologies that influence gender policies in Kenya. Our analysis is driven by the premise that language both reflects and constructs social realities (Fairclough, 2013; Wodak, 2015; Fairclough & Scholz, 2020), and as such, provides critical insights into the state of gender politics within Kenyan society. We engage with the current discourses, dissecting how gender is 'done' and how such constructions shape, and are shaped by, policy directions aimed at gender equity and empowerment. Understanding the recurring themes in the policy discussions on women's rights to gender equality is crucial for identifying gaps, addressing challenges, and formulating effective policies that promote gender equality.

Literature review

Kenya's gender policy landscape has evolved significantly over the past three decades, characterized by a shift from emphasizing women's 'welfare' to a broader advocacy in relation to gender parity and the rights of women. Despite the aforementioned key milestones, and in accord with LKWV (2005; FIDA-Kenya (2022), several scholars argue that although the available policies signal progressive intent, they often contain contradictions that undermine genuine gender equity (Aberi, 2016; Berry, Bouka, & Kamuru, 2021; Murunga & Machio, 2024). In this context, for instance, Aberi (2016) and Novovic (2021) note the persistence of patriarchal values and cultural norms that subtly influence policy formulation and implementation. Similarly, past studies identify various hidden ideologies within policy discourses that perpetuate gender inequality (Atambo, 2019; Ndambuki, 2010). These ideologies manifest in language that often frames women's empowerment in need-based terms rather than as a fundamental right, reinforcing a dependency narrative rather than one of agency.

In addition, power structures entrenched in socio-political contexts continue to marginalize women's voices in policy discussions, creating a disconnect between policy intentions and actual practices (Kamau, 2010). Available literature indicates that the dominant discourses surrounding gender equality often mask the realities of unequal power relations in Kenyan society. For example, while policy documents advocate for gender parity, the actual implementation frequently reflects disparities in access to resources and decision-making power (Aberi, 2016; Kenyatta, 2023; Novovic, 2021). In this context, for instance, Amunga and Amadalo (2020) note that despite substantial strides in promoting gender equality and empowering women, the enforcement of policies for equality in Kenya has historically embraced a top-down approach that ignores a focus on the foundations upon which women depend to access and make use of the available decision making structures provided by the current Gender and Development Policy.

Furthermore, despite a growing body of research on gender and discourse in Kenya, significant gaps remain, particularly regarding longitudinal analyses that evaluate the impact of evolving discourses on gender equality outcomes over time. In this context, existing studies often focus on isolated aspects of gender policy without a comprehensive understanding of the interrelations between language, ideology, and power (Aberi, 2016; Ndambuki, 2010).

Based on this understanding, therefore, this study sought to unravel the tacit ideologies and power dynamics in Kenya's gender equality policies by answering the questions:

What are the dominant themes within Kenya's gender policy over the last three decades?

How do hidden ideologies and power structures influence these themes?

In what ways do these themes reflect and sustain imbalanced power dynamics between men and women within Kenyan society?

Materials and methods

The study adopts a qualitative research design and draws on Fairclough's (1995, 2020) Three-tier approach to Critical Discourse Analysis (CDA) to examine the recurring themes in the policy discourse of gender equality in Kenya. CDA enabled the researcher to uncover implicit ideologies and unequal power dynamics that characterize the policy discourse. Purposive sampling procedures were used to select relevant policy documents on gender equality in Kenya. Considering that no financial assistance/funding was provided to support this study, policy texts investigated included the official government's gender and development policies, and initiatives focused on promoting gender equality and empowering women, spanning the last 20 years.

Data collection and analysis

To guarantee the validity of the research findings and a more nuanced understanding of the phenomenon under investigation, data for the study was collected through document Analysis (i.e., close reading and content analysis) of gender policy documents with a focus on the language used and the broader discursive practices within institutions and society. These enabled the researcher to obtain primary textual data from Governmental gender and development policy documents, transcripts from academic research, periodic reports by the UN Organizations responsible for the rights of women, and publications by Human Rights-based NGOs focused on the same rights in Kenya.

The aforesaid documents represent the official policy discourse on gender equality in Kenya and provide insights into the recurring themes, hidden ideologies, and power structures underlying Government policies on the rights to gender equality in Kenya. The research employed qualitative data analysis techniques to analyze the data in line with its objectives. That is, the study analyzed the textual content of the aforementioned policy documents, with a focus on the recurring themes, linguistic patterns, and underlying ideologies related to gender equality. Anchored in Fairclough's (1995/2020) Three-Tier Approach for Critical Discourse Analysis, this involved a description of the linguistic and rhetorical strategies, interpretation of the discursive interactions and power structures used, and an explanation of how these discursive interactions and power structures influence policy outcomes (Fairclough & Scholz, 2020; Mulderigg, Montessori & Farrelly, 2019). In this context, analysis of policy documents was done using Critical Discourse Analysis in the following sequence: (1) Familiarization with the data through close reading and repeated engagement with the textual materials; (2) Identification of recurring themes, linguistic features, and rhetorical tactics employed in the policy texts; (3) Examination of the embedded ideologies and power structures that shape the policy discourse; and (4) Analysis of the varied ways in which these discursive interactions and power dynamics affect the execution of policies on gender equality in Kenya. The study was conducted with integrity, ensuring that the analysis was objective and free from biases. Furthermore, ethical considerations were taken into account throughout the research process, particularly in the interpretation and presentation of findings, to uphold the rights and integrity of individuals and groups represented in the analyzed texts.

Results

A critical discourse analysis of the policy texts examined revealed several thematic concerns in Kenya's discourse of gender equality. One key finding was the continued normalization and legitimation of discriminatory practices around property ownership and inheritance rights, in which case, the official gender and development policy discourse was found to reflect and reinforce traditional gender roles that perpetuate gender inequality within Kenyan society (see 5.1). Along similar lines, the study confirmed the utilization of gender-based violence directed toward women to maintain power imbalances (see 5.2). The study confirmed that political leadership in Kenya has historically been viewed as a male-dominated domain, with leaders often adopting paternalistic approaches (see 5.3). The study further revealed that oppressive cultural practices and traditions were largely to blame for women's inequality (see 5.5). In this respect, the study uncovered the negative socialization practices that perpetuate the subordinate and inferior status of women, along with culturally supported patriarchal norms that support the subjugation of women by their male partners as a means of maintaining discipline at home. Regarding education, the analysis revealed significant gender disparities, which were attributed to teachers' lack of understanding of gender equality, as well as detrimental traditional practices, such as female circumcision, early marriages and childbearing, including the disproportionate burden of domestic chores on girls (see 5.6).

Discussion

The present study investigated the dominant themes within Kenya's gender policy over the past three decades, with a focus on how hidden ideologies and power structures influence these themes, as well as the way in which these themes reflect and perpetuate imbalanced power dynamics between men and women in Kenyan society. These are better demonstrated in the ensuing discussion.

Property ownership and inheritance rights

Women in Kenya continue to face discrimination based on cultural norms and traditions, particularly regarding their rights to own property and inheritances. According to Nnoko and Abdi (2020), Gaafar (2014), FIDA-Kenya (2013), and Kameri-Mbote (2006), though ownership of land is crucial for women's ability to access markets and better standards of living, a negligible proportion of women in Kenya possess land, as property ownership is regulated by a combination of legal, customary/traditional, and religious frameworks that support the prevailing patriarchal systems that disadvantage women (Kameri-Mbote, 2006). This observation aligns with Fairclough's (1995) and Mulderriig, Montessori and & Farrelly's (2019) emphasis on how discourse can be used to reinforce power imbalances in society. Further, the argument above that a negligible proportion of women own land due to legal frameworks that privilege men reflects the ideological underpinnings (Van Dijk, 2019) embedded within these laws. However, it is essential at this point to acknowledge that some communities are beginning to challenge these traditional norms, with grassroots movements advocating for women's land rights, suggesting a potential shift in societal attitudes.

Furthermore, Kameri-Mbote (2006) notes that while some women may own movable property or chattels, they often lack legal claims over land. This distinction between movable and immovable property underscores how legal systems can further marginalize women by restricting their rights to

certain types of assets. This state of affairs is worsened by several other factors. First, Mbote argues that unmarried women in Kenya are viewed as being in a transition stage, in which case, they are not allowed to own property in their own right (Mbote, 2006). In other words, women are seen as persons meant for another clan (i.e. upon marriage), hence not part of their ancestral land and property. From a critical discourse analysis perspective, this can be said to reflect the normalization and legitimation (Fairclough, 2013; Van Leeuwen, 2008) of discriminatory practices, as well as the reinforcement of traditional gender roles that serve to perpetuate gender inequality within society. Nevertheless, it is important to consider that legal reforms, such as the Matrimonial Property Act, have been enacted to improve women's rights regarding property ownership, indicating a legal recognition of women's rights that could be further strengthened through effective implementation.

Second, the majority of the communities in Kenya continue to see women as a form of property. For instance, Human Rights Watch (2003) posits that among the Maasai community of Kenya, a woman is considered as her husband's property, and cannot own land or property on her own, just as she cannot sell any property without her husband's consent. This condition though as Human Rights Watch clarifies, does not apply to the Maasai men who sell their family property without consulting their wives. This underscores the role of Maasai culture in perpetuating women's inequality, as well as the reproduction of discriminatory beliefs and practices that continue to deny of their rights to equality in property ownership. However, it is crucial to recognize that there are ongoing discussions within these communities about redefining women's roles and rights, which may lead to gradual changes in perceptions and practices.

Thirdly, Matogo (2010) and Smith, et al., (2009) posit that the right of women to own property is worsened by the ongoing practice of polygamy. In this case, as these scholars posit, husbands use their hard-earned family resources to marry other wives, who later claim a share in the remaining family resources, besides increasing the couple's chances of contracting HIV/AIDS (Matogo, 2010; Smith, et al. 2009).

Finally, in case of divorce as (Kameri-Mbote states, it becomes problematic for women to claim a share of the family's property, because any property acquired subsequent to marriage is typically registered under the husband's name (Kameri Mbote, 2000; Kameri-Mbote, 2006).

From a critical feminist perspective (Tripp, Ferree & Ewig, 2013), the aforesaid sentiments can be said to manifest the "misogyny and toxic masculinity" (Feldman, 2023) of the Kenyan leadership that continues not only to tolerate prejudice and discrimination against women, but also the sexism that involves negative attitudes, beliefs, and behaviours towards women, which necessitate denying them their deserved rights and opportunities for political participation on equal footing with men. This is particularly evident in the framing of women through a gendered lens as persons meant for another clan. This reflects Kenya's policy discourse of gender equality as one that is responsible for perpetuating existing inequalities by limiting the accessibility of women to land ownership, despite the enactment of the Matrimonial Property Act to safeguard women's rights concerning property obtained upon marriage. Conversely, some argue that the Matrimonial Property Act has laid the groundwork for future advancements in women's property rights, suggesting that ongoing advocacy and awareness campaigns could facilitate better implementation and adherence to these laws.

What is more, this state of affairs is more pronounced in rural areas of Kenya, where residents have limited access to justice, given the existing discriminatory traditional practices and beliefs that favour men at the expense of women (Nnoko & Abdi, 2020; Koech, 2020). Arguably, therefore, the

discursive construction of women as secondary property owners above can be said to serve to maintain patriarchal structures that disempower them economically and socially.

Violence against women and girls

A central concern within Kenyan policy discourse on the rights of women is the pervasive issue of violence based on gender, including its disproportionate impact on women. This involves a wide range of abuses, including domestic violence, sexual exploitation, female circumcision, underage marriage, and human smuggling. Despite the Kenyan Constitution's explicit guarantee of protection from inhumane and degrading treatment, Kopiyo (1994), Ondicho (2000), Matogo (2010), and the Republic of Kenya (2015;2019) reveal a concerning rise in domestic violence cases against women. This encompasses occurrences of domestic violence, coerced premature marriages for adolescent females, female circumcision, and sexual exploitation, intimate partner rape and virginity testing among other cultural practices that continue to impact Kenyan women today. In this context, for instance, Kopiyo reiterates the July 1991 St. Kizito's tragedy, whereby more than seventy school girls were raped, nineteen killed and several others injured. The same applies to Hasci's story *From the Frying Pan into the Fire*, which explains the inhuman treatment, mass rape, and killing of several Somali refugee women in Kenya from 1991-1997, more so, by bandits, policemen, and other law-enforcing officers (Hasci, 1999, cited in Fox 1998, p.11-13). Nevertheless, it is worth noting that there are increasing efforts from civil society organizations and women's groups advocating for the rights of survivors and pushing for stronger legal protections against gender-based violence.

In this context as Hasci notes, despite acceding to international human rights treaties like CEDAW which prohibits gender-based violence directed towards women, and the United Nations' bodies responsible for safeguarding the rights of refugee women, Kenya failed in its mandate to safeguard the rights of Somali refugee women in Kenya (Hasci, 1999, cited in Fox 1998, p.11-13). This appalling state of affairs aligns with Bunch and Frost's (2000) view that many countries of the world (and in this context Kenya in particular), tend to overlook the majority of the transgressions against women's rights by men and male family members, regardless of the existing legislative measures to protect women against abuse.

Taking into account the role of CDA in unveiling the hidden power structures, ideologies, and social inequalities embedded within language and discourse (Chouliaraki & Fairclough, 2021; Fairclough, 2013; Wodak, 2015), the arguments above can be said to be tailored to help raise public awareness about the pervasive nature of gender-based violence in Kenya. This is crucial for mobilizing public opinion, and influencing policy decisions, thereby emphasizing the need for more effective policy interventions that go beyond the mere enactment of the Protection against Domestic Violence Act (2015), to include its implementation to ensure women and girl's protection from gender based violence. It is in this sense that Fairclough and Wodak (2010) emphasize that CDA goes beyond mere textual analysis and seeks to empower marginalized groups by challenging the status quo.

Women and political representation

The limited political representation of women in Kenya has been a longstanding issue in Kenyan politics. Efforts to enhance the involvement of women in political and problem-solving arenas

remain a key focus within Kenya's policy discourse. However, FIDA-Kenya (2022) asserts that though the 2010 Kenya Constitution endorses the need to encourage women's involvement in both elected and appointed roles within government in line with the principle of affirmative action that seeks to enhance gender equality by actively increasing women's presence in decision-making roles, the "political landscape in Kenya has remained predominantly male and the implementation of parity is patchy," thereby suggesting that the enforcement of initiatives to promote the representation of females in decision-making roles within Kenya has been inconsistent and incomplete. On the other hand, some argue that the increasing visibility of women in local governance positions indicates a gradual shift towards greater political representation, signaling potential for future advancements. This view coheres with the Kenyan government's assertion that though women make up over fifty percent of the population in Kenya, they still "lag behind in governance, power, decision-making and elective politics" and that the historical dominance of men in the Kenyan Parliament "adversely affects women involvement in decision-making processes" (Republic of Kenya, 2019). In this respect, FIDA's argument above seems to challenge the dominant policy discourse in Kenya that has historically normalized the perception of men as the exclusive guardians of social, economic, and political systems, while women have been relegated to the role of recipients of choices made by men. From Fairclough's (1995) concept of historicity, it is arguable that issues of political leadership in Kenya have historically been regarded as a preserve for men, who have also continued to view leadership in a paternal way. This means that the dominant discourse of leadership in Kenya continues to treat women as outsiders in the field of political leadership. This paternal thinking as Kamau (2010) reiterates, continues to engender the prevalent patriarchal feeling that women can only access leadership through co-optation into a male-centric system. This understanding is better captured by Matogo's text below:

Patriarchy has made women to shy away from influential positions in parliament even though the current constitution allows women to vie for political seats. Systematically, men have thought their role as the sole custodians of socio-economic and political institutions was the norm, whereas women have gotten used to being the recipients of decisions made by men even when these decisions were not shared or inclusive of their needs (Matogo, 2010, p.18).

The text above draws on the concept of "patriarchy" to suggest that deeply ingrained societal norms and power structures have systematically prevented women from accessing positions of power and influence within Kenyan society, despite the constitutional provisions that aim to promote gender parity in political representation. From a Faircloughian perspective, the excerpt above can be said to constitute a critique of the communicative practices that continue to sustain gender inequality in the political sphere (Fairclough, 1995). In this regard, Kamau regrets that the above said continues to compromise the rights of women to equal participation in the political arena, even though Kenya acceded to International human rights frameworks like the 1995 Beijing Platform for Action that Called for equal involvement of women in political leadership roles, and CEDAW, whose article seven obligates all the United Nations member states to strive diligently to eradicate all types of discrimination against women in political and public engagements (Kamau, 2010). It is in this sense that Fairclough (2013), Wodak (2015), and Chouliaraki and Fairclough (2021) emphasise the need to understand how discourse is used to establish and maintain power and social inequalities. As such, this understanding calls for the need for more comprehensive and transformative approaches to address the underlying structural and sociocultural impediments to women's progress in the political arena.

Nonetheless, it is essential to recognize that the challenge of political representation is multifaceted, requiring not only policy changes but also shifts in societal attitudes towards women's leadership.

Women's health and reproductive rights

Concerning women's right to health, thousands of Kenyan women and girls lose their lives every year in childbirth and pregnancy, due to inadequate medical attention and/or healthcare system failures (Human Rights Watch, 2011); in this respect, one in every thirty-nine women in Kenya die during childbirth, and this state of affairs is precipitated by women's inconsistent access to contraceptives, and the government's stringent laws that criminalize abortion thus limiting women's access to safe abortion (Human Rights watch, 2011; FIDA-Kenya, 2007; Alm & Wiklund, 2005; Matogo, 2010), thus enhancing maternal deaths, unwanted pregnancies and disabilities among women and girls. Similarly, Kenyan women remain unable to exercise their reproductive and sexual rights, a situation blamed for the high prevalence of HIV/AIDS infections among women compared to men (FIDA-Kenya, 2007; Matogo, 2010), and the prevalence of gender-based sexual violence toward women, along with the cultural practice of polygamy and other related issues that persist in obstructing women's ability to fully exercise their reproductive and sexual rights (FIDA-Kenya, 2007; Matogo, 2010). However, it is crucial to highlight that there are ongoing advocacy efforts aimed at reforming restrictive laws and improving access to healthcare services for women, indicating a growing awareness of women's health rights.

In line with Chouliaraki and Fairclough's (2021) framework for discourse analysis, the aforementioned can be said to situate the issue of maternal mortality and women's reproductive rights within the larger social and cultural context of Kenya, thereby uncovering the deep-rooted societal structures and underlying power dynamics and structural inequalities that contribute to the lack of reproductive and sexual rights for Kenyan women. This state of affairs is further reiterated by FIDA-Kenya (2007), Matogo (2010), and Human Rights Watch (2011), who blame the lack of political will, inconsistent access to contraceptives and restrictive abortion laws, dominant patriarchal structures, and customary and religious cultures/ practices as part of the complex interplay of factors contributing to maternal deaths, unwanted pregnancies, high cases of HIV/AIDS infections, and disabilities due to lack of access to their reproductive and sexual health rights.

Oppressive cultural practices and traditions

According to Mutua (2006) and the Republic of Kenya (2019), some communities in Kenya strive to uphold their varied cultural beliefs, religious practices, and traditions, which often reflect gender hierarchies that legitimize the subordination of women to men, thus complicating their pursuit of gender equality. The same observation is given by the Kenya League of Women Voters (2005), which blames women's inequality on the negative socialization practices that stress the subordinate and lesser status of women, along with culturally supported patriarchal norms that permit men to beat their wives as a way of maintaining discipline at home. From Fairclough's (2013), Wodak's (2015) and Chouliaraki and Fairclough's (2021) perspective of critical discourse analysis, the Kenya League of Women Voters argument above can be said to suggest that the oppressive cultural practices are not only deeply rooted in the social fabric, but are also actively

perpetuated through various socialisation mechanisms, such as gender-based violence. Moreover, Mutua's and the Kenya League of Women Voters' sentiments above highlight not only the persistent challenge of maintaining cultural beliefs and religious practices that uphold gender hierarchies and the continued subjugation of women, but also reflect a deeply ingrained patriarchal ideology that "normalizes and legitimizes" (Fairclough, 2013; Van Leeuwen, 2008) the refusal to acknowledge women's basic rights and freedoms. Yet, some argue that the engagement of men as allies in the fight for gender equality can be pivotal in challenging and changing these oppressive cultural norms.

According to Nasong'o and Ayot (2007), and FIDA-Kenys (2022), though the Kenyan constitution stipulates equality between men and women, this remains theoretical, considering that the prevalent patriarchal structures subordinate women to men. As a consequence, FIDA-Kenya insists that women's ability to access justice and equality in many areas of their lives remains difficult (FIDA-Kenya, 2007). The impact of cultural practices and traditions affecting women's ability to achieve their rights are discussed under the following headings.

Education and gender disparities

Despite the existence of policies aimed at promoting gender-responsive education (Matogo, 2010; Soeda, 2008; Unterhalter & North, 2011), glaring gender inequalities in schooling are still visible (Soeda, 2008; Matogo, 2010; Unterhalter & North, 2011). In this regard, a host of constraints like teachers' lack of understanding of gender equality, early pregnancies, inadequate funding, detrimental Cultural customs such as child marriage and female circumcision, inadequate funding, domestic chores, discrimination against the girl-child, socioeconomic and cultural influences of colonialism that ensured the marginalization and exclusion of women from pursuing education and economic activities, are identified as part of the hinderances to girls' access to, retention and completion of school (Soeda, 2008; FIDA-Kenya, 2007; Matogo, 2010; Unterhalter & North, 2011; Republic of Kenya, 2019). Notice also that the inability of women to exercise their right to education is rooted in a lack of cultural endorsement, where some cultures, such as the Maasai ethnic group, see little relevance in schooling, especially for girls (Education International, 2005, cited in Matogo, 2010). This lack of cultural support leads to the majority of girls being married off at a young age, often at the expense of their education. From Fairclough's (1995) concept of Social Practice Analysis that seeks to situate discursive practices within the wider social and cultural context, the aforementioned reflects a broader societal issue where the undervaluation of women's education perpetuates their marginalization and limits their agency.

In a similar vein, drawing on their study on gender equality and education in Kenya, Unterhalter and North (2011) observe that Kenya's language of rights does not take into account challenges related to rights, abilities, and international obligations (Unterhalter & North, 2011, p. 508). The study further notes Kenya's misinterpretation of gender equality (i.e., as gender equity), hence its current gender-blind approach to substantive gender equality. This narrow understanding of the concept of gender equality is evident in the insufficient seriousness and dedication to addressing gender issues in education by the Kenyan government.

...only one official in the National Department of Education had responsibility for the gender policy and provincial and district officials were instructed to implement centrally directed policy,

often with virtually no additional staff, training or strategic direction (Unterhalter & North, 2011, p.497).

A critical view of the arguments above confirms the complex and multifaceted nature of gender inequalities in education, in Kenya, which are deeply embedded within cultural, social, and institutional structures. This underscores the necessity of sustained and comprehensive measures to address these challenges and create an education system that provides equal access and opportunities for all individuals, regardless of gender.

This section analyses, interprets, and evaluates the study's results. Begin the Discussion section with a clear statement regarding whether the data support the primary and additional hypotheses or not. Similarities and differences between this study's findings and those of other researchers should be used to conceptualise, validate, and refine the conclusions.

Conclusions

This research sought to investigate the key themes within Kenya's gender policy discourse through a critical discourse analysis approach. In this respect, the study found that though the Kenyan government has implemented affirmative action policies to enhance women's political participation, there is persistent underrepresentation of women in decision-making positions (see 4.3). This state of affairs was found to be precipitated by the existing socio-political structural barriers, traditional gender roles, and limited access to financial resources that continue to hinder many women from achieving economic and political independence necessary for their full participation. Likewise, gender-based violence against women, gender disparities in education, oppressive cultural practices, traditions and norms that emphasize women's subordinate and inferior position were found to be responsible for women's inequality (see 4.1-4.6).

Concerning the prevailing hidden ideologies and power dynamics that influence gender-related policies and practices in Kenya, the study uncovered the discursive strategies employed to marginalize and disempower women, thereby perpetuating and reinforcing gender-based disparities and patriarchal norms that remain significant obstacles to the advancement of gender equality policies in Kenya (see 4.1-4.6). More significantly, by illuminating the recurring themes and discursive constructions of gender, power, and rights within the Kenyan context, the study contributes to a more nuanced understanding of the barriers and opportunities for advancing gender equality and women's rights in Kenya.

One of the primary contributions of this study is its identification of recurring themes such as property ownership rights, gender-based violence, political representation, and educational disparities. These findings demonstrate that despite legislative advancements, such as the 2010 Constitution and the 2019 Gender and Development Policy, the practical implementation of these policies remains fraught with contradictions and cultural resistance.

Moreover, the study emphasizes the role of language in constructing social realities. By utilizing Fairclough's (1995/2020) Three-Tier Framework for Discourse Analysis, the research demonstrates that policy discourse is a powerful tool for maintaining power dynamics. In this context, the analysis reveals how policy language can obscure underlying inequalities, making it imperative for policymakers to critically evaluate the language used in gender policy formulation. This finding is crucial for future policy development, as it suggests that a mere change in policy text is insufficient without a corresponding shift in the ideological underpinnings that perpetuate gender inequality.

Importantly, the implications of this study extend beyond academic discourse; they are vital for practitioners, policymakers, and advocates working towards gender equality in Kenya. In this respect, by highlighting the entrenched cultural norms that hinder progress, the research calls for a more nuanced approach to policy implementation that includes grassroots advocacy and community engagement. It suggests that effective gender policies must not only address legislative gaps but also challenge the cultural narratives that sustain gender-based discrimination.

Furthermore, the study underscores the need for longitudinal research to evaluate the impact of shifting discourses on gender equality outcomes. Understanding how changing narratives influence societal attitudes and behaviors is essential for assessing the effectiveness of gender policies over time. This highlights the need for ongoing dialogue and reflection within the feminist movement in Kenya, ensuring that the voices of marginalized women are included in policy discussions.

More significantly, this study adds to the expanding corpus of knowledge concerning gender policies in Kenya – by providing a critical perspective from which to analyze the interplay between language, power, and gender. This explains the need for a transformative approach to policy-making in Kenya that recognizes and addresses the complexities of gender inequality. By doing so, this study aims to foster a more equitable society where the fundamental rights and freedoms of women are not only enshrined in legislative structures but also implemented in everyday life.

Список источников / References

1. Aberi, G. (2016). Intertextuality in Kenyan policy discourse on the rights of women: Diss. Dr. Sci. (Applied Linguistics). Victoria University. Wellington.
2. Alm, A.C., Wiklund, H. (2005). A case study of proactive work with gender equality in the country council of Kronoberg, Sweden. *Work*, 24 (4), 391-397. <https://doi.org/10.3233/WOR-2005-244-391>
3. Amunga, J., Amadalo, M.M. (2020). The gender STEM gap and its impact on sustainable development goals and the big four agenda in Kenya: a synthesis of literature. *International Journal of Contemporary Education*, 4 (1), 1-10. <https://doi.org/10.11114/ijce.v4i1.4867>
4. Atambo, N. (2019). Language, gender and power: the discursive construction of the Kenya national assembly politicians (2013-2017): Diss. Dr. Sci. (Humanities and Social Science). Kenyatta University. Kenya.
5. Berry, M.E., Bouka, Y., Kamuru, M.M. (2021). Implementing inclusion: gender quotas, inequality, and backlash in Kenya. *Politics & Gender*, 17 (4), 640-664. <https://doi.org/10.1017/S1743923X21000433>
6. CEDAW Committee (2003). Consideration of reports submitted by State Parties under Article 18 of the Convention: combined 3rd and 4th periodic report of Kenya.
7. Chouliaraki, L., Fairclough, N. (2021). Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474458850.001.0001>

Абери Д.Э. (2025)

Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в кенийской политике гендерного равенства
Язык и текст, 12(2), 6—21.

Aberi G.E. (2025)

Decoding power dynamics and hidden ideologies in Kenya's gender equality policies
Language and Text, 12(2), 6—21.

8. Fairclough, N., Scholz, R. (2020). Critical discourse analysis as “dialectical reasoning”: from normative critique towards action, by way of explanation. *Mots. Les Langues du Politique*, 113, 113-123. <https://doi.org/10.4000/mots.2728>
9. Fairclough, N. (2018). CDA as dialectical reasoning. *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*. J. Flowerdew, J.E. Richardson (eds.), 13-25. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315690928-3>
10. Fairclough, N. (2013). *Critical Discourse Analysis: the critical study of language*. New York: Routledge.
11. Fairclough, N., Wodak, R. (2010). Critical Discourse Analysis in action. *Methods of Text and Discourse Analysis*. S. Titscher, M. (eds.), 121-138. Sage.
12. FIDA-Kenya (2007). Gender discrimination in education: the violation of the rights of women and girls.
13. FIDA-Kenya (2007). The status of women's reproductive health rights in Kenya. Nairobi: FIDA-Kenya.
14. FIDA-Kenya (2013). Women's land and property rights in Kenya. Nairobi: FIDA-Kenya.
15. Gaafar, R. (2014). Women's land and property rights in Kenya. Center for Women's Land Rights.
16. Human Rights Watch (2003). *Women's Property Rights in Kenya: A Shadow Report*.
17. Human Rights Watch (2011). *Human Rights Watch World Report 2011: Events of 2010*. New York: Human Rights Watch.
18. Jivanjee, P., Tebb, S. (1999). Visions of community women and children in the developing and developed worlds. *International Social Work*, 42 (1), 27-38. <https://doi.org/10.1177/002087289904200103>
19. Kamau, N. (2010). *Women and political leadership in Kenya*. Nairobi: Heinrich Boll Stiftung.
20. Kameri-Mbote, P. (2006). *Gender discrimination in property ownership laws in Kenya*. Nairobi: University of Nairobi Press.
21. Kenya League of Women Voters (LKWV) (2005). *Report on the Status of Women in Kenya*.
22. Kenyatta, G.N. (2023). Toward inclusive advancement: an analysis of gender equity in Kenya. *Journal of International Women's Studies*, 25 (2), 9. <https://doi.org/10.1016/j.jiw.2023.01.001>
23. Koech, M.C. (2020). *An examination of gender gaps in systems of land ownership in relation to food security in Kenya*. Diss. Dr. Sci. (Master of Arts). University of Nairobi.
24. Matogo, N. (2010). Gender equality in education in Kenya: challenges and prospects. *International Journal of Educational Development*, 30 (1), 11-16. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2009.03.002>
25. Mulderrig, J., Montessori, N.M., Farrelly, M. (2019). Introducing critical policy discourse analysis. *Critical Policy Discourse Analysis*, 1-22. Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781788115549.00006>

Абери Д.Э. (2025)

Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в кенийской политике гендерного равенства
Язык и текст, 12(2), 6—21.

Aberi G.E. (2025)

Decoding power dynamics and hidden ideologies in Kenya's gender equality policies
Language and Text, 12(2), 6—21.

26. Mutua, D.A. (2006). Gender equality and women's solidarity across religious, ethnic, and class differences in the Kenyan constitutional review process. *William and Mary Journal of Women and the Law*, 13, 1-20.
27. Murunga, P., Machio, P. (2024). Towards attainment of gender equality in Kenya's education sector. KIPPRA.
28. Nguni, W. (2020). Access to sexual and reproductive health and rights of underage girls in sex work in Kenya. Diss. Dr. Sci. (Master of Arts in Human Rights). University of Nairobi.
29. Ndambuki, J. (2010). Discursive representation of women's interests and needs in Makueni District. Diss. Dr. Sci. University of Witwatersrand.
30. Nnoko, J., Abdi, N. (2020). Securing women's property rights in Kenya. *The Daily Nation/Human Rights Watch*, March 7.
31. Novovic, G. (2021). Contextualizing gender equality: gender mainstreaming between global governance frameworks and national and institutional policy agendas in Kenya, Rwanda, and Uganda. Diss. Dr. Sci. (Political Sciences). University of Guelph.
32. Republic of Kenya (2000). National Gender and Development Policy. Nairobi: Ministry of Gender, Sports, Culture and Social Services.
33. Republic of Kenya (2010). The Constitution of Kenya. Nairobi: Government Printer.
34. Republic of Kenya (2019). Gender Policy 2019: Ministry of Gender, Children and Social Development.
35. Republic of Kenya (2015). The Protection Against Domestic Violence Act. Nairobi: National Council for Law Reporting.
36. Schmitz, W. (1999). Transitional activism and political change in Kenya and Uganda. *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change*. T. Risse, S. Ropp (eds.), 1-30. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511802544.002>
37. Smith, J., et al. (2009). Polygamy and women's property rights in Kenya. *Journal of Gender Studies*, 7 (2), 3-18. <https://doi.org/10.1080/09589230902802584>
38. Soeda, Y. (2008). Gender issues in education in Sub-Saharan Africa. *International Journal of Educational Development*, 28 (6), 673-686. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2008.03.002>
39. Thongori, J. (2003). Incorporating women's rights into the new constitution in Kenya. *Report of the Constitution of Kenya Review Commission*, 5 (10), 184-187.
40. Tripp, A.M., Ferree, M.M., and Ewig, C. (2013). Gender, violence, and human security: critical feminist perspectives. New York: NYU Press.
41. Unterhalter, E., North, A. (2011). Responding to the gender and education millennium development goals in South Africa and Kenya: reflections on education rights, gender equality, capabilities, and global justice. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 41 (4), 495-511. <https://doi.org/10.1080/03057925.2011.588766>

Абери Д.Э. (2025)

Расшифровка динамики власти и скрытых идеологий в
кенийской политике гендерного равенства
Язык и текст, 12(2), 6—21.

Aberi G.E. (2025)

Decoding power dynamics and hidden ideologies in
Kenya's gender equality policies
Language and Text, 12(2), 6—21.

42. van Dijk, T.A. (2019). Ideologies, Racism, Discourse: debates on immigration and ethnic issues. *Comparative Perspectives on Racism*, 91-115. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429273774-6>
43. Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*, 1-14. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi104>
44. Wash, I. (2020). Interpreting public policy dilemmas: discourse analytical insights. *Humanities and Social Sciences Communications*, 7 (129), 1-12. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00574-9>

Информация об авторе

Джордж Эзекиль Абери, специалист в области прикладной лингвистики, междисциплинарный исследователь, кафедра языков, лингвистики и литературы, Университет Кисии, Кисии, Кения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1355-5983>, e-mail: george.aberi@kisiuniversity.ac.ke

Information about the author

George E. Aberi, Applied Linguist, Interdisciplinary Researcher, Department of Languages, Linguistics and Literature, Kisii University, Kisii, Kenya, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1355-5983>, e-mail: george.aberi@kisiuniversity.ac.ke

Поступила в редакцию 09.03.2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Опубликована 23.06.2025

Received 2025.03.09

Revised 2025.05.28

Accepted 2025.06.10

Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Лингвокультурные особенности оценки внешности человека в арабском и русском языках

С.Н. Гасанова✉, С.Н. Магомедова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

✉ gsalminat@yandex.ru

Резюме

В статье рассматриваются фразеологические единицы арабского и русского языков, отражающие оценку внешности человека. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что национально-культурная специфика восприятия внешности человека наиболее ярко проявляется в фразеологизмах, характеризующих портретные особенности лица, а также пропорции тела. Выявлены как универсальные образы, содержащие оценку внешности, так и специфические представления и стереотипы, связанные с предметным, растительным, зоонимическим, религиозным и др. кодами культуры, отражающими лингвокультурные особенности оценки внешности человека носителями данных языков.

Ключевые слова: фразеологизмы, лингвокультурология, языковая картина мира, арабский язык, русский язык, культурный код

Для цитирования: Гасанова, С.Н., Магомедова, С.Н. (2025). Лингвокультурные особенности оценки внешности человека в арабском и русском языках. *Язык и текст*, 12(2), 22—32. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120202>

Linguistic and cultural features of assessing a person's appearance in Arabic and Russian

S.N. Gasanova✉, S.N. Magomedova

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

✉ gsalminat@yandex.ru

Abstract

The article examines the phraseological units of the Arabic and Russian languages, reflecting the assessment of a person's appearance. The analysis of the linguistic

material allows us to conclude that the national and cultural specifics of the perception of a person's appearance are most clearly manifested in phraseological units characterizing the portrait features of the face, as well as the proportions of the body. Universal images containing an assessment of appearance, as well as specific representations and stereotypes related to the subject, plant, zoonymic, religious, etc. are revealed. cultural codes that reflect the linguistic and cultural characteristics of the assessment of a person's appearance by native speakers of these languages.

Keywords: phraseological units, linguoculturology, linguistic worldview, Arabic, Russian, cultural code

For citation: Gasanova, S.N., Magomedova, S.N. (2025). Linguistic and cultural features of assessing a person's appearance in Arabic and Russian. *Language and Text*, 12(2), 22—32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120202>

Введение

Фразеологизмы, характеризующие внешность человека, составляют особый пласт лексики, отражающий национально-культурные стереотипы восприятия внешнего облика человека, связанные с портретными характеристиками, размером и формой частей тела, что составляют один из наиболее значимых фрагментов языковой картины мира» [Лаврищев, 2016, с. 359].

Актуальность исследуемой темы вызвана необходимостью углубленного понимания межкультурных различий в условиях современной глобализации, а также недостаточной изученностью сопоставительного анализа арабских и русских фразеологических единиц данной тематики.

Цель исследования заключается в выявлении и сопоставительном анализе фразеологизмов, описывающих внешность человека в русском и арабском языках, с учетом их семантики, оценочных коннотаций и культурной обусловленности.

Задачи реализации данной цели направлены на выявление, классификацию фразеологических единиц, описывающих внешность в сопоставляемых языках и выявление этнолингвистических, лингвокультурологических особенностей оценки внешности человека.

В языке как системе фразеологизмы выполняют не только номинативную функцию, обозначая определённые характеристики, но и выражают оценочные суждения, эмоциональные реакции, эталонные представления о красоте или непривлекательности объекта оценки, что играет «очень важную роль в межличностном общении» [Пучкова, 2021, с. 237].

Как отмечает Е.Н. Демешева, типологическая идентичность фразеологизмов в разных языках опирается на общность фразеологической модели, которая проявляется в различных языках в совпадении логико-семиотических и конкретно-образных форм реализации [Демешева, 2006].

Экспериментальные данные исследователей современной психологии говорят о том, что при восприятии человека человеком «на отражение физического облика (рост, глаза, лицо, волосы и пр.) приходится 82% из общего числа элементов внешнего облика, на экспрессию

(мимику, позы, речь и пр.) приходится 14%, а на оформление внешности (прическу, одежду, обувь и пр.) – всего 3,5 % [Попов, 2002, с. 24; цит. по: Ларищев, 2016, с. 360].

Человек познает себя через объекты внешнего мира, через предметы и явления, которые окружают его, и отражает это в национальной языковой картине мира [Мягкова, 2017, с. 3].

Результаты и обсуждение

Материалом для данной статьи послужили фразеологизмы, семантика которых содержит положительную или отрицательную оценку внешности человека в русском и арабском языках, извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и арабского языков, а также отраженные в публикациях по данным языкам.

При отрицательной или положительной оценке облика человека обычно характеристике подвергаются внешние части тела человека, дающие мотивационную базу для сравнения или актуализации подобию.

Наиболее частотными компонентами в таких фразеологизмах являются соматизмы *глаза, лицо, брови, нос, губы, руки* и др.

Так, например, в фразеологических единицах, характеризующих красоту лица (в основном, женского) в русском языке используются компаративные ФЕ с зооморфными, растительными, мифологическими и библейскими образами: *глаза, как у лани, как у газели, как у серны; красивые, как цветок; голубые, как васильки, как незабудки*; с библейскими, фольклорными и мифологическими персонажами: *голубые, как у Эльфы; красивые, как у богини* [Гасанова, Сагитова, 2019, с. 639].

Фразеологизм *кровь с молоком* в русском языке подчеркивает оценку красивого, здорового цвета лица, в котором белизна отдает румянцем.

В арабском языковом сознании красивый цвет лица ассоциируется с белизной: *البياض نصف الحسن* («белизна — половина красоты»), что является пословичным обобщением и отражает традиционные представления арабской культуры о внешности, в частности — о ценности светлого оттенка кожи. «Белое лицо является маркером положительной коннотации в арабском языке. Когда хотят порадовать кого-либо, то метафорически его лицо обеляют» [Магомеднабиев, Магомедова, 2019, с. 364].

Вместе с тем в русском языке функционирует пословица, которая выражает безразличие к физической красоте женщины: *С лица воды не пить, умела б пироги печь*. Больше ценится ум, а не красота: *красота - до венца - а ум до конца; красота завянет, а ум не обманет* [цит. по: Шайхулин, 2012, с. 172].

В арабских паремиях также отразилось сходное мнение о том, что некрасивые женщины гораздо счастливее в личной жизни, чем красивые. Например: *يلي إلهة كثير خطاب بتبور* (Та, у которой много женихов, останется без пары) – Та женщина, к которой сватаются многие, обычно остаётся незамужней.

Имплицитная семантика отсылает к тому, что человек, постоянно отказывающийся от своего шанса, рискует оказаться ни с чем.

البنت الملاحه بهذا والوحشة بهذين (досл. «Красивой девушке это, а некрасивой эти два») – Красивым девушкам выпадает один шанс, а некрасивым – два.

Следующие устойчивые компаративные конструкции арабского языка, образно описывающие красоту женщины, связаны с предметным (золотые сережки), растительным, животным (павлин) кодами культуры: *أحسن من النار* («прекраснее огня»), *أحسن من الطاوس* («прекраснее павлина»), *أحسن من شنف الأنضر* («прекраснее золотых серёжек»), *أحسن من الشمس والقمر* («прекраснее солнца и луны»). В арабском языке традиционно красота ассоциируется с сиянием, драгоценностей, небесными телами.

Фразеологизм *أحسن من زمن البرامكة* («прекраснее эпохи Бармакидов») представляет собой историко-культурную метафору, в которой эстетическое совершенство соотносится с эпохой, ассоциируемой с процветанием, роскошью и золотым веком [Ниязова, 2022, с. 78]. Династия Бармакидов занимала аббасидское министерство в течение 17 лет и сыграла важную роль в развитии халифата во второй половине VIII-начале IX вв.

Высказывание *كأنها من الحور العين* (букв. «словно из числа гурий») апеллирует к исламским религиозным образам — гуриям (райским девам), выступающим символами неземной, божественной красоты.

В следующей фразеологической единице арабского языка, с семантикой оценки красоты лица, также функционирует компонент с наименованием небесного тела: *وجه كالبدر* («лицо как полная луна») метафорически описывает *лицо* как светлое, округлое. *Полная луна в арабской* культуре ассоциируется с совершенством, чистотой и красотой и употребляется обычно для характеристики женской красоты.

ФЕ арабского зафиксировали также оценку бровей: тонкие, изогнутые слегка брови считаются красивыми, а вот сросшиеся обладают отрицательной оценкой: *أقْرُنُ الحواجب* – «со сросшимися бровями» (букв. «с рогатыми бровями»).

В фразеологических единицах описывающих внешность человека в русском и арабском языках отразилась также оценка формы *носа*: *нос крючком, борода клочком, нос курнос, а рыло дудко, нос картошкой* – о широком, толстом книзу носе, чаще всего обладает нейтральной или отрицательной оценочностью, в отличие от «орлиного носа», имеющего возвышенную коннотацию.

В этнолингвистическом словаре Г.И. Кабаковой отмечается, что по представлениям русских горбатый нос выдает хитроумного человека, длинный, крючковатый нос является признаком нечистой силы [Кабакова, 2004, с. 435]. В словаре В. Даля отмечена еще одна специфическая, устойчивая единица с компонентом *нос*: *то-то носина, что соборное гасило*. В данной единице не только дана отрицательная оценка длинного и загнутого носа, но и отсылает к религиозному коду культуры.

Фразеологизм *الأنف كمنقار الحدة* («нос как клюв коршуна») представляет собой зооморфное сравнение, указывающее на острый, загнутый нос. Это выражение может носить как нейтральный, так и ироничный характер в зависимости от контекста, а следующие примеры, выражают отрицательную оценку носа с горбинкой, ср.: *أنف أعقف* – «нос с горбинкой, орлиный нос» (букв. «кривой нос»); *أنف مقوَّس* – «нос с горбинкой, орлиный нос» (букв. «изогнутый нос»).

Выражения *الأسنان كأزهار الياسمين* («зубы как цветы жасмина») и *كاللؤلؤ المنظوم* («как нанизанные жемчужины») служат для характеристики ровных и белоснежных *зубов*. Метафоры с жасмином и жемчугом достаточно частотны в арабском поэтическом слове и символизируют чистоту, совершенство и дороговизну. Оба фразеологизма выражают

высокую положительную оценку. В русском языке выражение *зубы шифером*, характеризующее человека с неровными и **некрасивыми зубами**, несет отрицательную оценку. Метафора основана на визуальной аналогии с шиферной кровлей – материалом с волнообразной, неровной структурой.

Выражение *شفاتها كالورد* («губы как розы») представляет собой ботанический образ, метафорически подчеркивающий мягкость, цвет и чувственность **губ**. Это устойчивое сравнение активно используется в любовной лирике и литературе, характеризуя женскую красоту.

Фразеологизм *عينه كعيون الضفدع* («глаза как у лягушки»), напротив, несет в себе ироническую и сниженную оценку. Он характеризует выпуклые или широко раскрытые глаза, вызывая ассоциации с нелепостью или испугом.

Как показывает проанализированный материал, в обеих языковых культурах зооморфные метафоры как в арабском, так и в русском языке, достаточно активно используются для передачи внешних и оценочных признаков внешности.

В русском языке фразеологизмы, отрицательно оценивающие внешность человека, чаще всего обладают выраженной экспрессивностью, включают зооморфные образы и сравнения.

Арабский язык в сфере фразеосемантики при отрицательной оценке внешности также широко использует образы животных, однако его культурная специфика заключается в подчёркивании субъективности восприятия.

Так, пословицы *كل القرد في عين أمه غزال* («обезьяна в глазах своей матери — газель»), *كل خنفس في عين أمه غزال* («каждый жук у своей матери — газель»), *القط في عين أمه غزال* («кошка в глазах своей матери — газель») иронически обыгрывают несовпадение объективной и субъективной оценки внешности, демонстрируя культурный акцент на родительской любви и предвзятости. В этих выражениях зоонимы «обезьяна», «жук», «кошка» выступают маркерами непривлекательной внешности, тогда как «газель» в арабской культуре традиционно символизирует красоту и грацию.

Слово *القرد* («обезьяна») также используется как ругательное слово, обозначающее человека с некрасивой внешностью и, в некоторых контекстах, ограниченным умом. Это выражение несёт ярко выраженную отрицательную оценку и функционирует как средство речевой агрессии.

Для характеристики некрасивого, толстого человека неприятного телосложения, чаще всего женщины, в арабском языке используется также выражением с зооморфизмом «свинья»: *أكل مثل سمينة مثل الخنزير* (букв.: «толстый, как свинья»).

Ещё одним примером фразеологической репрезентации непривлекательности является выражение *بنات نصيب* («дочери Насиба»), восходящее к легенде о Насибе ибн Рабихе и его некрасивых дочерях, которые не смогли выйти замуж из-за своей внешности.

Выражение *دميم الخلقة* (букв. «уродливый от природы») также носит оценочный характер, акцентируя внимание на врождённой непривлекательности.

Как показывает проанализированный материал, использование зооморфной метафоры при номинации внешности человека – это универсальное явление в языках мира. А вот оценочная характеристика, складывающаяся под «влиянием культурных, социальных,

географических и др. факторов [Гаврилюк, 2015, с. 111] отличается, особенно при трансляции отрицательной оценки.

В фразеологических единицах сопоставляемых языков достаточно часто встречаются выражения, в которых дается оценка соотношения пропорций тела, худобы, полноты и т.д.

В арабской языковой картине мира нашли отражение также фразеологизмы, в которых дана оценка худобы или полноты тела человека, Сравнительные конструкции, передающие крайнюю степень худобы включают наименования различных предметов, зоонимов и пр.

Фразеологическая единица *جلد على عظم* («кожа на кости») представляет собой соматическую метафору, подчеркивающую отсутствие мышечной массы и визуальную доминанту костей. Эквивалентная единица функционирует и в русском языке: *кожа да кости*. Следующая единица арабского языка *عظامه تتكلم من تحت جلده* («его кости говорят из-под кожи») еще больше усиливает восприятие худобы через олицетворение «кости говорят из-под кожи». Фразеологизм *مثقال ذرة* («весом с муравья») использует образ маленького насекомого для выражения крайней худобы человека.

يمشي وراءه ظله فيتعب («идет, а за ним его тень устает») строится на гиперболизации образа тени, придавая ей антропоморфные свойства и подчеркивая чрезмерную легкость и слабость субъекта.

Фразеологизм *يخرج من جانب الباب* («выходит из-за края двери») представляет собой пространственную метафору, где минимальный объем тела соотносится с физическим объектом (дверью) и подчеркивает, что человек настолько худой, что не занимает обычного объема.

Арабские фразеологизмы, описывающие худобу, демонстрируют особую склонность к экспрессивности, анимизации и гиперболизации физических состояний, что связано с богатой образностью арабского языка и его тяготением к ярким художественным средствам.

Полнота человека, особенно женщины в фразеологических, паремиологических образах чаще всего отрицательная.

Фразеологизм *زيت في زير* («масло в кувшине») репрезентирует тело как сосуд, наполненный жиром (маслом), что отражает представление о полноте как избыточной заполненности. Специфическая фитонимическая метафора, имплицитно содержащая указание на географические, пространственные особенности народов, говорящих на арабском языке демонстрирует следующая ФЕ: *حزب أشجار الجميز* («партия фиговых деревьев»), фиговые деревья характеризуются массивными, устойчивыми стволами, что метафорически переносится на полных людей.

Примечательно, что использование масла как символа полноты связано с культурной значимостью оливкового масла в арабской традиции, а образ дерева — с аграрной символикой, подчеркивающей силу, устойчивость и коренность.

سمن حتى صار كأنه الخرس (растолтел и стал похожим на огромную бочку). Это образный метафорический фразеологизм, основанный на визуальном сравнении: «الخرس» — большой сосуд или бочка. Конструкция *حتى صار كأنه* указывает на результативность процесса. Выражение используется с ироничным оттенком для описания чрезмерной полноты, акцентируя визуальный эффект.

Таким образом, в обеих языковых культурах концепты худобы и полноты кодируются преимущественно через соматические образы, однако арабский язык проявляет большую степень экспрессии и анимизации в передаче физических состояний, тогда как русский язык склонен к более сдержанной метафоризации с акцентом на визуальную составляющую.

В сопоставляемых языках выявлены ФЕ, в которых содержится описание и оценка пропорциям тела. Фразеологизмы *коломенская верста*, *каланча пожарная* обозначают человека необычно высокого роста. Они образованы посредством метафорического сопоставления роста человека с протяжёнными вертикальными объектами (верстой, каланчой). Эмоционально-оценочная окраска указанных выражений является отрицательной, в них подчеркивается, что человек не соответствует обычным представлениям о том, как должно выглядеть тело.

Выражения *от земли не видать, чуть от земли видать, от горшка два (три) вершка*», *с ноготок, метр с кепкой* характеризуют человека очень маленького роста. В их основе лежит гиперболизация малости через сравнение с известными небольшими предметами (горшок, ноготь, кепка). Эти единицы также несут отрицательную эмоционально-оценочную нагрузку.

Фразеологизм *«косая сажень в плечах»* положительно оценивает широкоплечего и могучего человека, используя термин русской традиционной мерной системы, равной примерно в 2.13 м.

Фразеологизм *«талиа в рюмочку»* описывает очень тонкую, изящную талию, преимущественно у женщины, и служит для выражения положительной эмоционально-эстетической оценки. Метафора миниатюрности и изящества здесь построена на сопоставлении с маленьким предметом (рюмка).

Фразеологизм *«ноги от ушей»* представляет собой гиперболическое описание длинных ног, используемое в ироническом контексте. В то время как выражение фиксирует физиологическую особенность, его эмоциональная оценка варьируется в зависимости от ситуации употребления — от иронии до завистливого восхищения.

Выражения *«голова с пивной котёл»* и *«голова, что булава»* описывают непропорционально большую голову. Первое выражение имеет грубоватую и насмешливую окраску, второе — более нейтральную. Здесь наблюдается использование бытовых и военных реалий для создания гиперболизированных метафорических образов.

Фразеологизм *«лебединая шея»* включает в семантику скрытое сравнение с длинной шеей и грацией лебедя. Выражение обладает положительной оценочностью.

Русские фразеологизмы, характеризующие физические параметры тела, широко используют гиперболизацию и метафоризацию на основе бытовых реалий, нередко выражая отрицательную эстетическую оценку в случаях отклонения от нормы.

Арабские фразеологизмы, описывающие тело человека, имеют характерные особенности: их образная структура часто основана на антропоморфизации предметов материальной культуры (украшений) и парадоксальных ассоциациях.

Выражение *ثَقِيلُ الدَّمِ* (букв. тяжёлая кровь) используется для характеристики неповоротливого, малоподвижного человека. Оно основано на метафорическом осмыслении физических характеристик.

فلانة خرساء الخلال (букв. Украшение на щиколотке такой-то безмолвно) - "Безмолвие" указывает, что ноги слишком полные, браслет плотно прилегает и не двигается. В арабской культуре полнота ног ассоциируется с красотой и обладает положительной оценкой.

فلانة صموت الدمج (букв. Браслет на руке такой-то не издает звука) - "Немые" браслеты указывают на плотное прилегание к полным рукам. Глагол "صمت" (молчать) применяется к неодушевленному предмету - пример антропоморфизации.

Фразеологизм «*فلانة قلقة الوشاح*» (букв. «Пояс на талии такой-то не устойчив») характеризует осиную талию, подчеркивая её чрезмерную тонкость. Пояс, который «не находит опоры», символизирует изящество и хрупкость фигуры. Здесь также проявляется метафоризация поведения неодушевленного предмета.

Фразеологизм «*فلانة بعيدة مهوى القرط*» (букв. «Серьги такой-то низко спадают») описывает обладательницу длинной шеи. Расстояние "падения" серёжек воспринимается как показатель удлинённой и грациозной шеи, что, согласно культурным кодам, также является эталоном женской привлекательности.

Все фразеологизмы отражают традиционные арабские эстетические идеалы: полнота конечностей, тонкая талия, длинная шея.

Сравнительное выражение *العنق كعنق الغزالة* («шея как у газели») демонстрирует традиционную поэтическую метафору, в которой женщина сравнивается с газелью — символом грации и изящества в арабской литературной традиции. Это сравнение реализует идеализацию женской внешности через зооморфный образ, придавая описанию эмоциональную окраску восхищения.

Наряду с фразеологизмами с положительной оценкой, в арабском языке встречаются ФЕ с отрицательной оценкой: *ظهر كالقوس* (букв. «спина как лук»). В арабской традиции, где высоко ценится прямая и гордая осанка, «спина как лук» интерпретируется как маркер утраты физической привлекательности.

Русские фразеологизмы чаще выражают ироничную или насмешливую оценку, ориентируясь на усреднённый идеал телесной нормы. Отклонения воспринимаются негативно.

Арабские фразеологизмы, напротив, склонны к позитивной эстетизации полноты и длины, что отражает специфические культурные предпочтения.

Отличительной чертой арабской образной системы является опосредованное описание тела через предметы материальной культуры (украшения), что придает высказываниям большую художественную выразительность.

Выводы

Таким образом, фразеологическая номинация и оценка внешнего облика человека в русском и арабском языках обнаруживает как типологически общие, так и этнокультурные различия. Обе языковые системы используют природные, предметные, зооморфные и мифологические образы, однако в русской традиции преобладают реалистично-бытовые, фольклорные и ироничные конструкции, тогда как арабская характеризуется поэтизированной и идеализацией эстетических признаков.

Список источников / References

1. Богуславский, В.М. (2004). Оценка внешности человека: словарь. М.: АСТ, Торсинг.
Boguslavskiy, V.M. (2004). Assessment of a person's appearance: vocabulary. Moscow: AST, Torsing. (In Russ.)
2. Демешева, Е.Н. (2006). Национально-культурное своеобразие русской и арабской нравственно-этической фразеологии. *Мир русского слова*, 4, 89-92.
Demesheva, E.N. (2006). National-cultural uniqueness of Russian and Arabic moral and ethical phraseology. *World of Russian word*, 4, 89-92. (In Russ.)
3. Гасанова, Г.А., Сагитова, П.М. (2019). Фразеологическая репрезентация концепта «внешность человека» в русской и аварской языковых картинах мира. *Мир науки, культуры, образования*, 6(79), 638-640. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10276>
Gasanova, G.A., Sagitova, P.M. (2019). Phraseological representation of the concept "appearance of a person" in Russian and Avar language pictures of the world. *World of Science, Culture, Education*, 6(79), 638-640. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10276> (In Russ.)
4. Гаврилюк, М.А. (2015). Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 10(721), 109-119.
Gavrilyuk, M.A. (2015). Zoomorphic metaphor as a part of Chinese and Russian linguistic world image. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(721), 109-119. (In Russ.)
5. Лаврищева, Е.В. (2016). Соматическая репрезентация физических параметров облика человека в русской языковой картине мира. В: *Селищевские чтения: международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева* (с. 359-363). Елец.
Lavrishcheva, E.V. (2016). Somatic representation of physical parameters of human appearance in the Russian linguistic picture of the world. In: *Selischev Readings: international collection of scientific papers dedicated to the 130th anniversary of the birth of Afanasy Matveyevich Selishev* (pp. 359-363). Yelets. (In Russ.)
6. Попов, С.В. (2002). Визуальное наблюдение. СПб.: Речь.
Popov, S.V. (2002). Visual watching. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.)
7. Магомеднабиев, А.А., Магомедова, С.И. (2019). Фразеосемантическое пространство «лицо» на материале аварского и арабского языков. *Мир науки, культуры, образования*, 2(75), 363-365.
Magomednabiev, A.A., Magomedova, S.I. (2019). Phraseosemantic space "face" on the basis of the Avar and Arab languages. *World of Science, Culture, Education*, 2(75), 363-365. (In Russ.)

8. Маркова, Е.М., Эйсаи, Б.М. (2018). Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках. *Вопросы современной лингвистики*, 3, 193-204. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-3-193-204>
Markova, E.M., Eisawy, B.M. (2018). Person's appearance through the culinary metaphor in Russian and Arabic languages. *Issues of Modern Linguistics*, 3, 193-204. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-3-193-204> (In Russ.)
9. Мягкова, А.М. (2017). Культурный код как реализация метафорической модели вторичной номинации. *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*, 4.
Myagkova, A.M. (2017). Cultural code as an implementation of the metaphorical model of secondary nomination. *Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal)*, 4. (In Russ.)
10. Ниязова, А.У. (2022). Некоторые вопросы истории Бармакидов в европейской историографии. *Историк (Муаррих)*, 3(31), 78-90.
Niyazova, A.U. (2022). Some questions of the history of Barmakids in European historiography. *Historian*, 3(31), 78-90. (In Russ.)
11. Пучкова, Е.В. (2021). Оценка внешнего вида человека в русской фразеологии. *Эпоха науки*, 25, 236-241. <https://doi.org/10.24412/2409-3203-2021-25-236-241>
Puchkova, E.V. (2021). Assessment of appearance of man in Russian phraseology. *Era of the science*, 25, 236-241. <https://doi.org/10.24412/2409-3203-2021-25-236-241> (In Russ.)
12. Фавзи, А.М., Шкляр, В.Т. (1989). Учебный русско-арабский фразеологический словарь. М.: Русский язык.
Favzi, A.M., Shklyarov, V.T. (1989). Academic Russian-Arabic phraseological dictionary. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
13. Шайхулин, Т.А. (2012). Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань.
Shaikhulin, T.A. (2012). Russian and Arabic paremi with a component-naming kinship relations: conceptual-semantic and ethno-cultural aspects: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kazan. (In Russ.)
14. Ючковская, Л.Т. (2015). К вопросу о фразеологической картине мира. *Вестник Югорского государственного университета*, 1(36).
Yuchkovskaya, L.T. (2015). To the question of phraseological picture of the world. *Bulletin of Yugra State University*, 1(36). (In Russ.)

Информация об авторах

Салминат Нурадиновна Гасанова, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет,

Гасанова С.Н., Магомедова С.Н. (2025)
Лингвокультурные особенности оценки внешности
человека в арабском и русском языках
Язык и текст, 12(2), 22—32.

Gasanova S.N., Magomedova S.N. (2025)
Linguistic and cultural features of assessing a
person's appearance in Arabic and Russian
Language and Text, 12(2), 22—32.

Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8661-1811>, e-mail:
gsalminat@yandex.ru

Сабрина Нурсалимовна Магомедова, студентка 4 курса, факультет востоковедения,
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0009-0003-9595-7250>, e-mail: silverskyline@icloud.com

Information about the authors

Salminat N. Gasanova, Doctor in Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied
Linguistics, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-8661-1811>, e-mail: gsalminat@yandex.ru

Sabrina N. Magomedova, 4th year student, Faculty of Oriental Studies, Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9595-7250>, e-mail:
silverskyline@icloud.com

Вклад авторов

Гасанова С.Н. — планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Магомедова С.Н. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст
рукописи.

Contribution of the authors

Salminat N. Gasanova — planning of the research; control over the research.

Sabrina N. Magomedova — ideas of the research; annotating, writing and formatting of the
manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the
manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.05.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.05.15
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых идиомах (на материале рутульского языка)

М.О. Ибрагимова✉

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Российская Федерация

✉ mariza71@mail.ru

Резюме

В статье предполагается на основе сравнительного анализа фактического материала диалектов рутульского языка нахско-дагестанской языковой семьи выявить особенности «языка нянь», используемого взрослыми при общении с детьми и являющегося объектом онтолингвистики – раздела языкознания, изучающего ранние стадии развития речи. В качестве иллюстративного материала приведены и первые примитивные (лепетные, звукоподражательные и междометные слова), и лексемы более продвинутого этапа развития детского языка. Предпринята попытка выявить количественные и качественные различия в вокабуляриях детского языка идиомов разного уровня: мухадского диалекта, лежащего в основе формируемого литературного языка, ихрекского и мюхрекского диалектов, борчинского говора. Выявлено, что превалирование в количественном отношении вокабулярия детской лексики в диалектах и говорах обусловлено наличием новаций в письменном нормированном языке.

Ключевые слова: рутульский язык, детский лексикон, диалекты рутульского языка, семантические группы детской лексики

Для цитирования: Ибрагимова, М.О. (2025). Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых идиомах (на материале рутульского языка). *Язык и текст*, 12(2), 33–41. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120203>

Analysis of the vocabulary of the «nursery language» in multilevel idioms (based on the material of the Rutul language)

М.О. Ibragimova¹✉

¹ Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Ибрагимова М.О. (2025)
Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых
идиомах (на материале рутульского языка)
Язык и текст, 12(2), 33—41.

Ibragimova M.O. (2025)
Analysis of the vocabulary of the «nursery
language» in multilevel idioms (based on the
material of the Rutul language)
Language and Text, 12(2), 33—41.

✉ mariza71@mail.ru

Abstract

Based on a comparative analysis of the factual material of the Rutul dialects of the Nakh-Dagestan language family, the article aims to identify the features of the "nanny language" used by adults when communicating with children and which is the object of ontolinguistics, a branch of linguistics that studies the early stages of speech development. The first primitive (babbling, onomatopoeic, and interjective words) and lexemes of a more advanced stage of children's language development are given as illustrative material. An attempt has been made to identify quantitative and qualitative differences in the vocabulary of the children's language of idioms of different levels: the Muhad dialect, which underlies the literary language being formed, the Ihrek, Mykhrek dialects and Borch subdialect. It is revealed that the richness of the vocabulary of children's vocabulary in dialects and subdialects is due to the presence of innovations in the written standardized language.

Keywords: Rutul language, nursery language, dialects of the Rutul language, semantic groups of children's vocabulary

For citation: Ibragimova, M.O. (2025). Analysis of the vocabulary of the «nursery language» in multilevel idioms (based on the material of the Rutul language). *Language and Text*, 12(2), 33—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120203>

Введение

Объектом исследования статьи являются лепетные, звукоподражательные, междометные и др. детские слова, собранные автором у информантов – носителей мухадского диалекта, лежащего в основе формируемого литературного языка, ихрекского и мюхрекского диалектов и борчинского говора рутульского языка.

Предметом исследования является распределение лексем «языка нянь» по семантическим группам, определение наполняемости этих групп и количественного варьирования состава в зависимости от статуса идиома.

При исследовании языкового материала были применены описательный и сравнительный методы, позволяющие характеризовать языковые явления в междиалектном взаимодействии и являющиеся актуальными в силу неразработанности детской лексики в идиомах исследуемого языка.

Научная новизна данного исследования заключается в выявлении лингвистических особенностей функционирования категории диминутивности в рутульском языке в сравнении с её проявлениями в дагестанских языках. Фрагментарное отражение (с целью сравнения) тех или иных форм выражения семантической категории диминутивности в родственных языках предпринято для определения объема и критериев её реализации.

Обсуждение результатов

Недостаток морфологических диминутивных образований в дагестанских языках и необходимость их восполнения способствовали появлению многообразия лексико-семантических средств реализации семантики малого размера. Высокая степень имплицитности эмотивных концептов в рутульском языке компенсируется наличием богатого «языка нянь», слова которого помогают освоить язык ребенку в силу фонетической простоты и отсутствия словоизменения.

Следует отметить, что данная тема слабо разработана в дагестановедческой академической литературе: нет монографических работ, посвященных особенностям функционирования семантической категории диминутивности в рутульском языке.

Отдельные вопросы детской лексики рутульского языка освещены в монографии А.С. Алисултанова «Редупликация в лексической системе лезгинских языков» [Алисултанов, 2012, с. 73-82]. Описывая редуплицированную лексику лезгинских языков, автор указывает: «Хотя исследователи и выделяют детские слова в особую группу, они в то же время указывают на их связь со звукоизобразительной лексикой» [Там же, с. 73]. К редуплицированной детской лексике он относит некоторые термины родства; слова, обозначающие предметный мир ребенка: игрушки, еда, одежда и т.п.; обозначения действий ребенка или же действий взрослых по отношению к ребенку и лексику, не маркированную семантикой, но характеризующуюся исключительным употреблением в детской речи [Там же, с. 74-82].

В «Рутульско-русском словаре» А.С. Алисултанова, Т.А. Сулеймановой пометка *детск.* встречается 31 раз: либо в словарных статьях, либо в их фрагментах при описании одного из значений лексемы:

бисий *детск.* III (-ере; -мар) кошка, киска [Алисултанов, Сулейманова, 2019, с. 45];

цыхь III (-ыра; -быр) *борч.-хнов.* **сахъкъа́** 1) плоский камень; **цыхь ивийбыр** *детск.* игра в классики с плоским камнем; **ваз цыхьра а** полнолуние; 2) *борч.-хнов.* отколотый от камня кусок [Там же, с. 423] и т.д.

В «Рутульско-русском словаре» К.Э. Джамалова, С.А. Семедова, выполненном на материале ихрекского диалекта, детская лексика представлена скудно. Немногочисленные примеры либо не сопровождаются пометками, либо к ним даны пометки *ласк.*, *уменьш.*:

АПАЙ 1V (-раь, быр) *уменьш.* суп, похлебка для детей [Джамалов, Семедов, 2006, с. 21];

БИСЕЙ III (-раь; -маьр) *ласк.* киска [Там же, с. 41];

НЕНЕЙ III (-раь; -маьр) мамуля, матушка [Там же, с. 200] и т. д.

В статьях М.О. Ибрагимовой фрагментарно отражены вопросы структуры, семантики и этимологии диминутивов на материале рутульского языка [Ибрагимова, 2019; Ибрагимова, 2020; Ибрагимова, 2022].

В ряде научных статей детская лексика рутульского языка охарактеризована в качестве одного из объектов исследования. Так, в статье С.М. Махмудовой, Н.Э. Гаджихмедова, Д.С. Самедова на материале детских слов охарактеризована идеофоническая лексика в дагестанских языках [Махмудова, Гаджихмедов, Самедов, 1992].

Ибрагимова М.О. (2025)
Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых
идиомах (на материале рутульского языка)
Язык и текст, 12(2), 33—41.

Ibragimova M.O. (2025)
Analysis of the vocabulary of the «nursery
language» in multilevel idioms (based on the
material of the Rutul language)
Language and Text, 12(2), 33—41.

Вопросы репрезентации семантики диминутивности единицами «языка нянь» освещены в статье М.О. Ибрагимовой, Б.М. Атаева, И.А. Дибирова и др. на материале письменных, новописьменных и бесписьменных дагестанских языков [Ibragimova, Ataev, Dibirov et al., 2020].

Попытка выявить этимологические истоки детской лексики в дагестанских языках предпринята в коллективной статье Б.М. Атаева, М.О. Ибрагимовой, С.Д. Маллаевой и др. на материале аварского, агульского и рутульского языков и их диалектов [Ataev, Ibragimova, Mallaeva et al., 2020].

Сравнительный анализ способов репрезентации семантики диминутивности на материале рутульского и агульского языков представлен в статье М.О. Ибрагимовой и С.Д. Маллаевой [Ибрагимова, Маллаева, 2023].

Между тем в лексике рутульского языка единицы «языка нянь» – репрезентанта категории диминутивности – занимают особое место, т. к. отличаются от других лексических единиц совокупностью специфических черт. Их изучение представляет ценность для освещения некоторых диахронических сценариев развития рутульского языка.

Изучив научную литературу по исследуемому вопросу и фактический материал диалектов рутульского языка, мы пришли к заключению о частотности детской лексики следующих семантических групп. Среди имен существительных:

- **термины родства:** *нений* «мама» – общеуп. *нин*; *дедий* «папа» – общеуп. *дид*; **мюхр.** *рышикIвай* «сестренка» – общеуп. *рыши*; **мюхр.** *шукIу / шукIвай / шукIулай* «брат» – общеуп. *шугу* и т.д.;

- **названия домашних животных, птиц:** *бисий*, *бисенкIу* (**ихрек.** *бисей*, **мюхр.** *бисенкIвай*) «кошка» – общеуп. *гаьт*; *гьаIвый / гьаIмый* «собака» – общеуп. *тыла*; *дуй-дуй* «курица» – общеуп. *кIамI*; *му-у* (**мюхр.** *чихъанай*) «корова» – общеуп. *заьр*; *гышикIый*, *гьачий* (**мюхр.** *джичикIай*) «осёл» – общеуп. *йимаьл*; *баIъаIый* (**борч.** *баIъаIней*, **мюхр.** *баIъаIй*) «овечка» – общеуп. *чIабал*; в борчинско-хновском диалекте *баIъаIый* имеет семантику «свежий навоз, лепёшка»; *цIикIенкий*, *цакуний / дзакуний* (**борч.** *чаIхъуIний*, **мюхр.** *декIунай* (от призывного *декIу-декIу*), *цIамай*) «маленькая собачка, щенок» – общеуп. *цIикI*; *гелелий* (**борч.** *келелай*) «ягненок» – общеуп. *гел* (**борч.** *кел*) и т.д.;

- следующие единицы–номинации домашних животных функционируют только в идиомах рутульского языка и не характерны для мухадского диалекта, лежащего в основе формируемого литературного языка: **мюхр.** *кIушенай* «лошадь»; **мюхр.** *бацIецIей* «коза»; **мюхр.** *джукъай* «цыпленок» – общеупотр. *шарак*, но в мухадском диалекте *джуджий* «цыпленок»; **борч.** *мытытIай* – общеуп. *мытыл* (и в борчинском, и в мухадском, но в мухадском диалекте лексема *мытыл* не используется в диминутивной форме) и т.д.;

- **соматонимы:** *гвачIий* (**борч.** *чIечIей*, **мюхр.** *гвачIей*) «рука» – общеуп. *хыл*; *бай* «грудь» – общеуп. *мышыр* и т.д.;

- **одежда, обувь:** единицы этой семантической группы представлены только в диалектах: **ихрек.** *бабакаь* «детская папаха»; **мюхр.** *быхай* «платье маленькой девочки, маленькая рубашечка для мальчика» – общеуп. *ухун*; **мюхр.** *лаалыгъ*, *дадыгъай* «платок» – общеуп. *ялыхъ* и т.д.;

- **еда, питье:** *ам* «еда» – общеуп. *улесды*; *баІгъ* «вода, водичка» – общеуп. *хъед*; *бебий* (*борч. бебей*) «хлеб» – общеуп. *хъыв*; *бапый* (*ихрек. аьпай, мюхр. апый*) «каша, похлебка» – общеуп. *ямаг*; *мюхр. гыхай* «сладости» – общеуп. *ширинлугъ* и т. д.;

- **игры, игрушки:** *ини-инийбыр* «детская считалка»; *къукъааный* «разновидность детской игры, раскачивание на спине у бабушки или дедушки с диалогом в вопросно-ответной форме о пожеланиях ребёнка»; *мюхр. аскІайбыр* «классики»; *би-бинІ* «машина, машинка (игрушка)» – общеуп. *маашин* и т. д.;

- **предметы домашнего обихода:** *къаІб-аб-ый* (*мюхр. къаІб-ай*) «люлька» – общеуп. *къаІб*; *мюхр. кІаз-ал-ай* «кувшин» – общеуп. *кІаз* «кувшин, сосуд, в котором сбивают сливки».

Следующие единицы «языка нянь» передают **признаки, характеризующие людей и предметы:** *ис* «горячий, опасный» – общеуп. *бикІерды*; *дейды* «красивый» – общеуп. *бытІрад*; *даІгды* «плохой» – общеуп. *писды*; *хъырганцый* «любимица» (от *хъыргад* «любимая»), *маьгаьлий* «чубатик» (от *маьг* «чуб»); *батІаший* «красавчик» (от *бытІрад* «красивый»); *гвададый* «миленький, соколик» (от *гвад* «сокол»), *пІампІыший* / *тІампыший* «пончик, круглолицый ребёнок»; *макъацый* «зубастик» и т. д.

В рутульском детском лексиконе представлены глаголы и единицы–синкреты, передающие одновременно значение предметности и процессуальности:

- **с семантикой «есть, кушать»:** *ам-ам* «еда, пища; есть»; *ам гъаъас* «есть» – общеуп. *улес*; *гъампІ гъыгын* «быть съеденным»; *гъаІм гъыгын* / *гъаІм-гъаІм гъыгын* «съедать; проглатывать» и т. д.;

- **с семантикой «двигаться, гулять, танцевать»:** *быылий ваъ* «танцуй» – *микІ ваъ*; *бубаъ* «прогулка, выйти гулять» – общеуп. *гъаъ дуруъус* и т. д.;

- **с семантикой «обнимать, целовать»:** *пІак, пІач* (*мюхр. букІуй*) «поцелуй, чмок»; *пІак* / *пІач гъаъ* (*мюхр. букІуй гъаъ*) «поцелуй кого-либо»; *мюхр. иш ваъ* «обними» и т. д.;

- **с семантикой покоя: «сидеть, спать, отдыхать»:** *дай-дай!* «спи, усни!» – общеуп. *сах*; *лай-лай* (*выгын*) «убаюкивать» – общеуп. *сах гъыгын*; *мюхр. ат гъаъ* «ложись»: *мюхр. ач гъаъ* «садись» и т. д.;

- **с семантикой «падать»:** *ап* «падение; упасть, падать» – общеуп. *лукун* и т. д.;

- **с семантикой «купаться, мыться»:** *чІанІ-чІанІ* «купание, купаться, мыться» – общеуп. *хъиде аьчІун* и т. д.;

- **с семантикой «отправлять физиологические нужды»:** *цуІс* «моча, справлять малую нужду» – общеуп. *зур гъыгын*; *аІгъ-ъаІгъ* «кал, справлять большую нужду» – общеуп. *гъаъ кааьчІун* и т. д.

Некоторые единицы детского лексикона, как правило, сопровождаются жестами:

- лексемы **согласия и отрицания** *ъы-гъыы* «да» (с кивком сверху вниз) – общеуп. *ий*; *ъы-ъыы* «нет; не сделаю, не буду» (с покачиванием головы влево-вправо) – общеуп. *ваъ* «нет», *гъаъасдиш* «не сделаю»;

- лексемы с семантикой **запрета, осуждения за проступок:** *ну-ну-ну* «нельзя» (с покачиванием указательного пальца) – общеуп. *маъ*; *ай-я-яй* «ай-ай-ай» (с укоризненным покачиванием головы);

- **этикетные фразы:** *даси-даси* «до свидания, пока» (с жестом) образовано от русизма *до свидания*.

Начальный детский лексикон ситуативен: ребенок комментирует то, что с ним происходит здесь и сейчас; то, что он видит, слышит, чувствует. В исследуемом языке некоторые «детские» слова полисемантичны, их значение обусловлено контекстом, ситуацией: *ис / исий (мюхр. исей)* 1) рана, ожог, 2) «горячий, опасный» 2) больно, горячо, 4) «обжечься; болеть»; *чIап-чIап* 1) «купание»; 2) «купаться», «мыться». Примеры демонстрируют, что одна и та же единица передает семантику существительного, прилагательного, наречия и глагола.

В составе детского лексикона исследуемых идиомов можно выявить лексемы-инновации, предназначенные для коммуницирования с детьми и специально для этого созданные, и трансформированные в сторону фонетического упрощения общеупотребительные слова слов языка взрослых. Единицы «языка нянь» можно распределить на две группы: параллельные общеупотребительным словам (*дид – дидай* «отец – папенька», *бытIрад – батIаший* «красивый/-ая – красавчик/ красавица», *ялыхъ – мюхр. лалыгъ* «платок – платочек» и др.); отличающиеся от общеупотребительных (*хъыв – бебий* «хлеб – хлебушек», *ямаг – бапый* «каша – кашка» и др.). Примеры, приведенные в статье, демонстрируют количественное превалирование детских слов, в корне отличающихся от общеупотребительных, над словами, схожими с единицами «взрослой» речи.

Вокабуляр детских слов в языках разных этносов представлен неравномерно, как в количественном отношении, так и по наличию или отсутствию отдельных семантических групп. Научные изыскания в этой области, в орбиту которых был вовлечен и материал рутульского языка, его мюхрекского диалекта, позволили заключить, что количество детских слов в аварском и даргинском языках примерно одинаково, тогда как словарный состав аналогичных единиц в рутульском языке значительно уступает в количественном отношении [Otsomieva-Tagirova, Yusupov, Ibragimova, 2021, p. 1237]. В рутульском языке не представлены некоторые семантические группы детского языка, характерные для других дагестанских языков: «природные явления» («дождь»: авар. – *кIан-кIан-кIан, mIан-mIан-mIан, mIа-mIа-mIа*; дарг. – *кIантI-кIантI, кIамI-кIамI, mIа-mIа*; «гром»: авар. – *двагъ, вагъ, да-да-да*; дарг. – *гъугъу, гъугъ, гъу-гъу*; «мороз»: авар. *в-в-в-й, д-р-р-р*; дарг. – *ккихъ*); лексемы с локативной семантикой («там»: авар. – *во-о-о*; дарг. – *та-а-а*; «наверх // наверху»: авар. – *mIаса-ву-у-у*; дарг. – *кIа-а-а*); «размер», «исчезновение чего-нибудь» и т. д. Кроме того, лексические единицы в семантических группах «одежда, обувь», «домашняя утварь», «игрушки, игры», «этикетные фразы» в рутульском языке представлены скудно.

Выводы

Определить, был ли бедным детский лексикон изначально, или рутульцы утратили детские слова за последнее столетие, невозможно ввиду отсутствия письменных памятников. При этом наше исследование, проводимое в области сравнения фактов рутульского литературного языка с одной стороны и разноуровневых идиомов с другой стороны, позволяет констатировать, что в идиомах вокабулярий детской лексики значительно богаче, чем в письменном нормированном языке, насыщенном новациями.

Ибрагимова М.О. (2025)
Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых
идиомах (на материале рутульского языка)
Язык и текст, 12(2), 33—41.

Ibragimova M.O. (2025)
Analysis of the vocabulary of the «nursery
language» in multilevel idioms (based on the
material of the Rutul language)
Language and Text, 12(2), 33—41.

Исследования, направленные на изучение репрезентантов понятийных категорий, каковой является категория диминутивности, имеют теоретическую значимость для составления и уточнения сравнительно-исторической лексикологии и грамматики дагестанских языков, и их идиомов, а вовлекаемый в орбиту исследования фактический материал отдельных языков может служить для более глубокой проработки их типологических параметров.

Список условных сокращений: борч.-хнов. – борчинско-хновский диалект рутульского языка, борч. – борчинский говор рутульского языка, ихрек. – ихрекский диалект рутульского языка, мухад. – мухадский диалект рутульского языка, хнов. – хновский говор рутульского языка.

Список источников / References

1. Алисултанов, А.С. (2012). Редупликация в лексической системе лезгинских языков. Махачкала: ИП «Шахбанов Э.Х.».
Alisultanov, A.S. (2012). Reduplication in the lexical system of the Lezghin languages. Makhachkala: IP 'Shakhbanov E.Kh.'. (In Russ.)
2. Алисултанов, А.С., Сулейманова, Т.А. (2019). Рутульско-русский словарь. Махачкала: АЛЕФ.
Alisultanov, A.S., Suleymanova, T.A. (2019). Rutul-Russian dictionary. Makhachkala: ALEF. (In Russ.)
3. Джамалов, К.Э., Семедов, С.А. (2006). Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). М.: Экон-Информ.
Jamalov, K.E., Semedov, S.A. (2006). Rutul-Russian Dictionary (Ikhrek dialect). Moscow: Econ-Inform. (In Russ.)
4. Ибрагимова, М.О. (2019). Особенности реализации семантики диминутивности в рутульском языке. *Язык и текст*, 6(2), 40-43. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060206>
Ibragimova, M.O. (2019). Features of the implementation of the semantics of diminutiveness in the Rutul language. *Language and Text*, 6(2), 40-43. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060206> (In Russ.)
5. Ибрагимова, М.О. (2020). Структурно-семантическая характеристика детской лексики в рутульском языке. *Успехи гуманитарных наук*, 2, 200-204.
Ibragimova, M.O. (2020). Structural and semantic characterisation of baby-talk in the Rutul language. *Modern Humanities Success*, 2, 200-204. (In Russ.)
6. Ибрагимова, М.О. (2022). Этимологические основы детского лексикона в рутульском языке. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 2, 134-136. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.02.10>
Ibragimova, M.O. (2022). About etymological sources of baby talk in Rutul. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2, 134-136. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.02.10> (In Russ.)

Ибрагимова М.О. (2025)
Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых
идиомах (на материале рутульского языка)
Язык и текст, 12(2), 33—41.

Ibragimova M.O. (2025)
Analysis of the vocabulary of the «nursery
language» in multilevel idioms (based on the
material of the Rutul language)
Language and Text, 12(2), 33—41.

7. Ибрагимова, М.О., Маллаева, С.Д. (2023). Репрезентация семантики диминутивности единицами baby talk в лезгинских языках (на материале агульского и рутульского языков). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 8-2, 130-133. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.8-2.12>

Ibragimova, M.O., Mallaeva, S.D. (2023). Representation of the semantics of diminutivity by baby talk units in Lezgian languages (based on the material of the Agul and Rutul languages). *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 8-2, 130-133. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.8-2.12> (In Russ.)

8. Махмудова, С.М., Гаджихмедов, Н.Э., Самедов Д.С. (1992). К вопросу об идеофонической лексике в дагестанских языках (на материале детских слов). В: *Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Межвузовский научно-тематический сборник* (с. 80-87). Махачкала.

Makhmudova, S.M., Gadzhiakhmedov, N.E., Samedov D.S. (1992). To the question of ideophonic lexicon in Dagestani languages (on the material of children's words). In: *Comparative and comparative studies of lexicon. Interuniversity scientific and thematic collection* (pp. 80-87). Makhachkala. (In Russ.)

9. Ataev, B., Ibragimova, M., Mallaeva, S., Omarova, Z., Otsomieva-Tagirova, Z. (2020). Etymological origins of baby vocabulary in Dagestan languages. In: *European proceedings of social and behavioral sciences (EpSBS). International scientific congress “Knowledge, Man and Civilization”* (pp. 638-643). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.87>

10. Ibragimova, M., Ataev, B., Dibirov, I., Khalidova R., Cheerchiev, M. (2020). “Nanny language”: a representative of the semantics of diminutiveness in Dagestan languages. In: *European proceedings of social and behavioral sciences (EpSBS). International scientific conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”*, 92 (pp. 1906-1912). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.252>

11. Otsomieva-Tagirova, Z., Yusupov, Kh., Ibragimova, M. (2021). Primary children’s vocabulary in Dagestan languages. In: *European proceedings of social and behavioral sciences (EpSBS). International scientific congress “Knowledge, Man and Civilization”* (pp. 1231-1238). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.163>

Информация об авторе

Мариза Оглановна Ибрагимова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

Information about the author

Mariza O. Ibragimova, Doctor in Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research

Ибрагимова М.О. (2025)
Анализ вокабулярия «языка нянь» в разноуровневых
идиомах (на материале рутульского языка)
Язык и текст, 12(2), 33—41.

Ibragimova M.O. (2025)
Analysis of the vocabulary of the «nursery
language» in multilevel idioms (based on the
material of the Rutul language)
Language and Text, 12(2), 33—41.

Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.04.03
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной оценки и
сожаления в деловом дискурсе России и США

А.В. Литвинова¹✉, А.В. Литвинов^{1, 2}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ litvinova_av@pfur.ru

Резюме

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий отказа в деловом дискурсе России и США, с акцентом на позитивную оценку и сожаление. Исследование показывает, что хотя обе культуры используют данные прагматические ходы для смягчения негативного воздействия отказа, существуют значительные количественные и семантические различия в их употреблении. Позитивная оценка скорее свойственна американцам, так как они нацелены на поддержание позитивного тона письма. Сожаление использовалось в обоих корпусах, однако русском дискурсе сожаление чаще выражается через словосочетание «к сожалению», которое не несет в себе эмоциональной силы, тогда как в американском — через глаголы regret и to be sorry. Статья подчеркивает важность учета этих нюансов в международной деловой коммуникации для поддержания позитивных отношений и эффективного управления отказами.

Ключевые слова: отказ, американский вариант английского языка, русский язык, прагматический ход, позитивная оценка, сожаление

Для цитирования: Литвинова, А.В., Литвинов, А.В. (2025). Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США. *Язык и текст*, 12(2), 42—51. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120204>

Communicative refusal strategies: the role of positive evaluation and regret in the business discourse of Russia and the USA

A.V. Litvinova¹✉, A.V. Litvinov^{1, 2}

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ litvinova_av@pfur.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of communicative refusal strategies in the business discourse of Russia and the USA, with a focus on positive evaluation and expressions of regret. The study shows that although both cultures employ these pragmatic moves to mitigate the negative impact of refusals, there are significant quantitative and semantic differences in their usage. Positive evaluation is more characteristic of Americans, as they aim to maintain a positive tone in their correspondence. Expressions of regret are used in both corpora; however, in Russian discourse, regret is more often conveyed through the phrase "к сожалению" ("unfortunately"), which lacks strong emotional force, whereas in American English it is expressed using verbs such as "regret" and "to be sorry". The article emphasizes the importance of taking these nuances into account in international business communication to maintain positive relationships and effectively manage refusals.

Keywords: refusal, American English, Russian language, pragmatic move, positive evaluation, regret

For citation: Litvinova, A.V., Litvinov, A.V. (2025). Communicative refusal strategies: the role of positive evaluation and regret in the business discourse of Russia and the USA. *Language and Text*, 12(2), 42—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120204>

Введение

Данная статья посвящена коммуникативным особенностям отказа в деловом дискурсе России и США на основе анализа писем-отказов о трудоустройстве. Отказ в лингвистике считается нежелательным речевым актом, который может нанести ущерб социальному лицу собеседника (термин Goffman, 1959), вызвать негативные эмоции или привести к конфликту. В классической теории П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson, 1987) отказ является лицеугрожающим (см. подробнее: Ларина, 2025) речевым актом (Face-threatening act), которому, для минимизации негативного воздействия требуются сопроводительные прагматические ходы. В центре внимания данной статьи реализация отказа в рамках делового дискурса, который также накладывает определённую формальность и обязанность в поддержании позитивного тона письма. В фокусе исследования были такие смягчающие стратегии, как позитивная оценка и выражение сожаления, поскольку именно они играют ключевую роль в минимизации негативного воздействия отказа на адресата. Цель данной

Литвинова А.В., Литвинов А.В. (2025)
Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной
оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США
Язык и текст, 12(2), 42—51.

Litvinova A.V., Litvinov A.V. (2025)
Communicative refusal strategies: the role of
positive evaluation and regret in the business
discourse of Russia and the USA
Language and Text, 12(2), 42—51.

работы — определить качественные и количественные сходства и различия в реализации этих стратегий в русской и американской культурах делового общения.

Теоретическая основа исследования

В настоящее время тексты делового дискурса занимают одно из ведущих мест среди форм письменной коммуникации, что связано с тем, что работа современных компаний, предприятий и организаций во многом определяется процессом создания и оформления официально-деловых документов.

Деловой дискурс обладает специфическими этнокультурными чертами, которые формируются под влиянием действующего законодательства, исторических традиций, культурных норм общения и социальной структуры общества. Однако, стоит отметить, что ввиду преобладания англосаксонской системы, деловому дискурсу предъявляется унифицированный набор общих требований, установленных международными организациями. К таким требованиям относятся точность, ясность, лаконичность, информативная полнота, логичность, структурированность, стандартизация и унификация. Также деловая коммуникация предполагает соблюдение формальности, норм этикета и вежливости.

Общепринято, что вежливость является с одной стороны универсальной категорией, а с другой - обладает этнокультурными особенностями, поэтому в разных культурах отдается предпочтение различными коммуникативным стратегиям (Ларина, 2009; Стернин, 2002; Brown, Levinson, 1987; Leech, 2014).

Опираясь в данной работе на классическую теорию вежливости (Brown & Levinson, 1987), интересно также рассмотреть статью Хелен Спенсер-Оути, в которой автор подвергает критике традиционную работу Браун-Левинсон (Spencer-Oatey, 2007). Х. Спенсер-Оути, в свою очередь, предложила отказаться от понятия «вежливость» (politeness) как слишком вариативного и вместо этого сосредоточиться на управлении процессом взаимопонимания (rapport management). В данной теории коммуникация рассматривается через локальные стратегии, которые либо улучшают взаимопонимание (rapport enhancement), либо поддерживают его на определённом уровне (rapport maintenance), либо пренебрегают гармонией отношений (rapport neglect), либо угрожают взаимопониманию (rapport challenge). Таким образом, при отказе адресанту необходимо соблюсти баланс: выполнить саму задачу – отказать, но при этом либо улучшить или поддержать отношения на позитивном уровне. По нашему мнению, данная теория не противоречит, а коррелирует с теорией вежливости Браун-Левинсон упомянутой выше и стратегиями сохранения лица.

Обращая внимание на коммуникативные различия, необходимо проанализировать американскую и русскую культуры опираясь на типологию культурных измерений, предложенную Г. Хофстеде (Hofstede, 1980). Согласно данной классификации, Россия относится к коллективистским культурам с высокой дистанцией власти, а США – к индивидуалистическим культурам с низкой дистанцией власти. Данные критерии оказывают существенное влияние на деловую коммуникацию в целом, так как коллективизм и высокая дистанция власти предполагают высокую степень формальности с акцентом на гармонию

общества/группы, в то время как индивидуализм и низкая дистанция позволяют более расслабленную коммуникацию с фокусом на уважение личности.

Исследования в области прагмалингвистики подтверждают, что отказ является типичным примером лицеугрожающего акта, требующего применения различных стратегий вежливости для смягчения его воздействия. Как и другие речевые акты (Wierzbicka, 2003), отказ имеет свои этнокультурные особенности (Litvinova, Larina, 2023; Deveci, Midraj, 2021; Kordestanchi et al., 2023; Malyuga, McCarthy, 2021 и др.), игнорирование которых может стать причиной социопрагматических неудач в различных сферах межкультурной коммуникации - межличностной, академической, деловой и др. Именно поэтому, отказ предполагает необходимость быть особенно вежливым, ориентироваться на чувства адресата и постараться сохранить его лицо.

Некоторые стратегии вежливости предписывают усиливать и преувеличивать интерес, одобрение, симпатию к собеседнику (Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009), чтобы вызвать у него позитивные эмоции. Ставить эмоции собеседника выше собственных Дж. Лич называет в качестве одного из пяти компонентов общей стратегии вежливости (Leech, 2014, с. 91; Leech, Larina, 2014, с.18). Особенно это важно в деловой коммуникации, так как в данном типе дискурса необходимо придерживаться формального и уважительного поведения для сохранения и возможно будущего поддержания контакта.

В данной статье мы рассматриваем особенности деловой коммуникации в американском и русском корпусах на материале аутентичных писем-отказов на запрос о трудоустройстве, написанных сотрудниками американских и российских компаний. Цель исследования – выявить сходства и различия в использовании позитивной оценки и сожаления в американской и русской деловой коммуникации и определить их влияние на формирование прагматических и стилистических характеристик текста.

Методология

Материалом для данного исследования послужили 50 аутентичных писем-отказов на запрос о трудоустройстве полученных от американских (25) и российских (25) компаний. Русские отказы были получены по средством личной переписки автора, либо при помощи друзей и знакомых. Большинство отказов в России получают через агрегатор поиска работы headhunter.ru, однако по причине автоматических отказов, мы не включали подобные письма в наш материал. Отказы от американских компаний были также получены при помощи знакомых автора, либо по запросу посетителей американского форума quora.com. Здесь также стоит отметить, что американцы относятся к таким просьбам негативно, так как это считается разглашением их личных данных, поэтому примеры из писем будут приведены без указания имени адресата и названия компании. Материал был собран в период с 2020 по 2024 годы, но определить даты самих отказов не представляется возможным. Отобранные письма были проанализированы качественно и количественно, с акцентом на частоту использования позитивной оценки и сожаления, в соответствии с целью данной работы.

Результаты

Позитивная оценка в американском и русском деловом дискурсе играет достаточно важную роль в смягчении отказов, но ее использование различается между двумя культурами. Позитивная оценка в нашем материале выражалась двумя способами, через эмоциональную реакцию говорящего и через оценочные суждения о качествах и умениях адресата т.е. то, что в таксономии оценочной теории Мартина и Уайта (Martin, White, 2005) называется терминами *affect* и *judgement* соответственно. В американском корпусе, позитивная оценка встречалась в 80% отказов, в то время как в русском корпусе всего лишь в 20%. Эмоциональная реакция говорящего у американцев выражалась эмоционально-оценочными глаголами и была встречена в 51% случаев, например:

1. ...we were **impressed** with your qualification and experience ... (рус. Мы были впечатлены вашей квалификацией и опытом...)
2. While we are unable to employ you at this time, **we admire** your initiative and encourage you to keep pursuing opportunities in this field. (рус. В то время как мы не можем нанять вас в данный момент, мы восхищаемся вашей инициативностью и поощряем вас продолжить исследовать возможности в данной сфере)

Оценочные суждения о качествах соискателя были в 29% писем, например:

3. **Your ideas were creative and inspiring**, and we hope to work together again in the future." (Ваши идеи были креативными и вдохновляющими, и мы надеемся поработать вместе снова в будущем)
4. Your portfolio showed **great potential**...(Ваше портфолио показало огромный потенциал)

В русском материале позитивная оценка выражалась только по средствам эмоциональной реакции:

4. Мы с коллегами остались с коллегами с **приятным впечатлением** о нашей с вами встрече.
5. Мы были **довольны** вашими техническими навыками...

Выявленная разница в употреблении позитивной оценки при отказе связана с культурными различиями в деловом дискурсе двух культур. Американский стиль больше, чем русский, направлен на поддержание позитивных отношений и сохранении позитивного лица. Более того, в американском корпусе в 44% отказов позитивная оценка встречалась более двух раз, что еще больше подчеркивает важность поддержания позитивного тона в деловой коммуникации.

Рис. 1. Использование позитивной оценки

Fig. 1. The usage of positive evaluation

Сожаление, наряду с позитивной оценкой, также является на наш взгляд одним из наиболее важных сопровождающих ходов при Отказе. Количество случаев употребления различается, в русских письмах оно встречалось в 80%, в то время как у американцев в 60%. Однако важно рассмотреть не только количественные, но и качественные характеристики выражения сожаления.

У американцев сожаление выражается несколькими способами, при помощи глагола *regret*, *to be sorry* (рус. сожалеть), *unfortunately* (рус. к сожалению). В русском корпусе данного исследования сожаление всегда выражалось через словосочетание «к сожалению», которое скорее является маркером эмотивной вежливости, а самостоятельным речевым актом, как американские “*regret*”, “*to be sorry*”. Таким образом, сожаление в русском языке встречается чаще, но имеет меньшую эмоциональную силу и меньшее намерение выразить сожаление об отказе.

1. *К сожалению*, мы не можем продолжить рассмотрение вашей заявки на должность дизайнера.
2. *К сожалению*, мы приняли решение не предлагать вам должность разработчика.

В американском корпусе данного исследования, сожаление выражается через перформативный глагол *regret* (сожалеть) и словосочетание *to be sorry* и образует самостоятельное высказывание:

1. "We **regret** that we cannot move forward with your application for the designer role. (Мы сожалеем, что не можем продвинуть ваше заявление на позицию дизайнера).
2. We **regret** to inform you that we will not be moving forward with your application for the management position at this time. (Мы сожалеем сообщать вам, что мы не будем продвигать ваше заявление на позицию менеджера в этот раз).
3. We **are sorry** to inform you that we will not be offering you the marketing position. (Нам жаль сообщать вам, что мы не будем предлагать вам эту позицию).
4. ...we **are sorry** inform you that we have decided to proceed with another applicant...(Нам жаль сообщать вам, что решили продолжить работу с другим кандидатом).

Также сожаление выражалось через наречие *unfortunately*:

5. **Unfortunately**, we have decided not to offer you the developer role. (К сожалению, мы решили не предлагать вам позицию разработчика)

Unfortunately, after much deliberation, we have decided to move forward with another candidate... (К сожалению, после многих раздумий, мы решили продвинуть другого кандидата)

Рис. 2. Использование сожаления
Fig. 2. The usage of regret

Заклучение

В ходе данного исследования сопровождающих прагматических ходов, *Позитивная оценка* и *Сожаление* мы сделали следующие выводы. Частотность употреблений, как сожаления, так и позитивной оценки была выше 50% и в американском и русском деловом дискурсе, что позволяет отметить универсальность и важность данных прагматических ходов в обеих культурах. Однако, анализ показал, что хотя обе страны используют данные прагматические ходы для смягчения негативного воздействия отказа, существуют также и различия в их реализации. Существенное различие в употреблении позитивной оценки (80% у американцев и 20% у русских) иллюстрирует явную тенденцию к сохранению позитивного тона письма, поддержанию деловых отношений и проявления уважению к индивиду. Было подтверждено, что американцы склонны к частым комплиментам и преувеличению своих приятных эмоций от кандидата. Русские, в данном случае скорее ориентированы на донесение информации, чем на поддержании приятного тона письма. Однако, в русском дискурсе чаще, чем в американском встречалось сожаление, которое делает акцент на негативных эмоциях того, кто отказывает, нежели на эмоциях того, кому отказывают. Несмотря на количественное преимущество данного сопровождающего хода у русских, сожаление у них выражалось только через словосочетание «к сожалению», которое служит маркером эмотивной вежливости, но имеет меньшую эмоциональную силу по сравнению с американскими выражениями *regret* и *to be sorry*, которые нацелены на проявление эмпатии.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что специфика деловой коммуникации сохраняется в обеих культурах. Русские письма были более вариативны в проявлении «вежливости», в силу расширения международных отношений и ориентации корпоративной

Литвинова А.В., Литвинов А.В. (2025)
Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной
оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США
Язык и текст, 12(2), 42—51.

Litvinova A.V., Litvinov A.V. (2025)
Communicative refusal strategies: the role of
positive evaluation and regret in the business
discourse of Russia and the USA
Language and Text, 12(2), 42—51.

культуры на пример западной, поэтому некоторые письма сохраняли свою русскую идентичность с целью только донесения информации, в то время как другие обладали коммуникативными стратегиями для поддержания отношений и сохранения положительного мнения об организации. США, в свою очередь, нацелены на избегание конфликтов, поэтому минимизируют возможные риски при помощи избыточных вежливых формулировок. В итоге, несмотря на то что обе культуры используют смягчающие стратегии, в русских письмах это было представлено с большей формальностью или в менее выраженной форме.

Результаты данного исследования отражают определённые культурные и лингвистические особенности каждого общества, которые носят системный характер и подчеркивают важность учета этих нюансов при отказе. Данные выводы показывают перспективу дальнейшего изучения коммуникативных стратегий отказа в деловом дискурсе, особенно в контексте межкультурной коммуникации. Анализ позитивной оценки и сожаления в русских и американских письмах иллюстрируют, что эти элементы играют важную роль в смягчении негативного воздействия отказа и поддержании позитивных отношений.

Список источников / References

1. Ларина, Т.В. (2009). Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур.
Larina, T.V. (2009). The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
2. Ларина, Т.В. (2025 в печати). Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект. Слово.ру: Балтийский акцент.
Larina, T.V. (2025 in print). Emotive Politeness in Face-Threatening Speech Acts: A Cross-Cultural Aspect. Slovo.ru: Baltic Accent. (In Russ.)
3. Стернин, И.А. (2002). Русское коммуникативное сознание. Русское и финское коммуникативное поведение, 3, 5-13. Воронеж: Истоки.
Sternin, I.A. (2002). Russian Communicative Consciousness. Russian and Finnish Communicative Behavior, 3, 5-13. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
4. Brown, P., Levinson, S.C. (1987). Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press.
5. Deveci, A., Midraj, S. (2021). Cultural and Pragmatic Aspects of Refusal Strategies. *Journal of Pragmatic Studies*, 45(2), 88-101.
6. Goffman, E. (1959). The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, NY: Doubleday.
7. Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Литвинова А.В., Литвинов А.В. (2025)
Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной
оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США
Язык и текст, 12(2), 42—51.

Litvinova A.V., Litvinov A.V. (2025)
Communicative refusal strategies: the role of
positive evaluation and regret in the business
discourse of Russia and the USA
Language and Text, 12(2), 42—51.

8. Kordestanchi, B., Sarkhosh, M., Moafian, F. (2023). The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant. *Russian Journal of Linguistics*, 27(3), 592-614. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>
9. Leech, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford University Press.
10. Leech, G., Larina, T. (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9-34.
11. Litvinova, A., Larina, T. (2023). Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture*, 7(1), 116-130.
12. Malyuga, E.N., McCarthy, M. (2021). “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 391-416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
13. Martin, J.R., White, P.R.R. (2005). *The Language of Evaluation/Appraisal in English*. Palgrave/
14. Spencer-Oatey, H. (2007). Theories of identity and the analysis of face. *Journal of Pragmatics*, 39(4), 639–656. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.12.001>
15. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction* (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter.

Информация об авторах

Анжела Вячеславовна Литвинова, аспирант кафедры иностранных языков, филологический факультет, ассистент кафедры иностранных языков, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6374-3300>, e-mail: litvinova_av@pfur.ru

Александр Викторович Литвинов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, e-mail: litvinov_av@pfur.ru

Information about the authors

Anzhela V. Litvinova, PhD student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Lecturer Assistant, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6374-3300>, e-mail: litvinova_av@pfur.ru

Aleksandr V. Litvinov, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow

Литвинова А.В., Литвинов А.В. (2025)
Коммуникативные стратегии отказа: роль позитивной
оценки и сожаления в деловом дискурсе России и США
Язык и текст, 12(2), 42—51.

Litvinova A.V., Litvinov A.V. (2025)
Communicative refusal strategies: the role of
positive evaluation and regret in the business
discourse of Russia and the USA
Language and Text, 12(2), 42—51.

State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, e-mail: litvinov_av@pfur.ru

Вклад авторов

Литвинова А.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи;
сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Литвинов А.В. — планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст
рукописи.

Contribution of the authors

Anzhela V. Litvinova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; data collection
and analysis; visualization of research results.

Aleksandr V. Litvinov — planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the
manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 04.05.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.05.04
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

К проблеме диатопического варьирования испанского языка в диалектных подсистемах стран Латинской Америки

О.В. Мурашкина✉

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация

✉ olinve@yandex.ru

Резюме

В статье рассматривается инвентарная фонологическая система испанского консонантизма и ее фонетические реализации в диалектных подсистемах современного испанского языка. Субстратно-суперстратные языковые отношения в странах Латинской Америки определяют вариативный характер реализации стандартизированной нормы испанского языка в испаноговорящей Америке. Национальная диалектная норма испанского языка этих стран имеет характеристики, отличные от пиренейской нормы. Имея в виду принадлежность всех латиноамериканских вариантов испанского языка к единой лингвистической стандартизированной модели испанского языка, в статье предпринимается попытка определить факторы, воздействующие на процесс формирования дифференцирующих черт национальных вариантов языка. Значительная часть выявляемых между национальными вариантами расхождений возникает на уровне звучащей речи в результате неадекватного выбора факультативных вариантов аллофонов. Таким образом, норма может иметь широкий диапазон кодификации, имеющий, вместе с тем, определенные границы, которые позволяют сохранять язык как систему.

Ключевые слова: фонологические оппозиции, аллофоническая картина, диалектные подсистемы, комбинаторная сочетаемость фонем

Для цитирования: Мурашкина, О.В. (2025). К проблеме диатопического варьирования испанского языка в диалектных подсистемах стран Латинской Америки. *Язык и текст*, 12(2), 52—61. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120205>

Мурашкина О.В. (2025)
К проблеме диатопического варьирования испанского
языка в диалектных подсистемах стран Латинской
Америки
Язык и текст, 12(2), 52—61.

Murashkina O.V. (2025)
On the problem of diatopic variation of the Spanish
language in the dialect subsystems of Latin
American countries
Language and Text, 12(2), 52—61.

On the problem of diatopic variation of the Spanish language in the dialect subsystems of Latin American countries

O.V. Murashkina✉

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ olinve@yandex.ru

Abstract

The article examines the inventory phonological system of Spanish consonantism and its phonetic realizations in dialect subsystems of modern Spanish. Substrate-superstrate linguistic relations in Latin American countries determine the variable nature of the implementation of the standardized norm of the Spanish language in Spanish-speaking America. The national dialectal norm of the Spanish language in these countries has characteristics that differ from the Iberian norm. Bearing in mind that all Latin American varieties of Spanish belong to a single linguistic standardized model of the Spanish language, the article attempts to determine the factors that influence the process of forming the differentiating features of national language variants. A significant part of the discrepancies revealed between national variants arises as a result of an inadequate choice of optional variants of allophones at the level of spoken speech. Thus, the norm can have a wide range of codification, which, at the same time, has certain boundaries that allow preserving the language as a system. Key words: phonological oppositions, allophonic picture, dialect subsystems, combinatorial compatibility of phonemes.

Keywords: phonological oppositions, allophonic picture, dialect subsystems, combinatorial compatibility of phonemes

For citation: Murashkina, O.V. (2025). On the problem of diatopic variation of the Spanish language in the dialect subsystems of Latin American countries. *Language and Text*, 12(2), 52—61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120205>

Введение

Инвентарная фонологическая система испанского консонантизма будет неполной, если при ее описании не учитывать фонетические реализации согласных в диалектных подсистемах современного испанского языка. В силу субстратно-суперстратных языковых отношений в странах Латинской Америки, национальная диалектная норма испанского языка этих стран имеет характеристики, отличные от пиренейской нормы. По определению Г.В. Степанова: «Испанский язык Америки есть разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных форм и местных диалектов и говоров» [Степанов, 1960, с. 9]. Имея в виду принадлежность всех латиноамериканских вариантов испанского языка к единой лингвистической стандартизированной модели испанского языка, Г.В. Степанов предлагал их квалифицировать «как разновидности испанского языка с совпадающими тенденциями

развития до сих пор единой в своей основе языковой структуры» [Степанов, 1979, с. 157], воздействующего на процесс формирования дифференцирующих черт варианта языка, необходимо подчеркнуть, что значительная часть выявляемых между национальными вариантами расхождений возникает в результате неадекватного выбора факультативных вариантов на уровне нормы из некоего «набора инвариантных конститутивных признаков, присущих данному языку на любой территории его распространения» [Степанов, 1979, с. 154]. Таким образом, норма может иметь широкий диапазон кодификации, имеющий, вместе с тем, определенные границы, которые позволяют сохранять язык как систему.

Диалектологические исследования в странах Латинской Америки определили зоны диатопического варьирования испанского языка, на основе изоглосс, которые включают группы лингвистических норм соответственно вариантам и узусу, включенные в кодифицированный реестр конкретной языковой общности. Относительно исследования особенностей испанского языка в испанском ареале диалектологи основываются на так называемой андалузской теории, которая выделяет два региональных диалектных варианта: андалусийский и кастильский. Именно эти два варианта определяют диалектную вариативность в странах Латинской Америки: расхождения, присутствующие в данных пиренейских подсистемах, существуют и в диалектных вариантах испаноговорящей Америки. Колумбийский лингвист Х. Монтес Хиральдо предлагает диалектную классификацию региональных вариантов, используя бинарный характер испанского языка и делит его на два субдиалекта: прибрежный (равнинный) и андский (высокогорный) для того, чтобы различать национальные варианты разговорного языка в высокогорной зоне Анд и в прибрежной зоне, которые подразделяются на субдиалекты с одинаковым набором лингвистических характеристик.

В отличие от испанского языка на Иберийском полуострове, существуют определенные фонологические факторы, которые отличают колумбийский вариант от других латиноамериканских и кастильских диалектов: а) произнесение звука “j” [h]; б) не делается различия в произнесении звука “b” “v”; в) фрикативизация и аппроксимация смычных звонких согласных только в интервокальной позиции. Как правило, смычные согласные стоят после паузы в начале предложения, либо после назального консонанта. В Колумбии фрикативизация случается только в интервокальной позиции. В Мексике, Аргентине, Испании этот лингвистический феномен встречается в любой позиции в речевой цепочке, исключая позицию после назального консонанта. Так, «el burro» произносится как [el'bu.ro] в Колумбии, но [el'βu.ro] в остальной части Америки и Испании. В целом, горные (андские) диалекты характеризуются четким произнесением всех согласных.

Андский испанский язык – это диалектный вариант испанского языка, на котором говорят в регионе Центральные Анды, от юга Колумбии до северо-запада Аргентины и высокогорья Чили, включая Эквадор, Перу и Боливию. Этот диалект подвергся влиянию языков кечуа, аймара, сери, тотонака, наuatль мапуче. В андском диалекте испанского языка никогда не присутствует аспирация финальной /s/ и артикуляционно этот звук никогда не является предорсальным, он апикальный и похож на кастильский вариант. В эквадорском региональном варианте этот звук фрикативный альвеолярный глухой, в конце слога превращается в звонкий /z/, если за ним следует звонкий консонант или за ним следует слово, которое начинается на гласный звук. В перуанском варианте палатализуется перед

гласным /i/. В боливийском диалектном варианте различаются звуки “ll” [λ] и “y” [j], то есть отсутствует феномен *yeísmo*, присущий андалузскому диалекту. В большинстве андских диалектов происходит палатализация в консонантных группах /rr/ > [ʝ] (звонкий), /tr/ > и /r/ > [ʝ]. Это считается нормой только в Эквадоре и Боливии, поскольку, по мнению L. Albarracín, фриктивный велярный глухой звук не имеет аллофона в других широтах. Фонема /f/ артикулируется как фриктивный билабиальный глухой, которая в случае эпентезы /w/ имеет тенденцию к смешению с фонемой /x/. Имеет место эмфатическое произнесение согласных с ослаблением гласных, особенно в безударных слогах, а также присутствует превокальная аспирация /s/ из-за диссимиляции в словах, содержащих две /s/, одна из которых подвергается аспирации. Аналогичная диссимиляция произошла с шипящими в провинции Кастилья несколько веков назад, что привело к образованию фонемы [θ].

Испанский язык провинции Антиокия – единственный в своем роде из вариантов испаноговорящей Америки: здесь апико-альвеолярный /s/, представляет собой классический кастильский вариант. Звук /y/ относится к сильным звукам. А “j”, напротив, ослабленный, как английский /h/, который совсем не похож на велярный вариант в Мексике или на *español estándar* в Испании. Звук /n/ в конце слова всегда альвеолярный. Финальная фриктивизация /rr/ и /r/ чаще встречается в сельской местности, особенно на западных Кордильерах. Фонемы /b/, /d/ и /g/ произносятся без напряжения в интервокальной позиции, но следуя за согласным звуком, они всегда смычные: *algo* [algo].

Необходимо отметить, что диалекты, имеющие лингвистические признаки, которые отличают их от классической модели *español estándar*, являющиеся нормой узуса, обусловлены социолектальными и идиолектальными факторами. При исследовании обнаружилось, что социокультурные группы низкого уровня образования стремятся к усилению феноменов, присущих данному диалекту, и наоборот, группы с высоким или средним уровнем образования обнаруживают тенденцию к употреблению стандартной модели испанского языка. Вместе с тем, стилистическая дифференциация, продиктованная контекстуальными рамками, есть наиболее влиятельный фактор, который определяет усиление диалектального признака – в случае разговорного просторечья, и ослабление признака в нормативной речи, в литературном языке – в рамках диалекта.

С целью составления наиболее полной аллофонической картины согласных в настоящей работе была исследована звучащая речь носителей литературной нормы испанского языка в диалектных подсистемах иберийского полуострова и диалектных подсистемах латиноамериканских стран. Была подробно рассмотрена инвентарная фонологическая структура нормы *español estándar*, как эта норма реализуется в диалектных вариантах испанского языка и степень смешения нормы и узуса в звучащей речи. Частотные характеристики согласных звуков подвижны, а поскольку форманты соотносятся с основным, самым низким тоном, который тоже изменчив, то формантная характеристика согласных очень сложна. Кроме того, в звучащей речи у каждого звука может быть несколько формантных характеристик, так как начало звука может отличаться от середины и окончания по формантам. Слушателю трудно определять звуки, выделенные из потока речи, поскольку он не расчленяет высказывание, а воспринимает его в целостности. В этой связи, следует определить границы фонологических колебаний, внутри которых необходимо выявить все варианты, принадлежащие одной фонеме, которая реализуется в речи.

Исследование звучащих текстов носителей языка имеет своей целью описать фонологическую инвентарную структуру консонантизма на уровне звучащей речи, выявить соотношение кодифицированной нормы и узуса в диалектных подсистемах с помощью фонологических оппозиций, систематизировать многообразную фонологическую реализацию испанских консонантов, с учетом описания фонем как на уровне системы (совокупности оппозиций), так и на уровне нормы и узуса – индивидуального речевого акта.

Обсуждение результатов

Специфика диалектного членения современного испанского языка состоит в множественности северных говоров и диалектной нерасчлененности юга Испании. К северным диалектам относятся: арагонский (aragones), в котором присутствуют три говора: пиренейский, прибрежный нижнеарагонский; леонский (собственно леонский, астурийский, или бабле, мирандский), кастильский (говоры: бургосский, алавский, сорийский, или сорианский, риохский, или риоханский). На юге – андалусийский диалект, включающий собственно андалусийскую, мурсийскую, эстремадурскую и канарскую разновидность. Взрывные согласные b, d, g (в сильной позиции) имеют позиционные варианты – спиранты [b], [d], [g] (в слабой позиции). Фонема [s] в литературной норме Испании – апикально-альвеолярная в отличие от преддорсальной [s] в Андалусии и Латинской Америке. Велярная, постдорсальная [x] имеет более жесткую фрикацию, чем другие фрикативные, и неизвестна другим романским языкам. У всех фрикативных глухих отсутствуют звонкие пары. Боковая согласная [l] обнаруживает тенденцию к переходу в [j]. Дрожащая [r] в начале слова и после п, l, s имеет многократную вибрацию, между гласными – однократную; фонема [rr] встречается между гласными и фонематически отличается от [r] в сходной позиции.

С фонологической точки зрения дистрибуция консонантов выглядит следующим образом: фрикативные/окклюзивные (fricativas /occlusivas); líquidas/no líquidas (плавные/неплавные); назальные/оральные nasales/orales; laterales/vibrantes латеральные/вибранты (этот признак соответствует fricativas/occlusivas в неплавных звуках), которые Аларкос называет interrupto/continuo, объединяющие оба признака; глухой/звонкий (sorda/sonora), а в калассе вибрантов это напряженный/ненапряженный tensa/floja. В сериях (interrupto/continuo и tenso/flojo) консонанты противопоставляются по следующим признакам: велярные, палатальные, дентальные или лабиальные. Характерной особенностью этой подсистемы является то, что корреляции глухой/звонкий смешиваются, образуя три группы фонем: /p-t-k/; /b-d-g/; /f-θ-x/, которые Аларкос объединяет в три фонологических пучка: p-t-k и b-d-g.

В нормативном варианте для звонких фонем /b/d/g/ признак interrupta/continua не является релевантным, они составляют оппозицию с фонемами /p/t/k/ только по признаку звонкости. Корреляция непрерывности существует только для глухих фонем, поэтому можно говорить о том, что изолированные оппозиции /p/ /f/ /t/ /θ/ /k/ /x/ различаются не только способом артикуляции, а также (скорее всего в первую очередь) точкой артикуляции. Фонемы /p/ /t/ /k/ характеризуются как билабиальный, апико-дентальный и велярный соответственно, фонемы /f/ /θ/ /x/ можно характеризовать как лабиодентальный, интердентальный и поствелярный соответственно.

Фонологическую вариативность в оппозиционных парах обуславливает звуковое окружение. В отдельных оппозициях можно наблюдать перфективное соответствие фонемы

и звука, но чаще комбинаторная позиция дает многообразные варианты. Так, например, аллофоны фонем /p/ /t/ /k/ представлены как [p] [t] [k], Фонема [p], билабиальный, окклюзивный, глухой, не имеет комбинаторных вариантов, хотя в отдельных случаях в зависимости от комбинаторной позиции эти фонемы могут: а) приобретать характеристики звонкости рядом со звонким консонантом: арнеа, atmósfera, técnico; б) опускаться в имплозивной позиции: 'acto' ['ato]; в) нейтрализоваться 'apto' ['akto]. Рассмотрим случаи родственной артикуляции отдельных фонем: например, фонема /t/ в отдельных контекстах реализуется как [t] интердентальный окклюзивный; наиболее частая реализация фонемы /d/ - ее фрикативный аллофон [d], тоже интердентальный, а фонема /θ/ имеет звонкий аллофон [z], фонетически очень близкий к аллофону [d]. Фонологическое родство этих реализаций подтверждает нейтрализация оппозиции θ/d в отдельных испанских диалектах. С другой стороны, в отдельных случаях нейтрализуется оппозиция t/d: [admosfera] перед звонким назальным консонантом, таким образом можно заключить, что фонема /d/ звонкий член оппозиции, в то время как глухой ее член – архифонема /t - θ/. Ясно, что фонема /d/ не является дентальной в отличие от /t/ ни интердентальной как фонема /θ/, а является единственной звонкой альвеолярной, и здесь можно говорить о билатеральной оппозиции по признаку прерывистый/ непрерывный. Именно эти признаки дают многообразие в диалектных подсистемах испанского языка.

Анализ звучащей речи носителей языка позволяет сделать вывод о том, что нейтрализация фонем /p/ /t/ /k/ чаще встречается в речи информантов иберийских диалектных групп, а процесс элизии этих фонем характерен для речи информантов латиноамериканских стран, так, например, в речевой практике информантов из Кубы он составляет почти 96%.

Звонкие смычные консонанты /b/ /d/ /g/ - [b] [d] [g] имеют следующие комбинаторные варианты в нормативной базе языка:

а) абсолютная начальная позиция: bien [bjen]; dos [dos]; gol [gol]

б) после назального консонанта: un bien [um bjen]; un dos [un dos]; gol [un gol]

аллофоны [β] [ð] [ɣ] встречаются в следующих позициях:

а) интервокальная позиция: una vaca ['una 'βaka]; una dama ['una 'ðama]; una gata ['una 'ɣata]

б) после всех консонантов, кроме назального: unas vacas ['unaz 'βakas];

unas damas ['unaz 'ðamas]; unas gatas ['unaz 'ɣatas]

в) в конце слова: club [kluβ] [klu] (в этой позиции встречается в заимствованиях, иногда может опускаться)

Во всех остальных позициях вариант фонемы /b/ характеризуется как апроксимант аллофона [β]

В диалектных подсистемах фонема /d/ в финальной позиции может оглушаться, иметь свойства фрикативного глухого, полностью опускаться: verdad [ber'ðað], [ber'ðat], [ber'ðaθ], [ber'ða]

С фонологической точки зрения наибольший интерес в этой коррелятивной серии представляет фонема /b/, которая имеет два консонантных аллофона: варианты - [b] окклюзивный и [β] фрикативный. Комплементарная дистрибуция этих фонем основана на

правилах произношения, установленных Томасом Наварро, который отмечает только их орфографическое различие (/b/ - /v/). Тем не менее, в диалектных подсистемах Латинской Америки фонологическая вариативность этой фонемы имеет свои особенности, как относительно графем, так и вариантов произношения фрикативного и окклюзивного аллофонов. С точки зрения автора первой фонетики кастильского языка Ф. Араухо [b] характеризуется как билабиальный окклюзивный звонкий, имеющий две реализации: как окклюзивный в абсолютной начальной позиции и в комбинаторной позиции с /m/. Во всех остальных случаях, [b] реализуется как фрикативный. В исследованиях начала XX века относительно фонемы /b/ было выявлено, что в абсолютной начальной позиции /b/ всегда имеет характер окклюзивного, за редким исключением, когда ее реализация может быть фрикативной. В середине слова, исключая только комбинаторную позицию с /m/, фонема /b/ реализуется как окклюзивный, но в интервокальной позиции эта фонема всегда реализуется как фрикативный согласный. Данная точка зрения соответствует фонологической реализации фонемы /b/ в диалектных подсистемах стран Латинской Америки. Так, [v] реализуется как лабиодентальный, в абсолютной начальной позиции – фрикативный, за счет влияния субстрата гаураны. В испанском языке Чили отсутствует окклюзивный b, вследствие влияния языка араукано. По мнению Т. Наварро (T. Navarro), до XVI века в испанском консонантизме существовала оппозиция между фрикативным лабиодентальным /v/ и окклюзивным билабиальным /b/. Испанский лингвист А. Льорак (A. Llorach) полагает, что в кастильском варианте языка отсутствовала лабиодентальная артикуляция /v/, а существовала только билабиальная характеристика для этой фонемы. Эта фонологическая нестабильность привела к тому, что дифференциальный признак, который противопоставлял билабиальный /b/ лабиодентальному /v/, отошел на второй план, потеряв свою релевантность, и заменился более действенной оппозицией окклюзия/фрикция. Исследование фонологического содержания фонемы /b/ в звучащей речи жителей Кубы были сделаны лингвистом Л. Бартосом, который на основании радиографических данных сделал вывод о том, что реализация фонемы /b/ в речи носителей языка Кубы имеет характеристики, не вписывающиеся в рамки правил произношения, установленных классиком испанской фонетики Т. Наварро. Это подтверждается и анализом звучащих текстов носителей кубинского варианта испанского языка, записи которых были исследованы в сравнении с текстами, представляющими литературную норму испанского языка в речевой практике иберийских языковых групп. Из анализа следует вывод: дистрибуция лабиальных /b/ и /v/ в кубинском варианте испанского языка иная, нежели в норме *español estándar*. На уровне гипотезы можно предположить, в кубинском варианте испанского языка существует промежуточный назализованный аллофон фонемы /b/.

На уровне фонологии фонема /y/ контрастирует с фонемой /ʎ/: *callado* < > *cañado*. Дефонологизация этой оппозиции имеет место в диалектальном феномене *lleísmo/ yeísmo*, который исторически сложился в Андалузии и в настоящее время имеет место в большинстве иберийских и латиноамериканских диалектов. В лингвистическом феномене *yeísmo* существует только одна фонема /y/: заключается он в одинаковом произнесении этого звука в словах *callado* и *cañado*. Этот феномен присущ большинству латиноамериканских и испанских диалектов. По мнению Р. Лапеса, еще в 15-16 веках произошла утрата палатального латерального /ʎ/ в контексте «*caballo*», и замена ее фрикативным

палатальным /y/, и здесь феномен *yeísmo* проявился как основной диалектный фактор андалузского варианта испанского языка. Дефонологизация фонемы /ll/ в звучащей речи ведет к лингвистической интерференции на лексическом уровне, поскольку разные по смыслу слова фонологически интерпретируются одинаково: pollo/poyo [poʎo - poʎo]; callado/cayado [káyado - káyado]; rollo/royo [roʎo - roʎo]; rallo/rayo [rayo - rayo]; rallado/rayado [ráyado - ráyado].

Исследования звучащей речи носителей литературной нормы языка позволяет сделать следующие выводы относительно фонемы /n/: в назальной артикуляции испанских согласных фонем /n/, /m/ позиции, обусловленные артикуляцией назальный лабиодентальный, дентальный и велярный случаются только рядом с консонантами такой же артикуляции и никакой другой. Так, согласный назализованный лабиодентальный [ɱ] встречается только перед лабиодентальным [f]; назализованный дентальный [ɲ], - только перед дентальными или интердентальными [t], [d], [θ] в Испании, а в Латинской Америке только перед [t], [d]; назализованный велярный [ŋ] только перед велярными согласными [k], [g], [x], [y]. Данное правило не распространяется на случаи, когда вышеперечисленные согласные встречаются рядом с гласными, исключая язык мапучи (*lengua mapuche*), где они сохраняют свою артикуляцию, даже в соседстве с гласными. ɲ [ɲ] [ɱ] [5].

Основные примеры фонологической реализации /n/, /m/ в начальной позиции: m [m] испанский: mate [mate]; n [n] испанский: nulo [nulo]

ɲ испанский: ñato [ɲato]; кечуа (Боливия) ñahui [ɲawi] – ojo; кечуа (потоси) ñaŋu [ɲaɲu], delgado; ɲ мапучи nge [ɲe] ojo

Основные примеры фонологической реализации /n/, /m/ в интервокальной позиции: m [m] испанский: sama [kama]; гуарани (Парагвай): ama [a'ma] lluvia

n испанский: sana [kana]; ɲ испанский: saña [kaɲa] baño [baɲo]; гуарани (Парагвай): aña [a'ɲa] 'diablo'; гуарани (Парагвай): kaɲu [kaɲi] 'perdido'

ɲ мапучи (mapuche): dungun [θuɲun] 'hablar'; гуарани (Парагвай): agaɲpei [aɲau'pei]; галисийский: unha [uɲa] 'una'

Диалектная вариативность фонологической реализации фонемы /s/ наиболее ярко проявляется в лингвистическом феномене *seseo*/сесео, который заключается в произношение звука [s] похожим на произношение звука [θ], иными словами говорящими не делается различие между /s/ и /θ/, начальный консонант в словах *ciervo* у *siervo* звучит у них одинаково, в то время как дентальный звук [s] имеет канальную артикуляцию, а дентальный [θ] – рассеченную. Феномен *seseo* распространен в сальвадорских и пуэрториканских диалектах, в Испании он имеет место в Андалузии, в большей части Севильи, в провинции Кадис, Малаге, Гранаде, где реализация фонемы /s/ имеет коронально-дентальную, либо предорсально-дентальную реализацию, а также в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах, где она реализуется как апикально – альвеолярный согласный. [6]. Орфографически это различие обозначается следующим образом: celoso [θe-ló-so] [θe-ló-Øo] [se-ló-so]; sollozo [so-jó-Øo] [Øo-jó-Øo] [so-jó-so]. Как следствие прямого присутствия фонемы /Ø/ в кастильском диалекте на фонологическом уровне происходит апикализация /s/, где она конвертируется в [s'] альвеолярный апикальный, что соответствует альвеолярному предорсальному [s] в других испанских диалектах. Таким образом, за счет диалектального

Мурашкина О.В. (2025)
К проблеме диатопического варьирования испанского
языка в диалектных подсистемах стран Латинской
Америки
Язык и текст, 12(2), 52—61.

Murashkina O.V. (2025)
On the problem of diatopic variation of the Spanish
language in the dialect subsystems of Latin
American countries
Language and Text, 12(2), 52—61.

феномена сесео в испанском консонантизме (нормы *español estándar*) присутствует еще одна фонема [θ]. Сесео, как и йеизмо, дает бесчисленное множество омофонии, *casa y caza, losa y loza*.

Заключение

В силу субстратно-суперстратных языковых отношений в странах Латинской Америки, национальная диалектная норма испанского языка этих стран имеет характеристики, отличные от пиренейской нормы. Факторы, воздействующие на процесс формирования дифференцирующих черт национальных вариантов языка, сформировались в процессе исторического влияния местных языков: мапуче, гуарани, кечуа и других. Значительная часть выявляемых между национальными вариантами расхождений возникает на уровне звучащей речи в результате неадекватного выбора факультативных вариантов аллофонов, вследствие чего норма приобретает широкий диапазон кодификации, имеющий, вместе с тем, определенные границы, которые позволяют сохранять язык как систему.

Список источников / References

1. Степанов, Г.В. (1979). К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. М.
Stepanov, G.V. (1979). To the problem of linguistic variation: Spanish language of Spain and America. Moscow. (In Russ.)
2. Степанов, Г.В. (1960). О национальном языке в странах Латинской Америки. В: Вопросы формирования и развития национальных языков: сборник статей. М.: Изд-во АН СССР.
Stepanov, G.V. (1960). About national language in the countries of Latin America. In: Issues of formation and development of national languages: collection of articles. Moscow: Publ. AS USSR. (In Russ.)
3. Alarcos, E. (1960). Esquemas fonológicos de la frase. In: *Lengua y Enseñanza. Perspectivas*. Madrid: Ministerio de Educación Nacional.
4. Martínez Celdrán, E. (1992). Experimentos sobre la duración de las oclusivas y aproximantes del español. *Revista Española de Lingüística*, 22. Madrid.
5. Martínez Celdrán, E. (1993). La percepción categorial de /b-p/ es español basada en las diferencias de duración. *Estudios de Fonética Experimental*. Madrid.
6. Navarro Tomas, T. (1964). Nuevos datos sobre el yeísmo en España. BICC, XIX, Madrid.
7. Quilis, A. (1967). Hacia un nuevo concepto de la ciencia fonética española. In: *Problemas y Principios del estructuralismo lingüístico*. Madrid: CSIC.
8. Real Academia Española (1973). *Esbozo de una nueva gramática de la lengua Española*. Madrid: Espasa Calpe.

Мурашкина О.В. (2025)
К проблеме диатопического варьирования испанского
языка в диалектных подсистемах стран Латинской
Америки
Язык и текст, 12(2), 52—61.

Murashkina O.V. (2025)
On the problem of diatopic variation of the Spanish
language in the dialect subsystems of Latin
American countries
Language and Text, 12(2), 52—61.

Информация об авторе

Ольга Викторовна Мурашкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Murashkina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Language Training of Public Administration Personnel, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.05.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.05.15
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

**ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS**

Научная статья | Original paper

**Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных
документов Русской Православной Церкви и их передача на
английский язык**

А.В. Наумова✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ anaumova1872@yandex.ru

Резюме

Цель данной статьи заключается в исследовании интертекстуальности, присущей официальным документам Русской Православной Церкви, с акцентом на ее роль в сохранении богословской преемственности и культурного наследия. В качестве основного метода используется анализ прецедентных феноменов, включая ссылки на Священное Писание, творения святых отцов и канонические постановления. Особое внимание уделено трудностям перевода этих интертекстов на английский язык, связанным с сохранением символической глубины и духовной многослойности, а также с передачей культурных ассоциаций, значимых для носителей исходной религиозной традиции.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентные тексты, перевод, Русская Православная Церковь, официальные документы, культурные ассоциации, концептосфера, английский язык

Для цитирования: Наумова, А.В. (2025). Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви и их передача на английский язык. *Язык и текст*, 12(2), 62—72. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120206>

**Intertextual elements in the discourse of official documents of the
Russian Orthodox Church and their translation into English**

A.V. Naumova✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
✉ anaumova1872@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article is to examine the intertextuality present in the official documents of the Russian Orthodox Church, focusing on its role in preserving theological continuity and cultural heritage. The primary method involves analyzing precedent phenomena, such as references to the Holy Scriptures, writings of the Church Fathers, and canonical decrees, which are instrumental in shaping ecclesiastical doctrine. Special attention is given to the challenges of translating these intertexts into English, particularly in maintaining symbolic depth, spiritual complexity, and conveying culturally significant associations that resonate within the original religious tradition.

Keywords: intertextuality, precedent texts, translation, Russian Orthodox Church, official documents, cultural associations, conceptual sphere, English

For citation: Naumova, A.V. (2025). Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English. *Language and Text*, 12(2), 62—72. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120206>

Введение

Прецедентные тексты, используемые в официальных документах Русской Православной Церкви, служат основой для сохранения богословской и культурной преемственности, усиливая значимость многослойной структуры религиозного дискурса. Аналогично функционируют институциональные практики хранения и трансляции культурных смыслов, такие как библиотечное дело, способствующее сохранению лингвокультурного наследия (Симонова, 2024). Для полноценного понимания их роли необходимо не только изучение теории интертекста и феномена прецедентных текстов, но и глубокий анализ особенностей документарного дискурса РПЦ и религиозной концептосферы.

Теория интертекста основывается на идее взаимодействия и взаимопроникновения текстов, где каждый новый текст вступает в диалог с уже существующими, вызывая ассоциации у читателя. Это явление, известное как интертекстуальность, предполагает присутствие в тексте других произведений, цитат или аллюзий, которые обогащают его смысловую структуру и углубляют восприятие. Концепция интертекста была впервые разработана Ю. Кристевой (Кристева, 2004) и опирается на теорию полифонического романа М. Бахтина (Бахтин, 1972), рассматривающую текст как культурный «диалог». В теории Р. Барта интертекстуальность трактуется как процесс перераспределения смыслов, где каждый текст существует в контексте широкой системы языковых и литературных кодов (Барт, 1989).

Интертекстуальные включения выполняют важные функции в организации смыслового пространства текста. Как отмечает Е.В. Поветьева, апеллятивная функция направлена на взаимодействие с читателем, знакомым с упоминаемыми реалиями, вызывая интеллектуальный и эмоциональный отклик. Фатическая функция поддерживает связь между текстом и аудиторией, предполагая общее знание контекста. Поэтическая функция придает тексту эстетическое измерение, обогащая восприятие мировоззренческих аспектов.

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных
документов Русской Православной Церкви и их передача
на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official
documents of the Russian Orthodox Church and
their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

Реферативная функция закрепляет текст в историко-культурной реальности, отсылая к значимым событиям, а метатекстовая — формирует многоуровневую связь с внешними текстами, расширяя их интерпретацию (Поветьева, 2014).

Таким образом, интертекстуальность выступает ключевым механизмом формирования текста как сложной культурной структуры. И.В. Арнольд, в свою очередь, выделяет диалогичность как основную функцию интертекстуальности. Она проявляется через взаимодействие нового текста с культурным наследием, обеспечивая интеграцию различных эпох и культурных пластов в едином смысловом поле. Такой подход позволяет тексту не только сохранять преемственность, но и обогащать современное восприятие прошлого (Арнольд, 2010).

Прецедентный текст — это особый тип интертекста, известный каждому члену определенной культурной общности и вызывающий устойчивые ассоциации. Воспроизводимость текста можно рассматривать как «феномен», аналогичное воспроизводимости любых других языковых единиц, подчеркивающее его встроенность в систему языка и культуры (Бобырева, 2013). Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как значимые для личности как в когнитивном, так и в эмоциональном плане; обладающие сверхличностным характером, поскольку они широко известны обществу; и регулярно актуализируемые в дискурсе данной языковой личности (Караулов, 2010). Прецедент, в широком смысле, представляет собой случай, который, произошедший ранее, служит примером или оправданием для аналогичных последующих ситуаций. Таким образом, прецедент формирует устойчивый образно-ассоциативный комплекс, важный для конкретного социума и проявляющийся в речевой практике его членов (Телия, 1988). Это особенно ярко прослеживается в религиозном дискурсе, где символические образы, такие как юридические, приобретают архетипическое значение и выполняют функцию духовного наставления (Куркин, 2019). Одним из наиболее важных аспектов прецедентности является наличие прагматических пресуппозиций. Прагматические пресуппозиции представляют собой «непроизнесенные» или подразумеваемые знания, которые помогают читателю понять суть текста и выстроить правильную цепочку интерпретаций, которая, по мнению Арутюновой, отвечает за эффективность речевого акта (Арутюнова, 1972). Например, в религиозных текстах РПЦ, где часто используются прецедентные тексты из Библии, подразумевается, что читатель знаком с библейскими историями и концепциями. Это позволяет автору не только обогатить текст, но и сделать его более насыщенным и многослойным. Сама идея прецедентности тесно связана с культурным и религиозным контекстом, где тексты становятся источником образов, понятий и метафор, понятных и значимых для определенной аудитории.

Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви

В религиозном дискурсе Бобырева Е.В. выделяет два типа прецедентных высказываний: канонические, неизменные в форме, отражающие догматическую неизменность, и трансформированные, адаптируемые под контекст, но сохраняющие связь с исходным значением (Бобырева, 2007). Канонические тексты сохраняют оригинальную форму, тогда как трансформированные используются для риторической адаптации. В религиозном

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных
документов Русской Православной Церкви и их передача
на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official
documents of the Russian Orthodox Church and
their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

дискурсе различают внутреннюю прецедентность - использование фрагментов Священного Писания во вторичных жанрах, таких как проповеди и молитвы, что усиливает авторитет текста, подтверждает его истинность и придает эстетическую выразительность. Внешняя прецедентность охватывает прецедентные имена, высказывания и ситуации, связанные с культурно значимыми текстами и концептами (Бобырева, 2007).

Документарный дискурс Русской Православной Церкви охватывает разнообразные жанры: от патриарших посланий и постановлений Священного Синода до деклараций и официальных заявлений. Этот дискурс, формируемый под воздействием вековых богословских и литургических традиций, отличается высокой каноничностью и концептуальной сложностью. Каждый текст одновременно выполняет богословскую, социальную и политическую функции, акцентируя единство церковного учения и позиции Церкви по актуальным вопросам. Прецедентные тексты и формализованные выражения играют ключевую роль в поддержании целостности православной доктрины.

Концептуальные метафоры и интертекстуальные связи придают документам РПЦ культурную многослойность и особую смысловую насыщенность. Метафоры связывают теологические идеи с доступными для восприятия образами, закрепляя их значимость в сознании читателя. Интертекстуальность создает глубинные ассоциации с историческими и культурными источниками, обеспечивая преемственность традиций и повышая авторитет текста посредством аллюзий на прецедентные образцы. Подобные аллюзии прослеживаются и в религиозно-историческом восприятии таких авторов, как Данте Алигьери, образ которого был тесно связан с религиозной концепцией народа и нации в эпоху Рисорджименто (Канель, 2022).

Прецедентные тексты в данном дискурсе выполняют нормативную функцию, фиксируя догматические истины, неподверженные изменениям. Кроме того, они формируют символический и ритуальный пласт, усиливая духовное восприятие документов.

Вопросы эквивалентности и адекватности играют важную роль в теории и практике перевода, определяя, каким образом оригинальный текст передается на другой язык с сохранением смысла, стилистики и культурных коннотаций. Согласно «скопос-теории» К. Райса и Г. Вермеера, эквивалентность определяется как функциональное соответствие перевода оригиналу, а адекватность - как процесс перевода, направленный на достижение конкретной цели (Швейцер, 1988; Райс, 1978). Коллер выделяет пять типов эквивалентности: денотативную, коннотативную, текстово-нормативную, прагматическую и формально-эстетическую (Koller, 1995). Другие теоретики также подчеркивают многоаспектность этих понятий: Л.К. Латышев использует термин «оптимальность», В.Н. Комиссаров говорит о «качественном переводе», а Я.И. Рецкер подчеркивает минимальную зависимость эквивалента от контекста (Латышев, 2003; Комиссаров, 1973; Рецкер, 2006).

Перевод интертекстуальных элементов документов Русской Православной Церкви на английский язык

Перевод официальных документов Русской Православной Церкви (РПЦ) на английский требует учета жанровых особенностей, институционального характера и культурной специфики. Важно сохранять точность, институциональность и презентационный стиль

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви и их передача на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

текста, что отражает авторитет Церкви в обществе. Особое внимание уделяется юридической и канонической точности, конфессиональной корректности и функциональной эквивалентности, которые обеспечивают адекватность перевода. В своем исследовании, мы будем придерживаться определения Л.Л. Нелюбина, где понятие «эквивалент – слово или выражение целиком и полностью совпадающее со словом или выражением оригинала, т.е. прямое соответствие, не зависящее от контекста» (Нелюбин, 2003).

Выбор переводческой стратегии в работе с документами Русской Православной Церкви приобретает особую важность, особенно при переводе интертекстуальных вставок, таких как цитаты из Священного Писания или богословские отсылки. Этот процесс требует тщательного учета как функции текста в исходном контексте, так и его значимости для целевой культуры. Цитаты из Писания, как правило, воспроизводятся в их каноническом переводе, чтобы сохранить догматическую точность и подчеркнуть связь с традицией Церкви. Для английского языка это чаще всего перевод King James Version (KJV), признанный культурно значимым для англоязычного христианского мира благодаря своей архаичной лексике и ритму, близкому к церковнославянскому стилю.

Вместе с тем, другие интертекстуальные элементы, такие как аллюзии, метафоры и культурно-специфические выражения, зачастую требуют модуляции, трансформации или адаптации. Задача переводчика в таких случаях выходит за рамки буквального воспроизведения текста: важно передать не только смысл, но и функцию оригинала, его стиль и символическую глубину в новой культурной и концептуальной среде. Таким образом, перевод прецедентных текстов становится сложным и многогранным процессом, требующим применения разнообразных стратегий и приемов, чтобы сохранить богословскую точность и эстетическую выразительность оригинала.

Разберем отрывок из документа: «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям».

«Церковь Христова **едина и единственна** (св. Киприан Карфагенский, «О единстве Церкви»). Основанием единства Церкви – Тела Христова – является то, что у нее один Глава – Господь Иисус Христос (Еф. 5:23) и действует один Дух Святой, животворящий Тело Церкви и соединяющий всех ее членов со Христом как с ее Главой» (Основные принципы отношения..., 2008)

«The Church of Christ **is one and unique** (St. Cyprian of Carthage, On the Unity of the Church). The unity of the Church, the Body of Christ, is based on the fact that she has one Head, the Lord Jesus Christ (Eph. 5:23), and that working in her is one Holy Spirit Who gives life to the Body of the Church and unites all her members with Christ as her Head» (Basic principles of attitude..., 2000)

Формулировка «*The Church of Christ is One and Unique*» (Basic principles of attitude..., 2000) на английском языке поднимает важные вопросы: как одновременно выразить количественное единство и качественную исключительность, содержащиеся в богословской мысли? Святитель Киприан Карфагенский понимал *unitas* (единство) Церкви как неразрывное духовное и организационное единство всех верующих во Христе, воплощенное

через епископат, общение и общую веру. Для него *unitas* включало два ключевых аспекта: единство как согласие и гармония и единственность Церкви.

Святитель Киприан Карфагенский считал, что внутри каждой местной Церкви должна существовать полная гармония между епископом и паствой, а между всеми епископами – взаимное согласие, выражающееся в поддержании единой веры и практики. Он подчеркивал, что епископ является основой единства своей общины, а связь между епископами формирует единство Вселенской Церкви. По его убеждению, существует только одна истинная Церковь, вне которой нет спасения (*extra ecclesiam nulla salus*) (Сурпианус) Это выражает как количественное единство (одна Церковь, а не множество), так и качественное единство (Церковь как уникальное сообщество, установленное Христом) (Матеи, 2012).

В своих трудах Святитель Киприан Карфагенский использует образы Ноева ковчега, единого источника и дерева с ветвями, чтобы подчеркнуть эту мысль. Для Киприана *unitas* также была глубоко связана с таинственным единством Троицы. Церковь, по его словам, отражает троичное единство Отца, Сына и Святого Духа, что делает ее неразделимой по своей природе (Матеи, 2012).

Источники, такие как латинский текст святого Киприана Карфагенского, нередко используют выражения вроде «*Ecclesia quoque una est*» (Сурпианус) – «*Церковь также одна*». Эта фраза передает количественное единство (одна Церковь, нет множества Церквей). В выражении «*Ecclesia una est*» слово «*una*» – это прилагательное, согласованное с «*Ecclesia*» (женский род, единственное число). В трактате святого Киприана Карфагенского «*De Catholicae Ecclesiae Unitate*» (Сурпианус) идея единства Церкви охватывает оба аспекта. «*The Church of Christ is one and unique*» (Basic principles of attitude..., 2000) – в английском варианте переводчик использует «*one and unique*», что сохраняет основной смысл уникальности Церкви, и также подчеркивает ее единственность.

«*Основанием единства Церкви – Тела Христова – является то, что у нее один Глава – Господь Иисус Христос (Еф. 5:23)*» (Основные принципы отношения..., 2008) - «*The unity of the Church, the Body of Christ, is based on the fact that she has one Head, the Lord Jesus Christ (Eph. 5:23)*» (Basic principles of attitude..., 2000). Здесь говорится, что единство Церкви как Тела Христова основано на едином Главе – Иисусе Христе. Конструкция «основание единства» имеет важное значение, обозначая прочную основу единства Церкви. В данном случае перестановка помогает создать грамматически корректное и логически последовательное предложение на английском. Переводчик использует структуру «*is based on the fact that*», что является адаптацией к синтаксическим нормам английского языка. Хотя это добавляет описательности, смысл «основания» передан корректно, а перестановка повышает читабельность.

Модуляция использована для передачи богословского смысла в выражении «*действует один Дух Святой*» (Основные принципы отношения..., 2008). Переводчик выбирает формулировку «*working in her is one Holy Spirit*» (Basic principles of attitude..., 2000), которая слегка меняет порядок слов и передает смысл деятельности Святого Духа в Церкви. Модуляция здесь позволяет сохранить акцент на Святом Духе как источнике жизни и единства, при этом обеспечивая плавность и естественность английского синтаксиса.

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви и их передача на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

Переводчик использует лексическую компенсацию для передачи смысловых оттенков, которые могли быть потеряны в дословном переводе. Например, в выражении «**Who gives life to the Body of the Church and unites all her members with Christ as her Head**» (Basic principles of attitude..., 2000) добавлено «**gives life**», что компенсирует богословский смысл термина «**животворящий**», отражая идею Святого Духа как источника жизни. Эта лексическая компенсация восполняет возможную семантическую утрату, сохраняя богословскую насыщенность фразы и ее культурную значимость.

Всегда и неизменно «учит Дух Святой Церковь через посредство святых отцов и учителей. Кафолическая Церковь не может погрешать или заблуждаться и изрекать ложь вместо истины: ибо Дух Святой, всегда действующий через вернотружущих отцов и учителей Церкви, предохраняет ее от всякого заблуждения» (Послание Восточных Патриархов) (Основные принципы отношения..., 2008).

Always and without change «the Holy Spirit teaches through the holy fathers and doctors. The Catholic Church cannot transgress or even err or utter falsehood instead of truth: for the Holy Spirit, who always acts through the faithfully serving fathers and doctors of the Church, guards her against every mistake» (The Letter of Eastern Patriarchs) (Basic principles of attitude..., 2000).

В оригинале на русском языке субъект «Дух Святой» и глагол «учит» находятся в начале предложения, подчеркивая субъект действия. В английском варианте порядок слов «**the Holy Spirit teaches through...**» (Basic principles of attitude..., 2000) сохраняет это выделение, но переводчик убирает слово «Церковь», которое в оригинале указывает на адресата обучения (кому именно направлено учение). Слово «Церковь» в английском переводе опущено, хотя оно подразумевается в контексте, поскольку учение святых отцов и учителей в традиции обычно относится к Церкви. Это может быть редукцией, сделанной для более лаконичного изложения на английском, где подобное опущение не создает двусмысленности.

В английском переводе «учителей» переведено как «**doctors**». Этот термин, особенно в религиозной литературе, часто используется для обозначения святых учителей Церкви (например, в выражении «**Doctors of the Church**») (Basic principles of attitude..., 2000), что подчеркивает статус и авторитет святых учителей. Лексическая замена «**teachers**» на «**doctors**» в переводе имеет глубокий культурно-исторический и богословский смысл, особенно в религиозном контексте. В английском языке слово «**doctor**» (от латинского **doctor**, что означает «учитель») исторически использовалось для обозначения выдающихся богословов и духовных наставников, признанных Церковью за их учение и вклад в богословскую мысль.

Перевод слова «**погрешать**» как «**transgress**» представляет собой удачную лексическую замену, учитывающую богословский контекст и культурные ассоциации обоих языков. В английском языке «**transgress**» также имеет смысл нарушения определенных норм или законов, особенно в религиозном контексте. Это слово происходит от латинского **transgredi**, что означает «**переступать**» или «**переходить черту**», что хорошо передает идею отступления от установленного морального порядка.

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви и их передача на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

Перевод «**изрекать ложь вместо истины**» (Основные принципы отношения..., 2008) как «**utter falsehood instead of truth**» (19) сохраняет смысловую точность с использованием богословской лексики.

Выражение «**utter falsehood**» (Basic principles of attitude..., 2000) («**изрекать ложь**») звучит формально и несколько архаично, особенно глагол «**utter**», который в современном языке часто заменяется на «**say**» или «**speak**». В богословском контексте «**utter**» сохраняет значение провозглашения или публичного изречения чего-то значимого, что соответствует оригиналу.

Компенсация и добавление эпитета. Для «**предохраняет ее от всякого заблуждения**» (Основные принципы отношения..., 2008) переводчик выбрал «**guards her against every mistake**» (Basic principles of attitude..., 2000), добавив слово «**guards**», что усиливает смысл охраны Церкви от ошибок. Таким образом, анализ особенностей перевода интертекстуальных элементов в официальных документах Русской Православной Церкви показал необходимость комплексного подхода. Используемые переводческие стратегии, такие как модуляция, лексическая компенсация и адаптация, направлены на сохранение богословской точности и стилистической выразительности текста. Учитывая сложность передачи духовной и культурной многослойности оригинала, переводчик вынужден балансировать между сохранением смысла и требованиями целевого языка.

Заключение

В данной статье рассмотрены особенности передачи интертекстуальных элементов в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви при переводе на английский язык. Проведенный анализ продемонстрировал, что перевод такого рода текстов требует не только лингвистической точности, но и глубокого учета богословской и культурной специфики. Сохранение символической глубины, многослойности и стилистической торжественности оригинала играет ключевую роль в обеспечении функциональной эквивалентности перевода. Интертекстуальность в религиозных документах выступает мощным инструментом, укрепляющим преемственность церковного учения, и ее адекватная передача позволяет сохранить связь с традицией, значимой для целевой аудитории.

Список источников / References

1. Арнольд, И.В. (2010). Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: URSS.
Arnold, I.V. (2010). Semantics. Stylistics. Intertextuality. Moscow: URSS. (In Russ.)
2. Арутюнова, Н.Д. (1972). Понятие пресуппозиции в лингвистике. Известия АН СССР, серия литературы и языка, 32(1), 89.
Arutyunova, N.D. (1972). The concept of presupposition in linguistics. Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Literature and Language series, 32(1), 89. (In Russ.)
3. Бахтин, М.М. (1972). Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит.
Bakhtin, M.M. (1972). Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Art. lit. (In Russ.)

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных документов Русской Православной Церкви и их передача на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official documents of the Russian Orthodox Church and their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

4. Барт, Р. (1989). Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс.
Bart, R. (1989). Selected works: Semiotics. Poetika, Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Бобырева, Е.В. (2013). Компоненты внутренней и внешней прецедентности религиозного дискурса. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания», 26(6).
Bobyreva, E.V. (2013). Components of Internal and External Precedent of Religious Discourse. Electronic Scientific and Educational Journal of VSPU "The Facets of Cognition", 26(6). (In Russ.).
6. Бобырева, Е.В. (2007). Прецедентные высказывания религиозного дискурса. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2, 3-6.
Bobyreva, E.V. (2007). Precedent Statements of Religious Discourse. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2, 3-6. (In Russ.).
7. Канель, И.В. (2022). Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи. *Язык и текст*, 9(4), 44-51. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090405>
Kanel', I.V. (2022). Dante Alighieri and Risorgimento: religious aspect of historical connection. *Language and Text*, 9(4), 44-51. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090405>
8. Караулов, Ю.Н. (2010). Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ.
Karaulov Yu. N. (2010). Russian Language and Language Personality. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.)
9. Комиссаров, В.Н. (1973). Слово о переводе. М.: Наука.
Komissarov, V.N. (1973). A Word About Translation. Moscow: Science. (In Russ.).
10. Кристева, Ю. (2004). Избранные труды: Разрушение поэтики. Изменение функций литературы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
Kristeva, Yu. (2004). Selected Works: Destruction of Poetics and Changing the Functions of Literature. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russ.).
11. Куркин, Б.А. (2019). Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»). *Язык и текст*, 6(3), 4-15. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060301>
Kurkin B.A. (2019). Seven phrases of blessed Nikolka (the role and significance of the Holy Fool image in Alexander Pushkin's tragedy "Boris Godunov"). *Language and Text*, 6(3), 4-15. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060301> (In Russ.)
12. Латышев, Л.К. (2003). Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия.
13. Latyshev, L.K. (2003). Translation: Theory, Practice and Teaching Methods. Moscow: Akademiya. (In Russ.)

Наумова А.В. (2025)
 Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных
 документов Русской Православной Церкви и их передача
 на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
 Intertextual elements in the discourse of official
 documents of the Russian Orthodox Church and
 their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

14. Матеи, П. (2012). Римский примат в восприятии африканских христиан: предыстория, содержание и исторические следствия. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: "История. История Русской Православной Церкви", 47 (4), 40-61.
15. Matei, P. (2012). Roman Primacy in the Perception of African Christians: Prehistory, Content and Historical Consequences. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series II: "History. History of the Russian Orthodox Church", 47(4), 40-61. (In Russ.).
16. Нелюбин, Л.Л. (2003). Толковый переводоведческий словарь. М.: Наука.
17. Nelyubin, L.L. (2003). Explanatory Translation Dictionary. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию (2008). URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98243> (дата обращения: 28.02.2025).
19. Basic principles of the attitude of the Russian Orthodox Church to Non-Orthodox Christianity. (2008). URL: <https://www.patriarchia.ru/article/98243> (accessed: 28.02.2025).
20. Поветьева, Е.В. (2014). Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: МПГУ. Самара.
21. Povetyeva, E. V. (2014). Precedent Name as a Phenomenon of Intertextuality in English-Artistic Discourse. Extended abstr. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Moscow State Pedagogical University. Samara. (In Russ.)
22. Райс, К. (1978). Классификация текстов и методы перевода. В: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике (с. 202-228). URL: <https://thelib.net/1759778-klassifikacija-tekstov-i-metody-perevoda.html> (дата обращения: 08.09.2024).
23. Rice, K. (1978). Text Classification and Translation Methods. In: Questions of Translation Theory in Foreign Linguistics (pp. 202-228). URL: <https://thelib.net/1759778-klassifikacija-tekstov-i-metody-perevoda.html> (accessed: 08.09.2024).
24. Рецкер, Я.И. (2006). Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент.
 Retsker, Ya. I. (2006). Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
25. Симонова, С.А. (2024). Эволюция роли библиотеки в контексте сохранения национальных языков. Язык и текст, 11(1), 86-96.
<https://doi.org/10.17759/langt.2024110108>
 Simonova, S.A. (2024). Evolution of the role of the library in the context of preserving national languages. Language and Text, 11(1), 86-96.
<https://doi.org/10.17759/langt.2024110108> (In Russ.)
26. Телия, В.Н. (1988). Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М.: Наука.

Наумова А.В. (2025)
Интертекстуальные элементы в дискурсе официальных
документов Русской Православной Церкви и их передача
на английский язык
Язык и текст, 12(2), 62—72.

Naumova A.V. (2025)
Intertextual elements in the discourse of official
documents of the Russian Orthodox Church and
their translation into English
Language and Text, 12(2), 62—72.

Telia, V.N. (1988). The Human Factor in Language. Language and Picture of the World. Moscow: Nauka. (In Russ.).

27. Швейцер, А.Д. (1988). Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука.

Schweitzer, A.D. (1988). Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.).

28. Basic principles of attitude of Russian Orthodox Church toward the other Christian confession. (2000). URL: <https://www.orthodox.cn/contemporary/20000814basicprinciples/bodyen.htm> (accessed: 28.02.2025).

29. Cyprianus, S. Episcopus Carthaginensis et Martyr Liber de Catholicae Ecclesiae Unitate. URL: https://www.ultramontes.pl/cyprianus_de_unitate.htm. (accessed: 28.02.2025).

30. Koller, W. (1995). The Concept of Equivalence and the Object of Translation Studies. Target, 7 (2). <https://doi.org/10.1075/target.7.2.02kol>.

Информация об авторе

Анжелика Вячеславовна Наумова, аспирант кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7128-445X>, e-mail: anaumova1872@yandex.ru

Information about the author

Anzhelika V. Naumova, PhD student, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7128-445X>, e-mail: anaumova1872@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Опубликована 23.06.2025

Received 2025.04.28

Revised 2025.05.28

Accepted 2025.06.10

Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Образование и функционирование категории числа в
местоимениях и в глагольных словоформах в табасаранском
языке

Н.Э. Сафаралиев¹✉, Ш.Э. Гасанбекова²

¹ Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А.А. Тахо-Годи,
Махачкала, Российская Федерация

² Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

✉ n.safaraliev@yandex.ru

Резюме

Грамматическая категория числа в табасаранском языке, как и в других дагестанских языках, является общей для многих частей речи. Она охватывает почти все имена существительные, которые по своей форме и значению имеют как единственное, так и множественное число. Функционирование категории числа в местоимениях и в глагольных словоформах в табасаранском языке имеет особенности, которые до сих пор не были затронуты исследователями табасаранского языка.

Ключевые слова: табасаранский язык, категория числа, местоимение, разряд, глагол, причастие, заимствование, единственное число, множественное число

Для цитирования: Сафаралиев, Н.Э., Гасанбекова, Ш.Э. (2025). Образование и функционирование категории числа в местоимениях и в глагольных словоформах в табасаранском языке. *Язык и текст*, 12(2), 73—85. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120207>

**Formation and functioning of the category of number in pronouns and
verb word forms in Tabasaran language**

N.E. Safaraliev¹✉, S.E. Gasanbekova²

¹ Dagestan Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi, Makhachkala, Russian Federation

² Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

✉ n.safaraliev@yandex.ru

Abstract

The grammatical category of number in Tabasaran, as in other Dagestani languages, is common to many parts of speech. It covers almost all nouns, which have both singular and plural in their form and meaning. Functioning of the category of number in pronouns and in verb word forms in Tabasaran language has peculiarities which have not been touched upon by researchers of Tabasaran language so far.

Keywords: Tabasaran language, number category, pronoun, category, verb, participle, borrowing, singular, plural

For citation: Safaraliev, N.E., Gasanbekova, S.E. (2025). Formation and functioning of the category of number in pronouns and verb word forms in Tabasaran language. *Language and Text*, 12(2), 73—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120207>

Введение

Местоимение в табасаранском языке характеризуется универсальным значением. В противоположность другим частям речи, местоимение не называет предмет или его признак, а выражает обобщенное значение какой-либо другой части речи. И значение прономинальных лексем рассматривается всегда в связной речи, в контексте, в суждении. Так, например, местоимение *думу* «он», «тот», *му* «этот», *фуж* «кто», *фу* «что», в зависимости от контекста, могут употребляться в роли различных существительных, обозначающих человека, явление. Другие же местоимения, такие как *фицир*, *фициб* «какой», *мицир*, *мициб* «такой», замещают собой объективы, указывая на качество или свойство определенного предмета.

В некоторых разрядах местоимений образование числовых форм происходит лексически. Множественное число, выражаемое *учу* (*ухьу*), *учву* «мы», «вы» имеет прерывное количество, но с оттенком определенности, поскольку информация исходит непосредственно от самих говорящих или слушающих. По этой причине число участников более или менее точно можно установить. При этом каждое местоимение имеет свою личную форму, лексически обособленную от других местоименных форм. Эксклюзив выражает множественность формой *учу* «мы (без вас)» более точно, чем инклюзив *ухьу* «мы» (все).

Личные местоимения в табасаранском языке представлены словами, выражающими 1-е и 2-е лицо в обоих числах, и инклюзивное местоимение, обобщающее во множественном числе 1 и 2-е лица (в противоположность эксклюзивному 1-го лица множественного числа, *учу* «мы (без вас, без тебя)». Инклюзивное местоимение *ухьу* обозначает: «мы с вами» или «мы с тобой» т.е. включает в сферу своего значения с тех лиц или то лицо, к которому обращена данная речь. [Курбанов, 1986, с. 144].

Разграничение форм эксклюзива различных местоимений первого лица множественного числа составляет одну из наиболее интересных типологических особенностей табасаранского языка. Как отмечается в литературе, в подобном различии форм инклюзива и эксклюзива легко усматривается стремление противопоставить формы, выражающие соответственно активность (инклюзив – второе лицо оказывается исключенным из ситуации) второго лица, что с достаточной очевидностью вписывается в общую схему

противопоставления активного и инактивного начал в языках активной типологии [Климов, Алексеев, 1980, с. 272].

Обсуждение результатов

В разряд личных местоимений входят:

в единств. числе	во множеств. числе	
	инклюзив	эксклюзив
1 л. узу «я»	ухъу «мы с вами»	учу «мы без вас»
2 л. уву «ты»	учву «вы»	
3 л. думу «он»	дурар «они»	

Первое лицо единственного числа узу «я» обозначает самого говорящего, множественное число ухъу и учу – группу лиц вместе с говорящим или без него. Второе лицо единственного числа уву «ты» обозначает слушающего, множественное число учву «вы» – группу слушающих лиц, к которой обращается говорящий. Кроме того, местоимение учву «вы» выражает и вежливую форму, видимо, под влиянием русского языка.

Местоимения, образованные от указательных посредством суффикса – ну, также относятся к разряду определительных: му «этот» – мунур, мунуб, мундар, гьатму «тот» – гьатмунур, гьатмунуб, гьатмундар; гьаму чарвйир ичдар ву «эти овцы наши». Дурарикан гьатмунуб кет1ебцнайиб ву «Из них эта больная».

Местоимения, образованные от указательных посредством суффиксов *сиб* (-р, -дар) и *кьан* (-уб, -ур, -дар), также входят в разряд определительных: гьамциб гьунар «такой подвиг» (указательное местоимение) – гьатмунуб вая гьамукьан гьунар «какой или такой подвиг» (определительное).

Субстантивированные атрибутивные местоимения в ряде случаев начинают изменяться по падежам и числам:

1) местоимение «каждый» употребляется и в классе человека, и в классе вещей (*гьар* – *гьарур*, *гьаруб*), но форма множественности ему не присуща;

2) местоимение «каждый» имеет три классные формы, не имея формы множественного числа: *гьарсар агъали* «каждый гражданин», *гьарсаб гьул* «каждый аул», *гьарсаб йигъ* «каждый день»;

3) местоимение «иной, другой» изменяется по классам и числам: *жарар*, *жараб*, *жарадар*;

4) местоимения *вари*, *башкъа* «все», «другой» также изменяются по грамматическим классам и числам: *вари* – *вариб*, *варидар*, *башкъа* – *башкъаб*, *башкъадар*;

5) местоимения *бютюн*, *гьаман* «все» к классным, числовым падежным изменениям нейтральны.

В разряд неопределенных местоимений входят: *фуж* – *вуш* «кто-то», *фу-вуш* «что-то», *фуж духьнура* «кто-нибудь», *швнуб-вуш*, *саб-швнуб* «несколько», *швнур-сар*, *саб-кьадар* (в том же значении), *бязи*, *саспи*, *садар* «некоторые» и другие.

Как видно, часть неопределенных местоимений образуется от вопросительных посредством условной формы вспомогательного глагола – *вуш*. При склонении неопределенных местоимений изменяется только первая их часть: *фуж-вуш* (ном.), *шли-вуш* (эрг.), *шлин-вуш* (ген.), *шлиз-вуш* (дат.) и т.д.

Неопределенные местоимения в предложении выступают в роли подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства: *Дагъдин к1ак1ниин фу-вуш рибшвурайи* (А.Ж.) «На макушке скалы что-то шевелилось». *Швнур-сариз йиз Ц1араблихъ гьайван тувуз ккун гьабшнийи* (Он же), «У некоторых было желание отдать коня за мою собаку». *Гьадрарикан саб кьадар пуч гьабшнийи* «Часть из них испортилась».

Неопределенные местоимения употребляются также в сочетании с числительными *саб*, *сар*, *сад* «один»: *фуж-вуш* «кто-то» – *сар фуж вуш* «некто», *фу-вуш* «что-то» – *саб фу-вуш* «нечто». Это же числительное (*саб*, *сар*, *сад*) самостоятельно употребляется и в поли неопределенного местоимения.

Учухьна сар (фуж-вуш мялум дару) кас гьафну «К нам подошел один (какой-то неизвестный) человек».

Относительные местоимения в табасаранском языке отсутствуют по причине иных принципов построения полипредикативных конструкций. В роли притяжательных выступают падежные формы личных местоимений.

Классные показатели представлены почти во всех местоимениях – указательных, притяжательных, вопросительных и в других, когда они субстантивированы. В них выступают те же показатели, что и в прилагательных и числительных – в единственном числе для первого грамматического класса -*р*, для второго класса -*б*, а во множественном числе для обоих классов –показатель -*д*:

единственное число	множественное число
<i>гьамунур</i> «этот» (I класс)	<i>гьамундар</i> «эти»
<i>гьамунуб</i> «этот» (II класс)	
<i>явуб</i> «твой» (II класс)	<i>явдар</i> «твои»
<i>явур</i> «твой» (I класс)	
<i>фунуб?</i> «какой?» (II класс)	<i>фундар?</i> «какие?»
<i>фунур?</i> «какой?» (I класс)	

От ряда местоимений путем прибавления к ним аффикса –*си* (-*ци*) образуются прономинальные объективы, которые согласуются с определенным словом в классе и числе, например: *гьамцир бай* «такой мальчик», *думусир жилир* «такой, какой тот мужчина», *увусир*

игит «такой, как ты, герой», *офицер адаш* «какой отец», *гьамциб дьуюш* «такой случай»,
думусиб рьякъ «такая, как та дорога», *фициб багъ* «какой сад».

Категория числа выражается и в категории склонения:

а) в основных падежах

Единственное число	Множественное число	
<i>И.п.</i> узу «я» уву «ты»	ухьу, учу «мы»	учву «вы»
<i>Эрг.п.</i> узу уву	ухьу	учву
<i>Р.п.</i> йиз яв	ихь, ич	ичв
<i>Д.п.</i> узуз увуз	ухьуз, учуз	учвуз

б) в местных падежах.

Падежи покоя (эссивы)

Единственное число	Множественное число		
<i>М 1.</i> узуъ увуъ	ухьу	учуъ	учвуъ
<i>М 2.</i> узугъ увугъ	ухьугъ	учугъ	учвугъ
<i>М 3.</i> узук увук	ухьук	учук	учвук
<i>М 4.</i> узухъ увухъ	ухьухъ	учухъ	учвухъ
<i>М 5.</i> узукк увукк	ухьукк	учукк	учвукк
<i>М 6.</i> узугъ увугъ	ухьугъ	учугъ	учвугъ
<i>М 7.</i> уз'ин ув'ин	ухь'ин	уч'ин	учв'ин

Падежи исходные (аблативы)

Единственное число	Множественное число		
<i>М 1.</i> уз'ан ув'ан	ухь'ан	уч'ан	учв'ан
<i>М 2.</i> узгъан увгъан	ухьгъан	учгъан	учвгъан
<i>М 3.</i> узкан увкан	ухькан	учкан	учвкан
<i>М 4.</i> узхъан увхъан	ухьхъан	учхъан	учвхъан
<i>М 5.</i> узккан увккан	ухьккан	учккан	учвккан
<i>М 6.</i> узгьян увгьян	ухьгьян	учгьян	учвгьян
<i>М 7.</i> узлан увлан	ухьлан	учлан	учвлан

В пределах глагола функционирование категории количества носит специфический характер. В глагольных словоформах категория проявляется на уровне именных, личных

аффиксов множественности, а также классных показателей в начале и середине глагольной лексемы.

Именные окончания множественного числа имеет масдарная форма. Она в табасаранском языке выступает в качестве основной, изначальной формой глагола. Масдар как инфинитная глагольная форма отвечает на вопросы *гъан1уб?* *фу ан1уб?* *ву даран1уб?*, которые переводятся как «что делание?» и «чего не делание?».

Единственное число			Множественное число	
Им.п.	<i>лихуб</i>	<i>аьлхъюб</i> «работать»	<i>лихбар</i>	<i>аьлхъбар</i> «смеяться»
Эрг.	<i>лихбу</i>	<i>аьлхъбу</i>	<i>лихбари</i>	<i>аьлхъбари</i>
Род.п.	<i>лихбан</i>	<i>аьлхъбан</i>	<i>лихбарин</i>	<i>аьлхъбарин</i>
Дат.п.	<i>лихбаз</i>	<i>аьлхъбаз</i>	<i>лихбариз</i>	<i>аьлхъбариз</i>

Эргатив масдара в единственном числе образуется при помощи суффикса -у, который в косвенных и локативных падежах (-у, -а), а во множественном числе оформляется суффиксом -ри, который сохраняется и во всех других падежах как их постоянный признак, атрибут. При склонении, а также при образовании множественного числа вследствие перехода ударения на последующий слог, тематические гласные -у, -уь (-ю) редуцируются: *бик1уб* – *бик1бу* (эрг), *бак1бан* (ген), *бик1баз* (дат), *бик1бар* (мн.ч.) «писание», *хъяркьюб* – *хъяркьбу* (эрг), *хъяркьбан* (ген), *хъяркьбаз* (дат.), *хъяркьбар* (мн.ч.) «закрытие» и т.д.

Масдар сохраняет форму множественности числа и при склонении в местных падежах:

Единственное число		Множественное число	
I.	<i>урхбаъ</i> <i>кархъбаъ</i>	<i>урхбариъ</i> <i>кархъбариъ</i>	
II.	<i>урхбагъ</i> <i>кархъбагъ</i>	<i>урхбаригъ</i> <i>кархъбаригъ</i>	
III.	<i>урхбак</i> <i>кархъбак</i>	<i>урхбарик</i> <i>кархъбарик</i>	
IV.	<i>урхбахъ</i> <i>кархъбахъ</i>	<i>урхбарих</i> <i>кархъбарих</i>	
V.	<i>урхбакк</i> <i>кархъбакк</i>	<i>урхбарикк</i> <i>кархъбарикк</i>	
VI.	<i>урхбягъ</i> <i>кархъбягъ</i>	<i>урхбаригъ</i> <i>кархъбаригъ</i>	
VII.	<i>урхбиин</i> <i>кархъбиин</i>	<i>урхбариин</i> <i>кархъбариъ</i>	

Обладает масдар и показателями класса и числа. Множественное число масдара образуется как по типу глагола (посредством классного показателя), так и по типу имени (посредством аффикса множественности -ар): *китаб урхуб* «читать книгу» (ед.ч.), *китабар урхбар* «читать книги» (мн.ч.), *кагъаз бик1уб* «писать письмо» (ед.ч.), *кагъзар дик1уб* «писать письма» (мн.ч.), *хут1ил хъан1уб* «пахать поле» (ед.ч.), *хут1лар хъауб* «пахать поля» (мн.ч.) и т.д. [Жирков, 1948, с. 112].

Категория числа очень прозрачно отражается и в структуре причастия, представляющего собой атрибутивную форму глагола. Причастие, так же, как и другие субстантивы, форму

множественного числа обретает при помощи окончания *-дар*. Это окончание прикрепляется к причастиям класса человека с показателем *-р* (*бик1рур* – *бик1рудар* «пишущий – пишущие»), а к причастиям класса не-человека с показателем *-б* (*хъебгруб* – *хъебгрудар* «гавкающая – гавкающие»).

Причастия изменяются по классам и числам также с помощью классно-числовых показателей: *ебгру ччил* «прыгающий ягненок», *ергру бай* «прыгающий мальчик» (ед.ч.). Во множественном числе: *ергру ччилар* «прыгающие ягнята», *ергру баяр* «прыгающие ребята».

В данной ситуации форму множественного числа образует классный показатель *-р*, который совпадает с классным показателем класса человека в единственном числе.

В предложении выполняет атрибутивную функцию, отвечает на вопросы *фициб? фицир? фицдар?* «какой? какие?» и предшествует определяемому слову, например: *Улхру касдин тай машан*. «Не будь другом болтливому человеку». *Либиру хуйиз я к1ураб бихъур*, я – *маргъ* (Халкъд). «Бродячему псу – или кость, или палка». Как видно из примеров, при употреблении рядом с существительным причастие не принимает аффиксов падежа: им.п. *улхру кас* «говорящий человек», эрг. п. *улхру касди* и т.д.

В независимой позиции субстантивируется и приобретает при этом способность изменяться по грамматическим классам, числам и падежам, например: *лихру* – *лихрур* (I грамм. кас), *лихруб* (II), *лихрудар* (мн. число) «работающий, работающие», им. п. *лихрур*, эрг. п. *лихрури*, род.п. *лихрурин*, дат. п. *лихруриз*.

Местные падежи субстантивированных причастий (как в утвердительной, так и в отрицательной формах) образуются по общей схеме именного словоизменения.

При употреблении самостоятельных причастий показатели класса и числа (*б*, *р*, *д*) в них повторяются дважды – как инфикс и префикс в глаголе и как суффикс в прилагательном, например: *ургуб* – *ургрур* (I гр. к. ед.ч), *убгуб* – *убгруб* (II гр. к. ед.ч), *убгруб* – *ургрур* – *ургрудар* (мн. ч. для обоих гр. к. показатель *-дар*); *бик1уб* – *бик1рур*, *бик1рудар*, *бик1рудар* (соответственно первому примеру). [Курбанов 1995: 230].

Субстантивированные причастия в предложении могут выступать в роли подлежащего, дополнения, определения, именной части составного сказуемого, например: *Гъафидар* (подл.) *дишла архаин гъаши*. «Пришедшие тут же успокоились». *Фун ахю гъап1урин* (доп.) *к1ул ахю даршул* (халкъд.). «У отравившего брюхо голова не увеличится». *Агъмад гуч1рур* (сказ.) *дар*.

Категория числа в глагольных словоформах проявляется и через личные окончания, образованные от личных местоимений 1-го и 2-го лица обоих чисел:

Единственное число	Множественное число
1 лицо. <i>узу т1ирхураза</i>	<i>ухъу</i> (инклюзив)
«я лечу»	<i>учу</i> (эксклюзив)
	<i>т1ирхурахъа</i>

Сафаралиев Н.Э., Гасанбекова Ш.Э. (2025)
 Образование и функционирование категории числа в
 местоимениях и в глагольных словоформах в
 табасаранском языке
Язык и текст, 12(2), 73—85.

Safaraliev N.E., Gasanbekova S.E. (2025)
 Formation and functioning of the category of
 number in pronouns and verb word forms in
 Tabasaran language
Language and Text, 12(2), 73—85.

m1urхурача

«мы летим»

2 лицо. *уву m1urхурава*

учву m1urхурачва

«ты летишь»

«вы летите».

Форма настоящего времени в табасаранском языке обозначает действие, которое происходит в момент речи и в плане выражения представляет собой как синтетические, так и аналитические структуры, образованные по модели презенсное деепричастие + вспомогательный глагол в настоящем времени *а* «находится, есть, присутствует, имеется». Презенс имеет утвердительную (положительную) и отрицательную формы, а также соответствующую парадигму спряжения:

Утвердительная форма

Единственное число

Множественное число

1л. *гъахураза* «несу»

гъахурача (-хъа) «несем»

уърхюраза «берегу»

уърхюрача (-хъа) «бережем»

2л. *гъахурава* «несешь»

гъахурачва «несете»

уърхюрава «бережешь»

уърхюрачва «бережете»

3л. *гъахура* «несет»

гъахура «несут»

уърхюра «бережет»

уърхюра «берегут».

Отрицательная форма

Единственное число

Множественное число

1л. *гъахурадарза* «не несу»

гъахурадарча (-хъа) «не несем»

уърхюрадарза «не берегу»

уърхюрадарча (-хъа) «не бережем»

2л. *уърхюрадарва* «не несешь»

гъахурадарчва «не несете»

уърхюрадарва «не бережешь»

уърхюрадарчва «не бережете»

3л. *гъахурадар* «не несет»

гъахурадар «не несут»

уърхюрадар «не бережет»

уърхюрадар «не берегут»

Об особенностях аналитической модели в сопоставлении с синтетическим дают представление следующие примеры:

Единственное число

1л. *Узу лихураза* и \ или *узу лихури аза* (*лихури -а -узу*) буквально «я работая есть я»

2л. *Уву лихурава* – *уву лихури ава* (*лихури -а -уву*)

3л. *Думу лихура* – *думу лихури а*.

Множественное число

1л. *Ухъу лихурахъа* и \ или *ухъу лихури ахъа* (лихури -а -ухъу) – инклюзив

Учу лихурача – *учу лихури ача* (лихури -а -учу) – эксклюзив

2л. *Учву лихурачва* – *учву лихури ачва* (лихури -а -учву)

3л. *Дурар лихура* – *дурар лихури а*.

Форма будущего определенного времени образуется присоединением и глагольной основе суффикса *-иди*: *бик1иди* «напишет (обязательно)», *гъиди* «придет», *улхиди* «выступит», *тувиди* «даст». *Къаби Аьлди му гъядисайикан закур байар – шубариз ктибтиди* (Ш.Къ.). «Завтра об этом событии старый Али непременно расскажет детям».

Для образования личных форм к футуруму на *-иди* прибавляются соответствующие личные аффиксы:

1 л. *лихидиза* «поработаю» *лихидича* (-хъа) «поработаем».

2 л. *лихидива* «поработаешь» *лихидичва* «поработаете».

3 л. *лихидихъа* «поработаем» *лихиди* «поработают».

Рассматриваемая структура, соотносясь со следованием по отношению к моменту речи, обозначает действие, которое обязательно произойдет [Ханмагомедов, 1979, с. 139].

Отрицательная форма будущего определенного времени образуется путем присоединения к основе положительной формы *-дар*. При этом *-иди-*, *>-и-*; *бик1-иди-дар > бик1идар* «(ни в коем случае) не напишет».

Урх-иди-дар > урхидар «(ни в коем случае) не прочтет». Личные формы соответствуют общей схеме.

Единственное число

1 л. *лихидар* – *за* «(ни в коем случае) не поработаю».

2 л. *лихидар* – *ва* «(ни в коем случае) не поработаешь».

3 л. *лихидар* «(ни в коем случае) не поработает».

Множественное число

1 л. *лихидар* – *ча* (-ха) «(ни в коем случае) не поработаем».

2 л. *лихидар* – *чва* «(ни в коем случае) не поработает».

3 л. *лихидар* «(ни в коем случае) не поработают».

Формы будущего времени имеют также модели как единственного числа, так и множественного.

Единственное число

1 л. *узу бик1арза < бик1 – ури – ву – узу* «я буду писать»

2 л. *уву бик1арва* < *бик1 – ури – ву – уву* «ты будешь писать»

3 л. *дугъу бик1ур* < *бик1 – ури – ву* «он будет писать»

Множественное число

1 л. *учу (ухъу) бик1арча (хъа)* < *бик1 – ури – ву учу (ухъу)* «мы будем писать»

2 л. *учву бик1арчва* < *бик1 – ури – ву – учву* «вы будете писать»

3 л. *дурари бик1ур* < *бик1 – ури – ву* «они будут писать»

Как видим, формы первого и второго лиц меняют гласный -у -в футурумном аффиксе на -а- (-ур- > -ар-; -уър- \ -юр- < -аър- \ -яр-).

Негативные формы образуются при помощи препозитивной отрицательной частицы -дар.

Единственное число

1 л. *дарап1арза* < *дар – ап1 – ур – урзу* «не буду делать»

2 л. *дарап1арва* < *дар – ап1 – ур – урву* «не будешь делать»

3 л. *дарап1ур* «не буду делать».

Множественное число

1 л. *дарап1арча (-хъа)* «не будем делать»

2 л. *дарап1арчва* «не будете делать»

3 л. *дарап1ур* «не будут делать».

Будущее обобщенное время выражает действие, совершение которого предполагается в будущем или потенциально возможно в любое время. Оно образуется присоединением к основе суффикса -уру \ -уьру (-юру): *ап1–уру* «будет делать», *бик1–уру* «будет писать», *аьлхъюру* «будет смеяться», *ч1яргъюру* «будет рвать».

Перед личными окончаниями конечный -у– суффикса может усекаться:

Единств.ч.

Множеств.ч.

1 л. *up1урза* «буду есть»

up1урча (-хъа) «будем есть»

2 л. *up1урва* «будешь есть»

up1урчва «будете есть»

3 л. *up1уру* «будет есть»

up1уру «будут есть».

В простом предложении время тоже изменится по числам:

I форма

Единств.ч.

Множеств.ч.

1 л. *гъапунза* «я сказал»

гъапунча (-хъа) «мы сказала»

2 л. *гъапунва* «ты сказал»

гъапунчва «вы сказали»

3 л. *гъапну* «он сказал»

гъапну «они сказали»

Отрицательные формы:

1 л. *гъапундарза* «я не сказал»

гъапундарча «мы не сказали»

2 л. *гъапундарва* «ты не сказал»

гъапундарчва «вы не сказали»

3 л. *гъапундар* «он не сказал»

гъапундар «они не сказали»

II форма

Единств.ч.

Множеств.ч.

1 л. *гъап1за* «я сделал»

гъап1за (-хъа) «мы сделали»

2 л. *гъап1ва* «ты сделал»

гъап1чва «вы сделали»

3 л. *гъап1у* «он сделал»

гъап1у «они сделали»

Отрицательные формы

1 л. *гъап1дарза* «я не сделал»

ап1дарча (-хъа) «мы не сделали»

2 л. *гъап1дарва* «ты не сделал»

гъап1дарчва «вы не сделали»

3 л. *гъап1у* «он не сделал»

гъап1дар «они не сделали»

Заключение

Таким образом, категория числа в табасаранском языке является универсальной, логической, которая характерна для всех изменяющихся частей речи. Она в них выступает и как количество, и как величина. В первом случае категория числа определяется при помощи счета, а во втором – при помощи измерения.

В современном табасаранском языке в настоящее время функционируют формы единственного и множественного чисел в различных частях речи. В имени существительном кроме двух чисел функционирует и так называемое «ограниченное» множественное число. Суть его заключается в том, что оно обозначает определенный круг, группу лиц, связанных между собой родственной связью вокруг одного авторитетного, уважаемого, доминирующего человека, личности или его имени.

В глагольных словоформах категория числа выражается через категорию лица. Личные окончания глаголов образованы от усеченных местоимений 1-го и 2-го лица в обоих числах.

Масдар по числам заменяется подобно имени существительному.

Список источников / References

1. Жирков, Л.И. (1948). Табасаранский язык. Грамматика и тексты. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
 Zhirkov, L.I. (1948). Tabasaran language. Grammar and texts. Moscow-Leningrad: Publ. AS USSR. (In Russ.)
2. Климов, Г.А., Алексеев, М.Е. (1980). Типология кавказских языков. М.: Наука.

Сафаралиев Н.Э., Гасанбекова Ш.Э. (2025)
Образование и функционирование категории числа в
местоимениях и в глагольных словоформах в
табасаранском языке
Язык и текст, 12(2), 73—85.

Safaraliev N.E., Gasanbekova S.E. (2025)
Formation and functioning of the category of
number in pronouns and verb word forms in
Tabasaran language
Language and Text, 12(2), 73—85.

Klimov, G.A., Alekseev, M.E. (1980). Typology of Caucasian languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)

3. Курбанов, К.К. (1986). Морфология табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз.

Kurbanov, K.K. (1986). Tabasaran morphology. Makhachkala: Daguchpedgiz. (In Russ.)

4. Курбанов, К.К. (1995). Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала: Изд-во ДГУ.

Kurbanov, K.K. (1995). Grammatical classes of Tabasaran words. Makhachkala: DSU Publ. (In Russ.)

5. Ханмагомедов, Б.Г.-К. (1979). Некоторые вопросы грамматики табасаранского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз.

Khanmagomedov, B.G.-K. (1979). Some issues of grammar of Tabasaran literary language. Makhachkala: Daguchpedgiz. (In Tabasaran)

Информация об авторах

Низами Эседуллаевич Сафаралиев, кандидат филологических наук, заместитель директора по научно-методической работе, ведущий научный сотрудник, Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А.А. Тахо-Годи, Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0595-2906>, e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

Шевле Эрзимановна Гасанбекова, магистрант, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5901-2358>, e-mail: shevle06@icloud.com

Information about the authors

Nizami E. Safaraliev, PhD in Philology, Deputy Director for Research and Methodology, Leading Research Associate, Dagestan Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi, Makhachkala, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0595-2906>, e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

Shevle E. Gasanbekova, MA student, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5901-2358>, e-mail: shevle06@icloud.com

Вклад авторов

Сафаралиев Н.Э. — планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Гасанбекова Ш.Э. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Nizami E. Safaraliev — planning of the research; control over the research.

Сафаралиев Н.Э., Гасанбекова Ш.Э. (2025)
Образование и функционирование категории числа в
местоимениях и в глагольных словоформах в
табасаранском языке
Язык и текст, 12(2), 73—85.

Safaraliev N.E., Gasanbekova S.E. (2025)
Formation and functioning of the category of
number in pronouns and verb word forms in
Tabasaran language
Language and Text, 12(2), 73—85.

Shevle E. Gasanbekova — ideas of the research; annotating, writing and formatting of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 06.03.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.03.06
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Фразеологические номинации лица в немецком языке: виды языкового влияния и вопросы гендерной репрезентации

А.В. Усачева✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ av.mukaseeva@mpgu.su

Резюме

Контекст и актуальность. Возможность гендерной репрезентации является одним из ключевых вопросов современного общества, поскольку гендер играет одну из главных ролей в социуме, он напрямую связан с первичным восприятием индивида другим индивидом, составлении обобщенного мнения, выборе форм и видов языкового обращения на основании существующих гендерных норм и возможных гендерных стереотипов. Фразеологические единицы составляют обширный пласт лексики и отражают события, происходящие в языке, в том числе и гендерный аспект. **Цель.** Выявить виды языкового влияния, которые имеют фразеологические номинации в немецком языке, а также выявить возможности языкового воздействия данных единиц на гендерную репрезентацию женщины и мужчины в обществе. **Гипотеза.** За последние годы в немецком языке произошли характерные изменения представлений о женщине в немецкоязычном социуме, что привело к расширению гендерных ролей женщины в целом. **Методы и материалы.** Данное исследование было проведено на базе немецкоязычных электронных корпусов текстов: DWDS [dwds.de] и Мангеймский корпус немецкого языка [cosmas2.ids-mannheim.de]. В рамках исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, обобщение, анализ, сравнение. **Результаты.** Полученные результаты дают возможность говорить о том, что благодаря тенденциям к отказу от гендерных стереотипов, набирающим большую популярность в обществе, и отстаиванию самими женщинами их прав и свобод в языке можно выделить новые образы и семантические компоненты, воздействующие на семантический пласт языка и уже устоявшиеся в нем категории и концепты. **Выводы.** Показано, что изучение видов языкового влияния в немецком языке позволяет углубить знания о происходящих в нем изменениях, а также отразить актуальную гендерную ситуацию.

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

Ключевые слова: номинации лица, фразеологические номинации лица, гендерная репрезентация, гендерные роли, виды языкового влияния

Для цитирования: Усачева, А.В. (2025). Фразеологические номинации лица в немецком языке: виды языкового влияния и вопросы гендерной репрезентации. *Язык и текст*, 12(2), 86—94. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120208>

Phraseological nominations of a person in the German language: types of linguistic influence and issues of gender representation

A.V. Usacheva✉

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ av.mukaseeva@mpgu.su

Abstract

Context and relevance. The possibility of gender representation is one of the key issues of modern society, since gender plays one of the main roles in society, it is directly related to the primary perception of an individual by another individual, the compilation of a generalized opinion, the choice of forms and types of linguistic treatment based on existing gender norms and possible gender stereotypes. Phraseological units make up an extensive layer of vocabulary and reflect events taking place in the language, including the gender aspect. **Objective.** To identify the types of linguistic influence that have phraseological nominations in the German language, as well as to identify the possibilities of linguistic influence of these units on the gender representation of women in society. **Hypothesis.** In recent years, the German language has undergone characteristic changes in the perception of women in German-speaking society, which has led to an expansion of the gender roles of women in general. **Methods and materials.** This study was conducted on the basis of German-language electronic text corpora: DWDS [dwds.de] and the Mannheim German Language Corpus [cosmas2.ids-mannheim.de]. The following methods were used in the study: continuous sampling, generalization, analysis, and comparison. **Results.** The results obtained make it possible to say that due to the trends towards the rejection of gender stereotypes, which are gaining great popularity in society, and the women themselves defending their rights and freedoms in language, new images and semantic components can be identified that affect the semantic layer of language and the categories and concepts already established in it. **Conclusions.** It is shown that studying the types of linguistic influence in the German language makes it possible to deepen knowledge about the changes taking place in it, as well as reflect the current gender situation.

Keywords: nominations of a person, phraseological nominations of a person, gender representation, gender roles, types of linguistic influence

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

For citation: Usacheva, A.V. (2025). Phraseological nominations of a person in the German language: types of linguistic influence and issues of gender representation. *Language and Text*, 12(2), 86—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120208>

Введение

Номинации лица являются неотъемлемой частью жизни человека и языка, поскольку выступают в качестве наименований, благодаря которым можно идентифицировать объект, охарактеризовать его и выделить среди других. Номинации лица носят разносторонний и предикатный характер. Человек в речи разноименен, и к нему, как к объекту номинации, можно применить большое количество самых различных именований, что объясняется многогранностью его бытия (Потапова, 2004, с. 7; Кубрякова, 1978, с. 98), поскольку человек выступает в качестве интерпретатора окружающего его пространства (Мукасеева, 2024, с. 230). Н.Д. Арутюнова называет данное явление гетерономинативностью, поскольку она может иметь разную целенаправленность, расширяет возможности номинации, так как она не только позволяет идентифицировать объект, но и сообщает о нем дополнительные сведения, подвергает его оценке. Н.Д. Арутюнова также считает, что возможность по-разному именовать один и тот же предмет связана с большим количеством суждений, которые часто можно вынести об этом предмете (Арутюнова, 1977, с. 307).

Фразеологические номинации лица, в свою очередь, не только позволяют выделить объект среди многих других, придавая ему особенные характеристики, которые могут проявиться только в конкретных речевых условиях, но и добавляют объекту, к которому обращено высказывание, экспрессивность, эмоциональную окраску и определенную семантическую наполненность. Как и любые номинации, фразеологические номинации лица подвергаются изменениям: возникают новые инварианты, модифицируются старые, уже устоявшиеся в языке формы и образы, расширяются семантические пласты.

Спектр номинаций лица огромен, их роль в современном немецком языке возрастает в связи с тенденцией к использованию гендерно-нейтрального языка во многих сферах жизни (Мельгунова, 2023, с. 2876), а также в связи с развитием современного общества и увеличением количества гендерных ролей, закрепляемых за индивидуумами. Под воздействием феминистской критики языка и самого общества, которое трактует новые условия гендерной реализации для человека, возникают новые пути его гендерной репрезентации, происходит отказ от гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы, являющиеся когнитивными структурами, которые представляют собой социально разделяемые знания о характерных чертах (Eckes, 2008, с. 1) и в основу которых заложена оппозиция «мужчина-женщина» (Шамне, 2024, с. 167), являются барьерами на пути развития гендерно разнообразного общества. В современном развитом мире все острее встает вопрос разрушения стереотипов, потому что «установленные стереотипы не позволяют нормально реализовываться людям» (Эмирильясова, 2016, с. 106). Фразеологические единицы, как и другие языковые единицы, не могут не отражать события, происходящие в социуме, поэтому для того, чтобы наиболее полно отобразить суть новых тенденций развития гендерной проблематики в современном немецкоязычном обществе необходимо проследить за тем, как новые явления фиксируются немецким языком (Нефедова, 2023, с. 165).

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения лексических единиц (номинаций лица, являющихся наиболее частотными коллокациями, отвечающими за репрезентацию женщины в обществе), показывающих изменения гендерной роли современной женщины в немецкоязычном культурном ареале и отражающих ее социальный статус. При этом под коллокациями мы вслед за Х. Бургером, понимаем „jene festen Wortverbindungen, die nicht oder nur schwach idiomatisch sind“ – те устойчивые словосочетания, которые не являются идиоматическими или являются лишь слабо идиоматическими (Burger, 2003, с. 51). Свойство «слабой идиоматичности» позволяет рассматривать слабо идиоматические коллокации как лексические единицы и относить их к фразеологизмам в рамках широкого подхода к фразеологии.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе вопросы гендерной репрезентации индивидуума рассматриваются на примере фразеологических номинаций лица, раскрывающих идиоматическую составляющую компонентов, поскольку недостаточно исследован вопрос языковых изменений на протяжении последних десятилетий в современном обществе Германии, их динамика.

Теоретической основой исследования послужили работы российских и зарубежных ученых, в которых исследуется лингвистический аспект гендерных стереотипов на материале немецкого языка (Кирилина, 2004; Шамне, 2024; Ухова, 2024; Stocker, 2005; Eckes, 2008; Elsen, 2018; Lautenschläger, 2022), затрагиваются вопросы языкового преобразования реальности как их разрушения, проявляющегося в языке (Нефедова, 2023; Мукасева, 2024; Müller-Spitzer, 2021).

Основная часть

Поскольку гендерные исследования являются междисциплинарной областью, гендерная концепция вносит изменения в понятийные структуры каждого отдельно взятого языка, а сам гендер понимается как социокультурный конструкт (Кирилина, 2004, с. 114). Влияя на социальную жизнь общества, гендер напрямую воздействует на восприятие человеком самого себя и других, интерпретируя, в зависимости от существующих у него установок и стереотипов, окружающее его пространство. Таким образом, гендерные вопросы затрагивают все области социального взаимодействия человека.

Вопрос возможности отражения гендерного самосознания индивидом в языке стоит наиболее остро в связи с распространением идей о необходимости осознания собственной ценности и важности, а также гендерной идентичности каждым отдельным человеком, дальнейшим соотношением себя с определенной социальной группой и последующей адаптацией. Видоизменение гендерных ролей в обществе затрагивает все сферы жизни человека, поскольку они все взаимосвязаны и сдвиг в одной из областей затрагивает и другие, также и в языке – видоизменение различных социальных явлений приводят к расширению и пополнению лексико-семантических полей.

Для начала рассмотрим коллокации с компонентами Frau женщина и Mutter мать. В немецком языке можно встретить коллокацию berufstätige Mutter работающая мать. Словосочетание распространяется во время Второй мировой войны, когда женщины были вынуждены заменять своих мужей на работе:

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

(1) Der berufstätigen Mutter, die in Büro, Werkstatt und Geschäft den Mannersetzt, mußte die Sorge um die Betreuung und Unterbringung ihrer Kinderabgenommen werden, wofür 23.000 NSV-Kindergärten Sorge tragen (Archiv der Gegenwart, Bd. 11, 03.10.1941, S. 5214 (DWDS) – Работавшей матери, заменяющей мужа в офисе, мастерской и магазине, больше не надо думать о том, кто позаботится о ее ребенке и где он будет, пока ее нет, ведь о нем позаботятся 23 000 детских садов Национал-социальной ассоциации (здесь и далее перевод сделан нами. – А.У.).

Данный пример показывает, что уже в 1941 году, хоть это и было вынужденной мерой, не только одинокие женщины, но и матери являлись движущими силами экономики и политики государства, чья работа поощрялась и поддерживалась.

Позже, согласно словарю DWDS в 1985 г., в немецкий язык вошла лексема Fachfrau, которая является гендерно симметричной лексеме Fachmann. С этой лексемой в словаре DWDS зафиксированы атрибутивные коллокации с прилагательными ausgebildet (образованная), qualifiziert (квалифицированная), kompetent (компетентная), anerkannt (аккредитованная и/или получившая признание), erfahren (опытная), exzellent (великолепная), renommiert (имеющая авторитет/хорошую репутацию): ausgebildete Fachfrau, qualifizierte Fachfrau и т.д., а также коллокации с атрибутом, выраженным существительным с предлогом für, показывающим сферу компетентности женщины: Fachfrau für Marketing, Finanzen, Bürokommunikation (женщина-специалист в области маркетинга/финансов/деловой коммуникации), которые демонстрируют сглаживание различий между профессиональными качествами мужчины и женщины в современном обществе.

Так, в примере 1 акцент ставится не только на приобретении юристом Фредерикой Кениц должности, но и на том, насколько важным специалистом она является для компании:

(2) Bei der japanischen Automarke Nissan hat man das Thema Zeitenwende zur Chefsache gemacht und mit der Juristin Friederike Kienitz eine versierte Fachfrau in den Vorstand geholt (ANO23/AUG.00037 AUTOHAUS Online, 03.08.2023) – Для японского автомобильного бренда Nissan тема «начала новой эры» стала основополагающей, поэтому в совет директоров вошла опытный профессионал своего дела, юрист по профессии, Фредерика Кениц.

Далее рассмотрим гендерно симметричные фразеологические номинации лица с компонентами Mann и Frau. Устойчивое словосочетание в немецком языке ein gemachter Mann, в переводе на русский язык – «успешный человек, человек обеспеченный», однако оно содержит компонент Mann, то есть «мужчина», а не Mensch – человек, и не Frau – женщина. Можно предложить, что изначально данная фразеологическая единица укоренилась в языке в связи с тем, что такие понятие как «успех», «карьера», «профессия» и многие другие в обществе ассоциировались непосредственно с представителями мужского пола, поскольку ранее женщины не вовлекались в трудовые отношения, на их попечении были семья и забота о муже и детях. Однако сейчас в электронном корпусе текстов уже можно встретить симметрию и с компонентом Frau – eine gemachte Frau, устойчивое словосочетание, обладающее таким же значением – успешный человек (об успешной женщине), которое можно наблюдать в следующем примере:

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

(3) Heute lebt sie, die eine Stiftung für Kinder und Jugendliche unterhält, als gemachte Frau in Johannesburg/Südafrika, wo sie zum Spaß in der nationalen Liga für die Mamelodi Sundowns aus Pretoria stürmt (U11/SEP.03372 Süddeutsche Zeitung, 22.09.2011, S. 35; SolangedieBeinetragen) – На данный момент она, будучи успешной женщиной, живет в Йоханнесбурге, городе в ЮАР, где поддерживает благотворительный фонд для детей и молодежи, и где ради развлечения выступает в национальной лиге за команду «Мамелоди Сандаунс (Mamelodi Sundowns)» из Претории.

Несмотря на то, что некоторые симметрии, такие как eine Frau von Welt (симметрия – ein Mann von Welt) даже зафиксированы в толковых словарях, например в онлайн-версии словаря Duden.de, количество гендерных асимметрий все еще превалирует над количеством гендерных симметрий.

Рассмотрим устойчивое словосочетание ein geschlagener Mann, которое на русский можно передать как «разбитый, побежденный, несчастный человек». Оно не имеет симметричной «женской» номинации в немецком языке. Так, например, в сочетании eine geschlagene Frau прилагательное geschlagen имеет свое прямое значение «битый, избитый, сваленный, сбитый»:

(4) Wie die Polizei mitteilt, fand ein Kunde die zu Boden geschlagene Frau (NZZ07/MAI.03849 Neue Zürcher Zeitung, 24.05.2007, S. 13; Uhrengeschäft) – Как сообщает полиция, посетитель обнаружил поваленную на пол женщину.

Гендерно симметричные номинации, появляющиеся в языке, передают схожее значение, равноценно выстраиваясь в лексико-семантическом поле языка, поэтому поскольку фразеологическая единица ein geschlagener Mann имеет негативную коннотацию, соответствующая симметрия eine geschlagene Frau предположительно должна была бы иметь схожую, негативную, коннотацию. Отсутствие на данный момент симметрии может быть объяснено отсутствием в языке задачи для присвоения женским образам отрицательных коннотаций, дискредитирующих положение женщин в социуме, снижающих роль их вклада в различные сферы жизни человека и т.д. Гендерно симметричные фразеологические номинации лица, обозначающие женщин, являются только положительно коннотированными. Они создаются как отражение возрастающей роли женщины в обществе.

Так, например, в Мангеймском корпусе немецкого языка был найден лишь один пример, где компонент Mann устойчивого выражения ein Mann des Todes, которое может быть переведено на русский язык как «человек, обреченный на гибель», был заменен компонентом Frau – eine Frau des Todes, однако данная единица имеет совершенно другое значение:

(5) Die kurzweiligen und bildhaften Texte erzählen vom Herzen der Stadt, dem Zócalo, vom Kult um die Heilige Frau des Todes und vom Kampf um politische Mitbestimmung nach dem verheerenden Erdbeben 1985 (T08/AUG.01995 die tageszeitung, 13.08.2008, S. 24; Die durchlöchernte Schnapsflasche) – Краткие и образные тексты рассказывают о сердце города, Сокало, культе Санта Муэрте и борьбе за политическое влияние после разрушительного землетрясения 1985 года.

В данном примере речь идет о Сокало, главной площади мексиканской столицы, и Санта Муэрте (eine Frau des Todes), так называемой Святой Смерти или Госпоже Смерти, тем самым, несмотря на то, что выражение хоть и похоже на устойчивое выражение ein Mann des

Todes, его гендерно обусловленной симметрией оно не является и реализует совершенно другое значение.

Однако стоит отметить, что в языке можно встретить примеры гендерных симметрий устойчивых выражений, которые ранее характеризовали только женщин, их поведение и отношение к ним. Так, например:

(6) Es ist die Rolle seines Lebens. Ab Sonntag steht Walter Plathe (54) als braver Soldat Schwejk auf der Bühne des Theaters am Kurfürstendamm. Der "Landarzt" gibt den Prager Hundehändler, der schlau auf dumm macht, herrlich schlicht mit böhmischem Akzent: Er buckelt, er schleimt, er miaut wie ein falscher Kater (BKU04/NOV.03456 Berliner Kurier, 27.11.2004, S. 16) – Это роль его жизни. С воскресенья Вальтер Плат (54 года) выступает на сцене театра на Курфюрстендамм в роли бравого солдата Швейка. «Сельский врач» становится на сцене пражским торговцем собаками, который превращает умное в глупое, восхитительно простое, с божественным акцентом: он изворотливый и хитрый лжец.

В немецком языке существует устойчивое выражение eine falsche Katze, имеющее значение «обманщица, лгунья», в данном примере следует обратить внимание на словосочетание ein falscher Kater, которое в данном контексте также имеет значение «лжец, обманщик», компонент Katze (кошка, ж.р.) был заменен компонентом Kater (кот, м.р) без потери семантики. Таким образом автор статьи подчеркивает, что несмотря на то, что обычно хитрость считается характерной чертой женщин, хитрыми могут быть и мужчины, что он и показывает на примере бравого солдата Швейка.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что несмотря на то, что возможности гендерной репрезентации женщин в современном языке несомненно были расширены, и женщина по-новому предстает в языковом пространстве, приобретая все новые черты и статусы, в немецком языке еще встречаются гендерные асимметрии и гендерные стереотипы. Образ мужчины также видоизменяется, однако под воздействием феминистской критики языка и доминирующих социальных явлений в обществе, градус внимания повышается непосредственно в сторону вопросов, касающихся изображению в языке женщин. Разрушение гендерных стереотипов – неотвратимый процесс развития языка, однако требующий видоизменения языковой картины мира носителей, оказывающих непосредственное влияние на сам язык и манипулирование языковыми единицами в речевых процессах, и напрямую зависящий от тенденций, происходящих в обществе.

Список источников / References

1. Арутюнова, Н.Д. (1977). Номинация и текст. Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука.
Arutyunova, N.D. (1977). Nomination and text. Language nomination. Types of names. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

2. Кирилина, А.В. (2004). Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: «Российская политическая энциклопедия».
Kirillina, A.V. (2004). Gender studies in linguistics and communication theory: A textbook for students of higher educational institutions. Moscow: "Russian Political Encyclopedia". (In Russ.).
3. Кубрякова, Е.С. (1978). Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука.
Kubryakova, E.S. (1978). Parts of speech in onomasiological illumination. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Мельгунова, А.В. (2023). Субстантивация причастий как альтернативный суффиксации способ образования номинаций лица (на материале немецкого языка). Филологические науки. Вопросы теории и практики, 16 (9), 2876-2881.
Melgunova, A.V. (2023). Substantiation of participles as an alternative suffixation method for the formation of facial nominations (based on the material of the German language). Philological Sciences. Questions of theory and practice, 16 (9), 2876-2881 (In Russ.).
5. Мукасева, А.В. (2024). Фразеологические номинации лица через призму гендерных стереотипов (на материале медиатекстов немецкоязычных СМИ). Когнитивные исследования языка, 4 (40), 229-235.
Mukaseeva, A.V. (2024). Phraseological nominations of a person through the prism of gender stereotypes (based on the media texts of German-language media). Cognitive language research, 4 (40), 229-235 (In Russ.).
6. Нефедова, Л.А. (2023). Новый образ женщины во фразеологии современного немецкого языка. Верхневолжский филологический вестник, 3, 163-173.
Nefedova, L.A. (2023). A new image of a woman in the phraseology of the modern German language. Upper Volga Philological Bulletin, 3, 163-173 (In Russ.).
7. Потапова, С.Ю. (2003). Номинация лица в обиходном дискурсе. Ярославль: МУБиНТ.
Potapova, S.Y. (2003). The nomination of a person in everyday discourse. Yaroslavl: MUBiNT Publ. (In Russ.).
8. Ухова, А.В. (2023). Гендерные стереотипы о женщине в немецком юмористическом медиадискурсе. Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки, 1, 55-64.
Ukhova, A.V. (2023). Gender stereotypes about women in German humorous media discourse. Bulletin of Ivanovo State University. Humanities, 1, 55-64 (In Russ.).
9. Шамне, Н.Л. (2024). Гендерные стереотипы в немецком языке: синхронно-диахронный аспект. Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология, 30 (3), 217-221.

Усачева А.В. (2025)
Фразеологические номинации лица в немецком языке:
виды языкового влияния и вопросы гендерной
репрезентации
Язык и текст, 12(2), 86—94.

Usacheva A.V. (2025)
Phraseological nominations of a person in the
German language: types of linguistic influence and
issues of gender representation
Language and Text, 12(2), 86—94.

Shamne, N.L. (2024). Gender stereotypes in the German language: a synchronous-diachronic aspect. *Bulletin of Samara University. History. Pedagogy. Philology*, 30(3), 217-221. (In Russ.).

10. Эмирильясова, С.С. (2016). О необходимости разрушения стереотипов: гендерный аспект. *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Педагогические науки*, 2 (23), 105-107.

Emiriliyassova, S.S. (2016). On the need to break down stereotypes: the gender aspect // *The Eurasian Union of Scientists (EUU). Pedagogical sciences*, 2 (23), 105-107 (In Russ.).

11. Burger, H. (2003). *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. 2. überarbeitete Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

12. Eckes, T. (2008). Geschlechterstereotype: Von Rollen, Identitäten und Vorurteilen. In: Becker, Ruth/Kortendiek, Beate (Hrsg.): *Handbuch Frauen- und Geschlechterforschung. Theorie, Methoden, Empirie*. 2., erw. und aktual. Aufl. Wiesbaden: Springer.

13. Elsen, H. (2018). Das Tradieren von Genderstereotypen – Sprache und Medien In: *interculturejournal*. 2018. 17/30. S. 45–66.

14. Lautenschläger, S. Geschlechtsspezifische Stereotype im Sprachgebrauch. URL: <https://www.sprache-und-gendern.de/beitraege/geschlechtsspezifische-stereotype-im-sprachgebrauch> (viewed: 21.01.2025)

15. Müller-Spitzer, C. (2021). Geschlechtergerechte Sprache: Zumutung, Herausforderung, Notwendigkeit? In: *IDS Sprachreport*, 2, 1-12.

16. Stocker, Ch. (2005). *Sprachgeprägte Frauenbilder. Soziale Stereotype im Mädchenbuch des 19. Jahrhunderts und ihre diskursive Konstituierung*. Tübingen, Niemeyer.

Информация об авторе

Алена Витальевна Усачева, ассистент кафедры теории и практики перевода и коммуникации, институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0370-5960>, e-mail: av.mukaseeva@mpgu.su

Information about the author

Alena V. Usacheva, Assistant Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0370-5960>, e-mail: av.mukaseeva@mpgu.su

Поступила в редакцию 05.03.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.03.05
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Особенности функционирования глаголов прошедшего времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на примере рассказа «Тьма египетская»)

И.В. Васильева✉, А.А. Матигорова

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

✉ vasinga@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматривается проблема структурно-семантического анализа глаголов прошедшего времени в художественном тексте. В области лингвопоэтики глагол становится основным средством, организующим художественное пространство. На современном этапе осмысления категории времени глагола особое место занимает вопрос его функционирования в тексте, однако в полной степени эта тема еще не исследована. **Цель.** Выявить основные функциональные аспекты глаголов прошедшего времени в художественном тексте. **Гипотеза.** Лингвистический анализ, сделанный на основе исследования грамматической и функционально-семантической природы русского глагола, позволяет глубже проникнуть в ткань художественного текста. **Методы и материалы.** Методологической базой исследования стали работы А.В. Бондарко, В.В. Виноградова и М.М. Бахтина. Основным методом исследования послужил метод структурно-семантического описания, состоящий из наблюдения, обобщения и классификации языковых явлений. При рассмотрении материала учитывался функционально-текстовый подход. **Результаты.** На основе положения А.В. Бондарко о значениях видо-временных форм глагола была определена и сформулирована семантическая природа «временных сдвигов», а также выявлены структурные особенности художественного мира в произведении М.А. Булгакова «Тьма египетская». **Выводы.** Показано, что функционирование глагольных форм играет ключевую роль в организации художественного текста. Рекомендовано при исследовании художественного текста в лингвопоэтическом аспекте включение структурно-семантического анализа глагольных форм, его составляющих.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Тьма египетская», глагол, вид глагола, время глагола

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская») *Язык и текст*, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness») *Language and Text*, 12(2), 95—105.

Для цитирования: Васильева, И.В., Матигорова, А.А. (2025). Особенности функционирования глаголов прошедшего времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на примере рассказа «Тьма египетская»). *Язык и текст*, 12(2), 95—105. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120209>

Features of the functioning of past tense verbs in «Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov (based on the story «Egyptian Darkness»)

I.V. Vasilyeva✉, A.A. Matigorova

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ vasinga@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The article discusses the problem of structural and semantic analysis of past tense verbs in a literary text. In the field of linguopoetics, the verb becomes the main means of organizing the artistic space. At the present stage of understanding the verb tense category, the issue of its functioning in the text occupies a special place, but this topic has not yet been fully explored. **Goal.** To identify the main functional aspects of past tense verbs in a literary text. **Hypothesis.** The linguistic analysis, based on the study of the grammatical and functional-semantic nature of the Russian verb, allows us to penetrate deeper into the fabric of the literary text. **Methods and materials.** The methodological basis of the research was the work of A.V. Bondarko, V.V. Vinogradov and M.M. Bakhtin. The main research method was the method of structural and semantic description, consisting of observation, generalization, classification of linguistic phenomena. When reviewing the material, the functional-textual approach was taken into account. **Results.** Based on the position of A. V. Bondarko on the meanings of the specific-temporal forms of the verb was defined and formulated semantically by the «temporal shifts» and the structural aspect of the artistic world in the work of M.A. Bulgakov «Egyptian Darkness». **Conclusions.** It is shown that the functioning of verb forms plays a key role in the organization of a literary text. It is recommended to include a structural and semantic analysis of the verb forms that make up the literary text in the linguopoetic aspect.

Keywords: M.A. Bulgakov, «Egyptian Darkness», verb, verb type, verb tense

For citation: Vasilyeva, I.V., Matigorova, A.A. (2025). Features of the functioning of past tense verbs in «Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov (based on the story «Egyptian Darkness»). *Language and Text*, 12(2), 95—105. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120209>

Введение

Глагол на протяжении всех этапов формирования русского языка является наиболее сложной по своим морфологическим и функциональным особенностям частью речи. Изучение русского глагола началось в XVIII веке, тогда его было принято считать

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

центральной категорией языка, сочетающей в себе основные свойства с функциями других частей речи и создающей свои, оригинальные, не применимые к другим частям речи особенности. Тогда же сложилось традиционное представление о трех временах глаголов — настоящем, прошлом и будущем, причем эти времена мыслились только относительно момента высказывания, а лексическое выражение своеобразия течения действия считалось возможным благодаря категории вида. Интерес современных исследователей вызвало учение о глагольном времени как о субъективной категории, что привело к изучению особенностей функционирования разных глагольных времен в тексте. Лингвистический анализ, сделанный на основе исследования грамматической и функционально-семантической природы русского глагола, позволяет проникнуть в ткань художественного текста, обозначить авторские акценты, не замеченные ранее, однако важные для понимания таких структурных элементов, как пространство и время.

Пространство и время — основные категории художественного текста, отображающие объективную реальность через систему языковых средств — реализуются в событии в виде пространственно-временных координат бытия. Определение категории времени, прежде всего, проблема мировоззренческая, гносеологическая. Для филологического исследования актуальность концепции пространства и времени в художественном произведении М.М. Бахтина заключается, прежде всего, в поиске способов отображения бытия писателем, в возможности синтеза картины мира автора и картины национального сознания путем анализа языковых средств.

Ядром языкового выражения категории времени являются спрягаемые глагольные формы, обозначающие отнесенность процесса к одному из трех временных планов — настоящему, прошедшему и будущему. Значение времени может быть выражено не только глагольными формами, но и другими — лексическими и синтаксическими — средствами. Поэтому некоторые лингвисты выделяют функционально-семантическую категорию темпоральности, включая сюда и категорию времени глагола как грамматическое ядро этой категории [Виноградов, 1986; Демидкина, 2008; Петрухина, 2023].

Существование множества точек зрения на проблему выделения времени глагола препятствует построению четкой видо-временной классификации. Например, В.В. Виноградов выделяет семь временных форм: четыре формы прошедшего времени (прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, давнопрошедшее время, «прошедшее время мгновенно-произвольного действия»), описательную форму будущего времени несовершенного вида, форму настоящего времени несовершенного вида и форму настоящего-будущего времени совершенного вида [Виноградов, 1986]. Этот взгляд на парадигму времен не принимают и оспаривают А.В. Бондарко, Л.И. Ушакова и другие ученые. Они считают, что нет достаточных оснований для выделения «прошедшего времени мгновенно-произвольного действия», а также не соглашаются с включением «давнопрошедшего времени» в состав парадигмы активно употребляющихся, регулярных форм.

Для данного исследования была выбрана классификация, предложенная А.В. Бондарко, так как она затрагивает наиболее важный для выявления лингвопоэтической специфики текста функциональный аспект форм глагола. Изучение временных форм глагола в тексте рассказа «Тьма египетская» поможет понять особенности авторского стиля посредством

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

раскрытия лексико-грамматических особенностей форм глаголов в конкретных примерах из текста. Кроме того, на сегодняшний день при наличии большого количества исследований для русской грамматики остается актуальным вопросом описание и систематизация позиционных условий, в которых возникают те или иные значения временных форм в абсолютном и относительном употреблении. В контексте грамматическая форма времени не всегда имеет значение действия, определяемого относительно момента речи — абсолютное время. Существуют контексты, где форма времени глагола ориентирована не на момент речи, а на время другого глагольного действия — относительное время.

Глаголы прошедшего времени совершенного вида в художественном тексте «двигают сюжет», а несовершенного вида — «описывают фон». Иногда их значения могут меняться при совокупности определённых факторов. Для анализа течения времени в художественном тексте используют различные режимы интерпретации. Они помогают определить текстовое время, последовательность событий, проанализировать структуру произведения [Падучева, 2010].

А.Г. Золотова отмечает: «Именно видо-временные формы глагола — главное средство организации текста» [Золотова, 2002, с. 8]. Особое место в сложных аспектологических вопросах будет занимать «я» — субъект речи, организующий текст (образ автора), так как «момент речи говорящего принимается за точку отсчета, означающую настоящее время, относительно которого определяются прошедшее и будущее» [Золотова, 2002, с. 10]. Время — таксисная категория — именно оно становится главным средством, моделирующим художественную реальность, а эта реальность в то же время будет зависеть от положения субъектного «я». Поэтому категория времени в художественном тексте несет важную структурирующую и организующую роль.

Материалы и методы

Весь цикл «Записки юного врача» представляет собой воспоминания персонифицированного героя-нарратора, выраженные перволичным повествованием: нарратив имеет дневниковый формат. Следовательно, повествование в большей степени будет построено на глаголах прошедшего времени. В.С. Парамонова отмечает: «Глагольные формы прошедшего времени, в отличие от форм будущего времени, являются потенциально личными, поскольку свою субъектную направленность они получают в условиях речевого контекста. Особенно ярко это проявляется у аористических форм глаголов совершенного вида» [Парамонова, 2011, с. 198-199]. Таким образом, повествование сгущается в более интимном субъективном взгляде главного героя и усиливается формой дневникового повествования. Соответственно понимание семантики использования грамматических форм позволяет проникнуть в сферу субъектности, которая несет, в свою очередь, моделирующее значение в дневниковом повествовании.

А.Г. Золотова выделяет Т1 (физическое время), Т2 (событийное время), Т3 (время говорящего), Т4 (время читателя). В рассказе «Тьма египетская» можно отметить, что Т2 (событийное время) находится в прошлом по отношению к Т3 (время говорящего). В связи с этим в анализируемом тексте большое количество глаголов прошедшего времени, которые являются основой его структурно-художественной организации.

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in «Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov (based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

В первой части рассказа «Тьма египетская» читатель наблюдает день рождения главного героя, на которое приглашен весь медицинский состав больницы. Большинство глагольных форм в этой части рассказа представлены формами прошедшего времени совершенного вида (более 70 %), так как модальность воспоминаний самого сборника рассказов осложняется историями персонала, которые на отрезке времени находятся еще дальше от Т2. Таким образом, истории обретают сакральный статус преданий, мифологизируются. При этом употребление глаголов несовершенного вида, связанное в первую очередь с днем рождения главного героя, только подчеркивает дистанцированность случаев из врачебной практики от событий праздника. Это замечание еще раз подчеркивает заключение исследователей о том, что глаголы прошедшего времени совершенного вида в художественном тексте двигают сюжет, а несовершенного вида – описывают фон [Бондарко, 1971; Виноградов, 1986; Кондракова, 2018; Петрухина, 2023].

Во второй части рассказа соотношение глагольных форм несовершенного вида и совершенного вида, по сравнению с первой частью, выравнивается (НСВ – 40% и СВ – 60%), так как здесь герой рассказывает случай из практики, который воспринимается как актуальный. Однако корреляция Т2 и Т3, где все случаи из практики — циклические воспоминания, объясняет достаточно плотное употребление глаголов прошедшего времени в этой части.

Таблица / Table

Соотношение глагольных форм прошедшего времени и композиционных частей рассказа

The relationship between the verb forms of the past tense and the compositional parts of the story

Композиционные части рассказа / The compositional parts of the story	Глаголы несовершенного вида / Imperfect verbs	Глаголы совершенного вида / Perfect verbs
Первая часть рассказа / The first part of the story	35	93
Вторая часть рассказа / The second part of the story	47	70
Итого / Result	82	163

Так, в рамках одного рассказа М.А. Булгакова «Тьма египетская» выстраивается сложная пространственно-временная сеть. Рассказанные истории становятся некоторыми мифологизированными преданиями, а история с мельником является логическим итогом рассказов медицинского персонала. Центром временного и пространственного стяжения становится больница, в которую попадает по распределению герой-нарратор. Поэтому важной характеристикой временного плана в данном тексте является цикличность.

М.М. Бахтин, описывая хронотоп «провинциального городка», который близок к хронотопу больницы в рассматриваемом рассказе, отмечает: «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам...» [Бахтин, 2012, с. 322]. Особое внимание в выбранном тексте и в цикле в целом занимает хронотоп дороги: больные (эпизодические

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

персонажи) и герои всего цикла постоянно перемещаются, но это перемещение, следует заметить, происходит в ограниченном пространстве.

Переплетая две временно-пространственные организации, М.А. Булгаков достигает антиномичных временных эффектов: хронотоп «провинциального города», несущий в себе «цикличность бытования» и статичность, с одной стороны, и, с другой, хронотоп «дороги», характеризующийся случайностью и событийностью. Переплетение разных сдвигов отмечает и М.М. Бахтин: «Оно (переплетение. — Прим. автора) используется романистами как побочное время, переплетается с другими, не циклическими временными рядами или перебивается ими, часто оно служит контрастирующим фоном для событийных и энергических временных рядов» [Бахтин, 2012, с. 322]. Такую художественную структуру можно обнаружить в рассказе «Тьма египетская», где в двух частях противопоставляются цикличность и событийность.

Частой формой употребления становятся глаголы совершенного вида аористического значения, что характерно для дневниковых записей: «Я ломал спички и долго тыкал в горелку, пока она не зажглась синеватым огоньком» [Булгаков, 1989, с. 120]. «Зажглась» — однократное действие, которое возникает после ряда других действий. Такой набор «фактических» заметок свойственен дневниковым записям, в особенности тем, которые сопряжены с историями болезней. Так, главный герой фиксирует в своей памяти произошедшее, создает комплекс инструкций для себя, которые могут помочь в дальнейшей врачебной практике. Заметки главного героя, вынесенные в название сборника рассказов, становятся попыткой создать свой собственный миф на базе историй медицинского персонала. Герой-нарратор выходит за рамки медицинского фольклора в сферу художественности. Поэтому появляется субъектное «я», характеризующее новый уровень восприятия реальности забытой провинциальной больницы, который осмысливается как старинные предания. Таким образом, М.А. Булгаков намечает выход в фольклорно-мифологический пласт художественного мира.

Наряду с использованием глаголов совершенного вида в тексте используются формы глаголов несовершенного вида, связанные с днем рождения главного героя и историей мельника. Этот факт свидетельствует о том, что эти моменты являются актуальными, незавершенными. Главный герой становится как участником «мифов» больницы, так и мифотворцем, так как именно он создает дневник. Выступая в качестве создателя мифа, главный герой берет на себя функцию фольклорного певца-сказителя, фиксирующего и описывающего победы и поражения маленькой больницы, что можно подтвердить словами исследовательницы В.В. Гудковой о лирическом герое М.А. Булгакова: «Способ повествования соединяет два плана: участника, находящегося «внутри» события, — и очевидца» [Гудкова, 2019, с. 164]. В то же время для главного героя важно обозначить свою субъектность, свое место в мифологическом пространстве больницы. Иначе говоря, записки главного героя можно охарактеризовать как попытку вписать себя в миф о больнице, стать Липонтием Липонтьевичем.

На мифологическую основу «Тьмы египетской» указывает и мотив сакрального огня, который возникает в разных местах рассказа: главный герой зажигает спичку, персонал больницы собирается возле огня, Аксинья вбегает со свечой и т.д. Особый статус огненной символики подчеркивается как на уровне глаголов: гребень в волосах Пелагеи Ивановны

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

«вспыхивал» и «погасал», так и на уровне прилагательных: «благостный» огонь. Кроме того, придается особая значимость локусу «печи», возле которой собираются герои. В тексте используется обширный ряд понятий и слов, связанных с семантикой «огня»: «печка», «жар», «спички», «вспыхивал», «погасал», «кочерга», «угли» и т. д. Огонь, выступая как источник света и тепла, становится одним из элементов в антиномии «свет/тьма».

Последний раз форма прошедшего времени в тексте возникает в предложении: «Потянулась плененою тьма египетская...» [Булгаков, 1989, с. 121]. Далее описывается сон главного героя, где происходящее действие показано с помощью глаголов настоящего времени. Глагол «потянулась» характеризуется некоторой длительностью, но без указания времени. Этот факт может говорить о том, что «тьма» — некая константа, постоянное, установившееся состояние художественной реальности. Однако на контрасте с последующими глаголами в настоящем времени становится понятно, что герой «тьму» преодолет: «возникает прямая ассоциация с девятой из десяти казней египетских, которые являются своеобразным «концом света» для евреев, так как после этого начнется новая жизнь, а старая умрет» [Ерохов, 2015, с. 156].

Кроме того, состояние «тьмы» и «вьюги» пресекается светом и теплом огня, с которым неразрывно связан персонал больницы. Так, М.А. Булгаков из сферы человеческой выходит в пространство космическое, где «тьма» и «вьюга» символы хаоса, а огонь-свет, как в учении Гераклита, первооснова порядка — гармонии. Архитектоника рассказа строится на постоянном соперничестве и движении «хаоса-тьмы» и «гармонии-огня». Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что художественный мир рассказа «Тьма египетская» становится моделью миропорядка Вселенной, а сами записки главного героя становятся не только фиксацией мифа, но и сакральным текстом, в котором отображаются закономерности мироздания.

Результаты

Таким образом, дневниковое повествование становится основным средством, моделирующим художественную реальность, поэтому структурообразующими элементами данного текста становятся разные формы прошедшего времени глагола. Хронотоп же в произведении М.А. Булгакова «Тьма египетская» также характеризуется временными сдвигами. Так, в рассказе сочетаются локусы больницы и дороги. Первый указывает на цикличность событий, второй, напротив, на ситуативность будущего. Кроме того, в противопоставлении глагольных форм совершенного и несовершенного вида проявляется мифологическая структура произведения, где главный герой одновременно является и создателем мифа, и его участником.

Обсуждение результатов

Практическое исследование показало, что глагольные формы прошедшего времени в количественном отношении встречаются в тексте М.А. Булгакова достаточно часто ($\approx 70\%$) относительно других форм, поскольку несут определенную смысловую нагрузку: весь цикл «Записки юного врача» представляет собой воспоминания героя-рассказчика, изложенные в дневниковом формате.

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

Качественный анализ показал, что наиболее распространенной глагольной формой в тексте М.А. Булгакова «Тьма египетская» является форма прошедшего совершенного (2/3 от всех глаголов прошедшего времени), поскольку именно такая языковая организация становится репрезентацией мифологического пространства больницы. В то же время глагольные формы прошедшего времени несовершенного вида, хотя реже употребляемые, являются главным способом реализации субъектного «я» в мифологическом измерении. Наиболее часто в рассматриваемом тексте встречаются формы глаголов прошедшего времени в аористическом значении, употребление которого характерно для дневниковых записей.

Таким образом, глаголы прошедшего времени становятся главным средством отображения художественной реальности текста, выполняют структурирующую и организующую функции, являются эффективным и образным средством речевой конкретизации, тем самым формируют художественную идеологию М.А. Булгакова.

Заключение

Таким образом, среди множества способов лингвистического исследования роли глагольных единиц в структуре художественного текста анализ грамматической и функционально-семантической природы русского глагола отличается особой продуктивностью, так как данные, полученные в процессе структурно-семантического описания, наиболее приближены к объективности, поэтому позволяют наиболее точно оценить роль языковых единиц не только в структуре текста, но и в создании эстетического эффекта, необходимого для воплощения идейно-художественного замысла автора.

Время – таксисная категория – является главным средством организации художественной реальности, поэтому анализ текста в аспекте функционирования глагола является актуальным направлением в исследовании языкового пространства художественного произведения.

Список источников / References

1. Бахтин, М.М. (2012). Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур.
Bakhtin, M.M. (2012). Collected works: in 7 volumes. Vol. 3. Theory of the novel (1930-1961). Moscow: Languages of Slavic Cultures (In Russ.).
2. Бондарко, А.В. (1971). Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение.
Bondarko, A.V. (1971). The type and tense of the Russian verb (meaning and usage). Moscow: Prosveshchenie (In Russ.).
3. Булгаков, М.А. (1989). Тьма египетская. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.
Bulgakov, M.A. (1989). Egyptian darkness. Collected works: in 5 vols. Vol. 1. Moscow (In Russ.).

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

4. Виноградов, В.В. (1986). Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк.
Vinogradov, V.V. (1986). Russian language (Grammatical teaching of the word): handbook for universities. 3rd ed., ispr. Moscow: Higher School (In Russ.).
5. Гудкова, В.В. (2019). Апология субъективности. О лирическом герое произведений М.А. Булгакова. В: М.А. Булгаков: pro et contra, апология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА.
Gudkova, V.V. (2019). The apology of subjectivity. About the lyrical hero of the works of M.A. Bulgakov. In: M.A. Bulgakov: pro et contra, an apology. O.V. Bogdanova (ed.). Saint Petersburg: RHGA (In Russ.).
6. Демидкина, Д.А. (2008). Функционирование и референциальные особенности русских форм прошедшего времени с аористическим значением. Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2 (2), 70-72.
Demidkina, D.A. (2008). Functioning and referential features of Russian past tense forms with aoristic meaning. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2 (2), 70-72 (In Russ.).
7. Ерохов, Е.И. (2015). Апокалиптические мотивы в цикле рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача». Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 8 (52), 150-159.
Erokhov, E.I. (2015). Apocalyptic motifs in the cycle of short stories by M.A. Bulgakov «Notes of a young doctor». Modern studies of social problems (electronic scientific journal), 8 (52), 150-159 (In Russ.).
8. Золотова, Г.А. (2002). Категории времени и вида с точки зрения текста. Вопросы языкознания, 3, 8-29.
Zolotova, G.A. (2002). Categories of time and type from the point of view of the text. Questions of linguistics, 3, 8-29 (In Russ.).
9. Кондракова, А.А. (2018). Функция глаголов прошедшего времени в повествовательном тексте. Актуальные проблемы гуманитарных наук, 1-1, 40-42.
Kondrakova, A.A. (2018). The function of past tense verbs in a narrative text. Actual problems of the humanities, 1-1, 40-42 (In Russ.).
10. Национальный корпус русского языка: официальный сайт. Обновляется в течение суток. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.05.2024).
National Corpus of the Russian language: official website. It is updated during the day. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (viewed: 05/02/2024).
11. Падучева, Е.В. (2010). Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры.

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

Paducheva, E.V. (2010). Semantic research: The semantics of time and type in the Russian language; The semantics of narrative. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Languages of Slavic culture (In Russ.).

12. Парамонова, В.С. (2011). Особенности функционирования форм будущего и прошедшего времени в художественном тексте. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание, 2 (14), 197-200.

Paramonova, V.S. (2011). Features of the functioning of future and past tense forms in a literary text. Bulletin of the Volgograd State University. Series: Linguistics, 2 (14), 197-200 (In Russ.).

13. Петрухина, Е.В. (2023). Русский глагол: категории вида и времени в контексте современных лингвистических исследований. М.: Флинта.

Petrukhina, E.V. (2023). Russian verb: categories of type and time in the context of modern linguistic research. Moscow: Flinta (In Russ.).

14. Чаплина, С.С. (2009). Темпоральность как жанрообразующая категория. В: Языковое бытие человека и этнос: когнитивный и психологический аспекты. V международные Березинские чтения. Академия социального управления. Вып. 15 (с. 303-308). Москва.

Chaplina, S.S. (2009). Temporality as a genre-forming category. In: Human linguistic existence and ethnicity: cognitive and psychological aspects. V International Berezinsky Readings. Academy of Social Management, issue 15 (pp. 303-308). Moscow (In Russ.).

15. Шанский, Н.М. (1987). Современный русский язык. В 3 частях. Ч. 2. Словообразование. Морфология: Учеб. для студентов пед. ин-тов. Москва: Просвещение.

Shansky, N.M. (1987). Modern Russian language. In 3 parts. Part 2. Word formation. Morphology: Textbook for students of pedagogical institutes. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.).

Информация об авторах

Инга Владимировна Васильева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8260-0269>, e-mail: vasinga@yandex.ru

Александра Александровна Матигорова, студентка 4 курса кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0018-1525>, e-mail: sashylia03@mail.ru

Information about the authors

Inga V. Vasilyeva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8260-0269>, e-mail: vasinga@yandex.ru

Васильева И.В., Матигорова А.А. (2025)
Особенности функционирования глаголов прошедшего
времени в «Записках юного врача» М.А. Булгакова (на
примере рассказа «Тьма египетская»)
Язык и текст, 12(2), 95—105.

Vasilyeva I.V., Matigorova A.A. (2025)
Features of the functioning of past tense verbs in
«Notes of a Young Doctor» by M.A. Bulgakov
(based on the story «Egyptian Darkness»)
Language and Text, 12(2), 95—105.

Aleksandra A. Matigorova, 4th year student, Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0018-1525>, e-mail: sashylia03@mail.ru

Вклад авторов

Васильева И.В. — идеи исследования; аннотирование, планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Матигорова А.А. — написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Inga V. Vasilyeva — research ideas; annotation, research planning; monitoring of research.

Aleksandra A. Matigorova — writing and design of a manuscript; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 07.03.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.03.07
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра»

Л.Г. Дорофеева✉, Л. Гу

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация

✉ lgdorofeeva@mail.ru

Резюме

Дом – сквозная тема в литературе русского зарубежья первой волны, отражающая состояние бытия русских в «чужом» пространстве. Образ дома в творчестве Н. Байкова обретает свои неповторимые черты, связанные как с особенностями его биографии и личности, так и со спецификой его творчества. В статье рассматривается семантика пространства дома на материале нескольких рассказов из сборника Н. Байкова «У костра». Выявляется оппозиция «свое» / «чужое» пространство и специфика их взаимодействия как «дома» и «бездомья». Ключевой в рассказах «Встреча Нового Года», «На палубе парохода» и «Тайна бутылки» становится тема эмиграции и образ России. Авторы приходят к выводу о реализации образа дома на уровнях внешнего и внутреннего пространств, семантика которых определяется категорией свободы.

Ключевые слова: Н.А. Байков, эмиграция, дом, пространство, оппозиция «свой/чужой», свобода

Для цитирования: Дорофеева, Л.Г., Гу, Л. (2025). Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра». *Язык и текст*, 12(2), 106—115. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120210>

The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire»

L.G. Dorofeeva✉, L. Gu

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

✉ lgdorofeeva@mail.ru

Abstract

Home is a recurring theme in the literature of the Russian diaspora of the first wave, reflecting the state of being of Russians in a “foreign” space. The image of home in the works of N. Baykov acquires its unique features associated with both the

Дорофеева Л.Г., Гу Л. (2025)
Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра»
Язык и текст, 12(2), 106—115.

Dorofeeva L.G., Gu L. (2025)
The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire»
Language and Text, 12(2), 106—115.

peculiarities of his biography and personality, and with the specifics of his work. The article examines the semantics of the space of home based on several stories from N. Baykov's collection "By the Fire". The opposition of "one's own"/"foreign" space and the specifics of their interaction as "home" and "homelessness" are revealed. The key theme in the stories "New Year's Eve", "On the Deck of a Steamship" and "The Secret of a Bottle" is emigration and the image of Russia. The authors come to the conclusion that the image of home is realized at the levels of external and internal spaces, the semantics of which is determined by the category of freedom.

Keywords: N.A. Baykov, emigration, home, space, opposition of one's own/other's, freedom

For citation: Dorofeeva, L.G., Gu, L. (2025). The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire». *Language and Text*, 12(2), 106—115. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120210>

Тема дома является ключевой в литературе русского зарубежья первой волны, и образ дома создается и осмысливается писателями, как правило, в соотношении с «чужим» пространством. Н.А. Байков (1872–1958) – известный писатель-эмигрант, занимающий свое особое место среди писателей Русского Зарубежья Дальнего Востока. Традиционно творчество Н.А. Байкова связывают с его научным интересом к природе, почему он и характеризуется часто как «натуралистический писатель и блестящий иллюстратор» [Ким Рехо, 1996, с. 48], и даже как «основатель экологической литературы» [Ли Янлин, 2008, с. 81].

Н. А. Байков приехал в Китай в 1901 году, прожил там длительное время, переживая первую мировую войну, революцию и все трудности постреволюционного времени, что нашло отражение в его творчестве, отличающемся автобиографичностью. Его любовь к природе, изучение ее, превосходное знание жизни животных и растительного мира, позволило ему создать оригинальные образцы художественной прозы, объединяющей в себе научные очерки натуралиста, путевые заметки и собственно рассказы, повести, романы, основанные чаще всего на личном опыте, воплотившемся в таких произведениях, как «Маньчжурский тигр» (1925), «Корень жизни» (1926), «В дебрях Маньчжурии» (1934), «Тигрица» (1940) и т. д. Являясь крупным представителем русской зарубежной эмиграции, одной из главных в своей прозе он делает тему жизни русского эмигранта.

Сборник «У костра» содержит в себе все традиционные для писателя темы и мотивы, при этом в нем усиливается тема эмиграции и создается образ русского эмигранта, что, несомненно, рождает и образ дома как особого пространства жизни.

Сборник рассказов «У костра» был опубликован в 1939 году в книгоиздательстве «Наше Знание» в Тяньцзине, он состоит из 33 рассказов новеллистического и очеркового характера. Ряд рассказов сборника посвящен жизненному опыту русских изгнанников за рубежом: «Диана», «Рассказ шоффера», «Судьба», «Контрабандисты», «На палубе парохода», «Затерянный в океане», «Клятва Гассана» и другие. Одним из ключевых в этих произведениях является топос «дома», определяющий во многом семантику художественного пространства рассказов.

М. Бахтин отмечал, что вещи «выстраивают в пределах общего пространства некое семантическое поле определенной структуры» [Бахтин, 1975, с. 341]. Известна также мысль В.Н. Топорова о том, что «вещи создают пространство» [Топоров, 1983, с. 238]. Поэтому мы рассматриваем образ «дома» как художественное пространство с особым смыслом, раскрывающемся в «вещах», наполняющих это пространство, что важно для понимания мировоззрения автора.

Количество исследований художественного пространства в прозе Н. Байкова немногочисленно. Значительный вклад в его изучение внесла исследователь Е.О. Кириллова [Кириллова, 2016; 2022a; 2022b; 2023], которая сосредоточилась на мифологических пространственных образах кедра, тигра и горы. Е.А. Неживая в своей кандидатской диссертации обратилась к теме «дома» в сборнике очерков «В горах и лесах Маньчжурии» Н.А. Байкова, отмечая, что «образами дома (охотничья избушка, фанза и т.д.)» в очерках представлено «ограниченное, закрытое пространство» [Неживая, 2000, с. 40]. Однако до сих пор анализ пространственного образа дома в сборнике рассказов Николая Байкова «У костра» не проводился, притом, что, на наш взгляд, его семантика значительно расширяется по сравнению с предыдущим творчеством, включая в себя образы кораблей, замков и необитаемых островов.

Рассмотрим образ дома в данном сборнике, основываясь на теории границ Ю.М. Лотмана, рассматривающего дом как точечное пространство (это «теплое», «родное» и «свое» пространство), в котором границы играют важную роль: «понятие границы отделяет пространство как определенный континуум от конкретного его заполнения» [Лотман, 1997, с. 623]. В центре нашего внимания находится именно пространственный образ дома. Как отметил Ван Айцзюнь, для того, «чтобы жизнь и мышление произведения проявились в полной мере, в первую очередь необходимо создать общий образ» [Ван Айцзюнь, 2010, с. 67]. Художественный образ создается уникальной эмоциональной деятельностью автора в процессе творчества, что наполняет его особым смыслом. Образ в художественном произведении символичен, имплицитен, суггестивен, загадочен, и так далее. Как пишет Цянь Лицзюнь, «скрытый смысл каждого образа может быть постигнут только разнонаправленно» [Цянь Лицзюнь, 1988, с. 282]. «Дом» в творчестве Байкова – это символический образ пространства.

Обратимся к рассказам, в которых образ дома является смыслообразующим и рассмотрим его реализацию на разных уровнях пространства. В рассказах сборника «У костра» автор представляет образ «дома», в первую очередь, как место, где человек может чувствовать себя уютно, несмотря на внешние обстоятельства. Гимн совместного времяпрепровождения, описанный в рассказе «Встреча Нового года», явно демонстрирует эту мысль: «Несмотря на сильный мороз, мы чувствовали себя прекрасно и расположились у ярко пылавшего костра, как у себя дома» [Байков, 1939, с. 72]. Здесь образ дома формируется не только физически, но и эмоционально: тепло костра создает атмосферу уюта и защищенности. Рассказ «Встреча Нового года» повествует о том, как герои (герой-рассказчик и его друг Александр Пяновский) охотились в тайге в преддверии Нового года. Новый год должен стать временем воссоединения семьи, но герои блуждают по опасному таежному пространству, которое подчеркивает важность уютного убежища – дома. Костер, разжигаемый героями, дает свет и тепло, и пространство, освещенное и согретое огнем, становится метафорой дома, в отличие от темного и холодного пространства «снаружи», которое отделено границей между тьмой и

светом. Фраза о приятеле, спавшем «младенческим сном» [Байков, 1939, с. 73] также отражает тепло и уют дома. Для героев ограниченное пространство, освещенное огнем, является «своим» и защищенным, в то время как за пределами огня располагается пространство «чужое», означающее хаос, опасность и неопределенность, поскольку снаружи часто слышен рев диких зверей. Как говорит В.Н. Топоров, «вещи не только конституируют пространство через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение» [Топоров, 1983, с. 239]. Пространство дома в рассказе «Встреча Нового года» сочетает в себе гармонию (где герой чувствует тепло и счастье) и ценностно-смысловое наполнение (предметы имеют ценность для героя).

Костер – символ цивилизации и помощник охотника в лесу, он может спасти от нападения свирепых зверей и обеспечить охотников пищей, согреть, уменьшить страх и дать надежду; у костра герои могут на время забыть об опасностях внешнего мира, о своей бездомности и обрести внутренний покой и чувство причастности общей жизни. Это свойство дома – обеспечивать комфорт и согревать – расширяется на все жизненное пространство, даже если оно временное и природное.

Важной деталью в этом контексте является указание на совместное времяпрепровождение: «Со мной был мой друг и сослуживец...» [Байков, 1939, с. 72]. Сплочение двух людей в трудную пору — это то, что создает ощущение дома. Дом в таком случае становится символом социальных связей и дружбы, он выполняет функцию сбора, объединяя разных людей как социальное пространство.

Напротив, «дом» в рассказе «На палубе парохода» воспринимается как неизбежная судьба, даже как символ трагедии. В данном рассказе герой-рассказчик описывает, как в 1922 году, когда правительство Великобритании высылало русских эмигрантов из Индии и Месопотамии на Дальний Восток, он встретился с офицером корабля «Франц Фердинанд» и выслушал его рассказ о перенесенной им трагедии, случившейся с ним в начале революции в Харькове. Первый дом, который мы видим, представлен в образе парохода «Франц Фердинанд», воплощающего собой замкнутое и узкое пространство, в котором очень жарко и душно («чем ближе мы подходили к экватору, тем жарче становился воздух и сильнее аромат цветущих берегов тропической Азии» [Байков, 1939, с. 84]), отчего человек чувствует себя все более и более неуютно. Герои переживают не только физические страдания, но и духовные. Русские эмигранты покидают знакомые места и отправляются, по сути, в неизвестность. Узость корабля и широкие водные просторы образуют семантический контраст, выражая растерянность людей перед будущим.

Корабль в данном рассказе – это пространство движения, символ нестабильности дома и бескорневости жизни мигрантов, а также метафора границы, отражающая противостояние двух культур, европейской и азиатской. Сойти на берег или покинуть дом означает попасть в другую культурную среду, что подразумевает пересечение культурных пространств. Это пересечение возможно для типа героев, определяемого Ю. Лотманом героем «степи», в развитии которого «... подразумевается свободная непредсказуемость направления движения» [Лотман, 1997, с. 626]. По словам ученого, такой герой может «переходить границы, непреодолимые для других, но не существующие в их пространстве» [Лотман, 1997, с. 626]. Человек оказывается в переломной точке «бытия», в ситуации «или-или», «между жизнью и смертью». Как отмечает В.Н. Топоров, «выход в новое пространство

связан с чувством страха или неуверенности как некоей отрицательной эмоции. Новое пространство неизвестно человеку...» [Топоров, 1983, с. 250].

Русская революция лишила людей их дома, заставила их мигрировать, переходить из «своего» пространства в «чужое» и даже становиться странниками, то есть *бездомными*. Именно в этом «чужом» пространстве офицер рассказывает о трагических событиях, случившихся с ним и его семьей в годы революции. Он вспоминает о смерти оскорбленной жены, о трех мужчинах, которых он убил из своего пистолета, о переломе левой руки, о вступлении в Добровольческую армию и об убийстве в гневе матроса, оскорбившего его жену, – все это связано со смертью, которая стала основным содержанием жизни России эпохи революции. Данный рассказ обращает читателя во внутреннее пространство героя, который вспоминает утраченный им дом – Россию, и образ дома обретает смысл утраченного Рая, который воскрешается исполнением плывущими на корабле в «чужом» пространстве Индийского океана русскими эмигрантами национального гимна «Боже, Царя храни». При этом внутреннее пространство героя – офицера – оказывается наполненным чувством мести, которое определяет вектор его движения к России для осуществления этой мести. Дом утерян и вернуть его невозможно, трагедия в сознании и в сердце героя неразрешима, что подчеркивается также контрастом окружающего корабль пространством теплого моря, которое «искрилось голубоватым светом и дышало неведомыми ароматами тропиков» [Байков, 1939, с. 83].

Дом в рассказе «Клятва Гассана» воплощается в образе Метехского замка. Это грузинское оборонительное и культовое сооружение, олицетворяющее стремление грузинского народа к вере и свободе и являющееся символом независимости нации. Автор помещает читателя в историческое пространство, связанное с историческими и политическими событиями: «Когда-то, в средние века это была неприступная крепость, воздвигнутая в героическую эпоху борьбы христианской Грузии с мусульманским Востоком. После присоединения Грузии к России эта крепость потеряла свое значение и превращена была в пересыльную тюрьму» [Байков, 1939, с. 113]. Но при этом главным автор делает нравственный аспект, что выражается в сюжетных отношениях между героем-рассказчиком – русским офицером и лезгином Гассаном, осужденным «в вечную каторгу за убийство семи человек, по адату кровавой мести» [Байков. 1939, с. 114]. Важно отметить, что семантика пространства тюрьмы, в котором совершается действие, освящается включением его в духовное пространство христианства: событие происходит «в сочельник Рождественской ночи» [Байков. 1939, с. 114]. И это делает сюжет рождественским, когда действуют духовные законы рождественских чудес, проявляющиеся во внутреннем преображении человека и проявлении им христианского милосердия. Острота сюжета заключается во встрече двух разных вер и духовных законов. В рассказе «Клятва Гассана» Гассан, заключенный в тюрьму, которого ждет ссылка в Сибирь, назван «вольным сыном Кавказа». Он действует в соответствии с «адатом», верит в ислам и является одновременно противником угнетения и носителем насилия. В тексте читаем: «Я не разбойник с большой дороги! Я убил врагов моего брата и его убийц! Если б я не убил их, то позор пал бы на голову мою и моего отца» [Байков, 1939, с. 115]. В глазах отца Гассана это было не преступление, а «святая месть», но по закону Российской империи за это убийство он был заключен в тюрьму и приговорен к вечному рабству. Метехский замок не является свободным пространством для Гассана, замкнутость пространства угнетает героя. Мы видим кавказца, который на чистом русском языке умоляет русского офицера навестить его отца. И чудо заключается в том, что, в

нарушение всех военных законов, с риском для своей карьеры и всего своего будущего, русский офицер под «честное слово», данное Гассаном о своем возвращении к утру, отпускает его из тюрьмы для встречи с отцом. Мы видим разрешение нравственного конфликта, понимание героями правоты каждого: Гассан и его отец принимают и соглашаются с правотой действующих юридических законов Российской империи, не убегая от наказания, а герой-рассказчик, воплощающий в себе власть, проявляет истинное милосердие и уважение к людям, действующим по своим законам чести, за что и получает от отца Гассана в знак благодарности древний кинжал. В тексте автор описывает путешествие Гассана из тюрьмы в город, чтобы навестить отца, что является временным переходом из пространства «чужого» в пространство «свое», но очень короткое, длящееся всего пять часов. Конечно, название героя «сыном свободы» находится в смысловой оппозиции к теме заточения в «тюрьме», в которой «дом» теряет тепло и безопасность и становится символом несвободы, что является выражением оппозиции между *родным* и *чужим*. Дальнейшее отбывание наказания в холодной и далекой Сибири означает начало страданий, а тюрьма становится отправной точкой трагической жизни Гассана. И все же трагизм ситуации преодолевается духовной победой высших ценностей и для Гассана, и для рассказчика, что выражено в его словах благодарности за кинжал: «Передай отцу Гассана... что мой поступок не заслуживает похвалы, а порицания, но что я не сожалею об этом и рад, что отец имел возможность благословить сына и дать ему последний отцовский поцелуй. Очень благодарю за столь ценный подарок и буду хранить его как память о бедном Гассане, пожертвовавшем собой для спасения чести семьи и всего рода!» [Байков, 1939, с. 122].

В отличие от рассказа «Клятва Гассана», в рассказе «Тайна бутылки» представлен образ дома в топосе тюрьмы, который дан уже в положительном смысловом значении. И также здесь решается автором тема эмиграции и осмысливается утрата героем дома – России. В рассказе «Тайна бутылки» главный герой (Александр Сергеевич Скальский), оказавшийся на необитаемом острове, без еды, страдающий от голода, болезни, утраты иллюзий, пишет в своем дневнике: «Но все же, если бы мне предложили вернуться в СССР, в лапы ГПУ, я отказался бы. Здесь тюрьма и одиночное заключение, а там настоящий ад для души и тела. Предпочитаю тюрьму на свободном острове» [Байков, 1939, с. 216].

В XX веке русская интеллигенция, представители разных слоев населения, подвергались преследованиям за инакомыслие, и образ тюрьмы проецировался на русских беженцев, поскольку многие из них были вынуждены отправиться в изгнание или эмигрировать в другие страны в поисках свободы и лучшей жизни. Александр Сергеевич Скальский был русским беженцем из «советского рая». Ему пятьдесят лет и он живет на необитаемом острове в суровых условиях выживания, жизнь на необитаемом острове очень трудна для него. В тексте показано психологическое пространство героя, которое раскрывается «изнутри», так как используется форма дневника, позволяющая герою вести повествование от первого лица. Главным для него является мотив свободы и человеческого достоинства, которое жестоко попиралось в условиях жизни в СССР. После революции для многих Родина перестала быть таковой, она стала «чужим» и враждебным пространством, нацеленным на уничтожение личности. И герой рассказа, сопоставляя жизнь в СССР с жизнью на необитаемом острове, в пространстве которого также кроется смерть для него, все же выбирает именно необитаемый остров: «мы не сожалеем, что уехали из СССР! Здесь, по крайней мере, мы чувствуем свободу, и никто не давит нашу душу. Если даже нам суждено

здесь умереть, мы не сожалеем, т.к. предпочитаем смерть свободную и естественную, на лоне прекрасной природы, а не под вонючим и грязным сапогом коммуниста» [Байков, 1939, с. 211]. Таким образом, пространство СССР и пространство необитаемого острова характеризует отсутствие свободы, причем первое сравнивается с «адам». В данном случае автор явно иронизирует, поскольку «Ад» здесь представляет контраст с «советским раем» [Байков, 1939, с. 209] о котором говорится в рассказе «Тайна бутылки». В христианском религиозном контексте «ад» – это обитель дьявола, где души грешников будут мучиться вечно. Так и в СССР герой для советской власти был преступником и рабом, не имевшим свободы и человеческого достоинства, в то время как на необитаемом острове, где так же, как и в ставшей для героя «чужой» стране, перед ним близко стоит смерть, душа его ощущает свободу: «Я здесь свободен, хотя может быть, и погибну, но погибну не рабом, а человеком вольным» [Байков, 1939, с. 213].

«Свобода», о которой идет речь в рассказе, подразумевает свободу в пространстве души. Как утверждает В.Н. Топоров, «...свободу обретают внутри себя, через серию последовательных ограничений, повторных возвращений к своему Я — в том локусе, где свобода и необходимость лишь ипостаси друг друга...». [Топоров, 1983, с. 240].

Можно утверждать, что «остров свободы» в данном рассказе означает лишь физическую несвободу и изоляцию от внешнего мира, но он становится убежищем для души беженца, сохранившего внутреннюю свободу. В этом контексте «свое» пространство дома реализуется только на внутреннем плане образа героя и связано с чувством внутренней свободы. СССР для героя является «чужим», враждебным пространством, семантика которого определяется понятием тюрьмы как несвободы внешней и внутренней.

Итак, подводя итоги проведенному анализу ряда рассказов из сборника Н. Байкова «У костра», отметим следующее. Образ дома реализуется в разных топосах: корабля, острова, тюрьмы, океана, России, СССР. При этом реализуется он на двух уровнях – *внешнем*, выраженном в пространственных категориях – океана, острова, различных стран, и т.д., и *внутреннем*, в пространстве души героя, в его переживаниях, психологии, духовном состоянии. Ключевой темой рассказов является тема эмиграции, с которой связана утрата героями дома – Родины. И эта тема пронизывает оба пространства – внешнее и внутреннее, соединяя их в пространстве авторского сознания. Конечно, главной в авторском осмыслении «дома» становится оппозиция «свое» / «чужое», которая решается трагически, поскольку вынужденная эмиграция говорит не только об утрате дома-Родины, но и о том, что «свое» пространство – Россия – перестает существовать, трансформируясь в СССР, в пространство «чужое» и враждебное. Своеобразием семантики пространства дома является определяющее его содержание понятие свободы, причем, не внешней, но внутренней. И тогда образ *тюрьмы* на острове может нести в себе коннотацию «своего» пространства, пусть временного, но дома, поскольку сохраняет для героя возможность быть свободным. Являясь ограниченным пространством, символом несвободы тела, тюрьма становится метафорой свободы духа. А дом становится категорией сугубо внутренней, поскольку русские герои рассказов Байкова внешне являются бездомными, неся в себе боль и любовь к ушедшей России.

Список источников / References

1. Байков, Н.А. (1939). У костра. М.: Наше знание.

Дорофеева Л.Г., Гу Л. (2025)
Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра»
Язык и текст, 12(2), 106—115.

Dorofeeva L.G., Gu L. (2025)
The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire»
Language and Text, 12(2), 106—115.

Baykov, N.A. (1939). By the fire. Moscow: Our Knowledge. (In Russ.)

2. Бахтин, М.М. (1975). Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Худож. лит.».

Bakhtin, M.M. (1975). Questions of literature and aesthetics. Studies of different years. Moscow: Artist. lit. (In Russ.)

3. Ван Айцзюнь. (2010). Дилемма и трансцендентность: о нарративе природных образов в современной китайской художественной литературе. Журнал Академии искусств Народно-освободительной армии, 4, 67–72.

Wang Aijun. (2010). Dilemma and transcendence: on the narrative of natural images in contemporary Chinese artistic literature. Journal of the Academy of Arts of the People's Liberation Army, 4, 67-72. (In Chinese)

4. Ким Рехо. (1996). Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). М.: Гуманит.

Kim Reho. (1996). Literary Encyclopaedia of the Russian foreign countries (1918-1940). Moscow: Gumanit. (In Russ.)

5. Кириллова, Е.О. (2016). Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н. А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева. Вестник Череповецкого государственного университета, 4 (73), 92–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26223821>

Kirillova, E.O. (2016). Creativity of the writer of the Far Eastern emigration N. A. Baykov as an example of cultural interaction in transboundary conditions. Regional image of the sacred tree. Vestnik of Cherepovets State University, 4 (73), 92–98. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26223821>

6. Кириллова, Е.О. (2022a). Духовно-ценностная концепция Ориента в художественных произведениях Н. А. Байкова: китайские и тунгусо-маньчжурские мифологические представления о тигре. Мир науки, культуры, образования, 2 (93), 454–462. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48407037>

Kirillova, E.O. (2022a). Spiritual and value concept of Orient in the artistic works of N. A. Baykov: Chinese and Tunguso-Manchurian mythological representations of the tiger. World of Science, Culture, Education, 2 (93), 454–462. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48407037>

7. Кириллова, Е.О. (2022b). Этнография Ориента в произведениях Н. А. Байкова на примере зооморфных образов, священных локусов и мифохронотопа (к проблеме сохранения традиций в контексте миграционных процессов Дальнего Востока России). Филологические науки. Вопросы теории и практики, 6, 1731–1743. <https://doi.org/10.30853/phil20220341>

Kirillova, E.O. (2022b). Ethnography of Orient in the works of N. A. Baykov on the example of zoomorphic images, sacred loci and mythochronotope (to the problem of preservation of traditions in the context of migration processes of the Russian Far East). Philological Sciences.

Дорофеева Л.Г., Гу Л. (2025)
Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У костра»
Язык и текст, 12(2), 106—115.

Dorofeeva L.G., Gu L. (2025)
The image of «home» in N.A. Baykov's short story collection «By the Fire»
Language and Text, 12(2), 106—115.

- Questions of Theory and Practice, 6, 1731–1743. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30853/phil20220341>
8. Кириллова, Е.О. (2023). Образ владыки-тигра как олицетворение таежного судьи (по произведениям дальневосточного писателя Н.А. Байкова). *Мир науки, культуры, образования*, 2 (99), 363–368. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53698665>
- Kirillova, E.O. (2023). The image of the lord tiger as a personification of the taiga judge (on the works of the Far Eastern writer N.A. Baykov). *The world of science, culture, education*, 2 (99), 363–368. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53698665>
9. Ли Янлин. (2008). Новаторское произведение мировой экологической литературы – «Великий Ван». *Русская литература и искусство*, 02, 81–85.
- Li Yanlin. (2008). A groundbreaking work of world ecology literature – “The Great Wang”. *Russian Literature and Art*, 02, 81-85. (In Chinese).
10. Лотман, Ю.М. (1997). Художественное пространство в прозе Гоголя [Текст]. В: О русской литературе статьи и исследования (1958-1993) (с. 621–712). СПб: Искусство-СПб.
- Lotman, Y.M. (1997). Artistic space in Gogol's novel [Text]. In: *On Russian Literature Articles and Studies (1958-1993)* (pp. 621–712). Saint Petersburg: Art-SPb. (In Russ.).
11. Неживая, Е.А. (2000). Художественный мир Н. А. Байкова: дис. ... канд. филол. наук. Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет.
- Nezhivaya, E.A. (2000). The artistic world of N. A. Baykov: Diss. Cand. Sci. (Philol.). Komsomolsk-on-Amur State Pedagogical University. (In Russ.)
12. Топоров, В.Н. (1983). Пространство и текст. В: Текст: семантика и структура (с. 227–285). СПб: Издательство «НАУКА».
- Toporov, V.N. (1983). Space and text. In: *Text: semantics and structure* (pp. 227–285). Saint Petersburg: Science Publ. (In Russ.).
13. Цянь Лицюнь. (1988). Поиск сердца. М.: Издательство Пекинского университета.
- Qian Liqun. (1988). The search for the heart. Moscow: Peking University Publ. (In Chinese)

Информация об авторах

Людмила Григорьевна Дорофеева, доктор филологических наук, доцент, профессор ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>, e-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Ли Гу, аспирант, ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2939-1496>, e-mail: guli167@yandex.ru

Дорофеева Л.Г., Гу Л. (2025)
Образ «дома» в сборнике рассказов Н.А. Байкова «У
костра»
Язык и текст, 12(2), 106—115.

Dorofeeva L.G., Gu L. (2025)
The image of «home» in N.A. Baykov's short story
collection «By the Fire»
Language and Text, 12(2), 106—115.

Information about the authors

Lyudmila G. Dorofeeva, Doctor in Philology, Associate Professor, Professor, Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>, e-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Лу Гу, PhD student, Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2939-1496>, e-mail: guli167@yandex.ru

Вклад авторов

Дорофеева Л.Г. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Гу Л. — применение статистических, литературоведческих или других методов для анализа данных; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Lyudmila G. Dorofeeva — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Li Gu — application of statistical, literary or other methods for data analysis; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 29.04.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.04.29
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.
PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**К вопросу о междисциплинарном подходе к исследованию об
эмоциональности в звучащей речи**

Л.В. Величкова✉, О.В. Киршинова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

✉ luvel1@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Эмоциональность является на данном этапе развития гуманитарных наук одним из самых актуальных объектов исследований. Данные областей, активно исследующих эмоциональность, не интегрированы в единый механизм анализа звучащей речи. В работе проводится анализ научных источников с позиции физиологической и психологической обусловленности появления эмоции в речи с опорой на работы ведущих отечественных исследователей в области физиологии, теории речевой деятельности. **Проблема.** Разобщенность данных исследований эмоциональности и средств ее выражения в речи с позиций различных дисциплин. **Цель.** Описать стратегию междисциплинарного подхода при исследовании эмоциональности в речи. **Методы и материалы.** На основании изучения данных физиологии, психологии, психолингвистики и лингвистики сделан вывод о единицах речи, реагирующих на состояние говорящего человека. В качестве такой единицы принята ритмическая группа, выделяемая в ходе психолингвистического анализа на восприятие речи. Для характеристики ритмических параметров речи необходимо определение ритмической единицы (ритмической группы / РГ) по набору признаков: величина ритмической группы в слогах, место ударного слога, характер ударения, характер отношений между ударными и безударными слогами. Экспериментальным материалом послужили обрядовые песни на двух языках – русском и немецком. Ритмические параметры сигнализируют об общем эмоциональном напряжении речи. Для спокойной (ненапряженной) русской речи характерно равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2–3 слога. В менее напряженной речи ударность, как правило, приходится на слоги, стоящие в середине фразы, а кульминационное ударение стоит на

последнем слоге. Нарушение этих закономерностей создает впечатление раздражения, угрозы и иных негативных впечатлений. В немецкой речи частота ударных слогов, превосходящая средние показатели, сигнализирует о повышении эмоционального напряжения и в целом о негативном характере этого напряжения. Эти акцентные показатели разрушают ритмическую канву привычной, «нейтральной» речи и этим создают некое беспокойное, отрицательное напряжение. В строке протяженностью от 5 до 7 слогов низкая степень напряженности передается положением ударностей в начале и в конце строфы. **Результаты.** Во всех текстах прослеживается напряжение, обусловленное изменением эмоционального напряжения, обнаруживая в формальных признаках национально-специфические признаки. **Выводы.** Данные междисциплинарного характера позволяют разработать механизм анализа звучащей речи для определения эмоционального напряжения говорящего.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, теория речевой деятельности, соотношение междисциплинарных данных, звучащая речь, механизмы речи

Для цитирования: Величкова, Л.В., Киршинова, О.В. (2025). К вопросу о междисциплинарном подходе к исследованию об эмоциональности в звучащей речи. *Язык и текст*, 12(2), 116—126. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120211>

Towards an interdisciplinary approach to the study of emotionality in audible speech

L.V. Velichkova✉, O.V. Kirshinova

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

✉ luvel1@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Emotionality is one of the most relevant subjects of research at this stage of development in the humanities. Data from areas actively researching emotionality are not integrated into a single mechanism for analyzing spoken language. This paper analyses scientific sources from the perspective of the physiological and psychological determinants of the emergence of emotion in speech, based on the work of leading Russian researchers in the field of physiology and speech activity theory. **Problem.** The fragmentation of research on emotionality and the means of its expression in speech from the perspective of different disciplines. **Objective.** To describe a strategy for an interdisciplinary approach to the study of emotionality in speech. **Methods and materials.** Based on the study of data from physiology, psychology, psycholinguistics, and linguistics, a conclusion is made about the units of speech that respond to the state of the speaker. Such a unit is taken to be a rhythmic group identified in the course of psycholinguistic analysis of speech perception. To characterize the rhythmic parameters of speech, it is necessary to define the rhythmic unit (rhythmic group / RG) based on a set of characteristics:

the size of the rhythmic group in syllables, the position of the stressed syllable, the nature of the stress, and the nature of the relationship between stressed and unstressed syllables. The experimental material consisted of ritual songs in two languages – Russian and German. Rhythmic parameters signal the overall emotional tension of speech. Calm (unemotional) Russian speech is characterized by an even distribution of stressed syllables with a distance of 2-3 syllables. In less tense speech, stress usually falls on syllables in the middle of a phrase, with the culminating stress on the last syllable. Violation of these patterns creates an impression of irritation, threat, and other negative impressions. In German speech, the frequency of stressed syllables exceeding the average indicates an increase in emotional tension and, in general, the negative nature of this tension. These accent indicators disrupt the rhythmic pattern of familiar, ‘neutral’ speech and thus create a kind of restless, negative tension. In lines ranging from 5 to 7 syllables, a low degree of tension is conveyed by the position of stresses at the beginning and end of the stanza. **Results.** In all texts, tension caused by changes in emotional tension can be traced, revealing nationally specific features in formal characteristics. **Conclusions.** These interdisciplinary data allow us to develop a mechanism for analyzing spoken speech to determine the emotional tension of the speaker.

Keywords: interdisciplinary approach, speech activity theory, correlation of interdisciplinary data, audible speech, speech mechanisms

For citation: Velichkova, L.V., Kirshinova, O.V. (2025). Towards an interdisciplinary approach to the study of emotionality in audible speech. *Language and Text*, 12(2), 116—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120211>

Введение

Эмоциональность является на данном этапе развития гуманитарных наук одним из самых актуальных объектов исследований, при этом преобладает установка на междисциплинарный подход к изучению этого явления. Тем не менее, обширное количество работ не привело до настоящего времени к формированию единой теории эмоциональности. Это связано с тем, что объединение информации из различных областей только ставит вопрос об их интеграции с целью выработки единого механизма исследования. Исходной позицией для настоящего рассмотрения является исследование эмоциональности в языкознании. Если рассматривать лингвистические методы анализа, то следует обратиться к словарному запасу языка и представленности в нем эмоционально окрашенной лексики. На основе европейских языков представлена обширная литература в этом направлении. Психологический и психолингвистический подход к анализу на этом уровне языка представлен в ряде работ [Шаховский, 2008; Воркачев, 2001; Бабенко, 1990; Галунов, 1976 и др.]. В качестве материала используется письменная речь, тексты художественной литературы. Звучащая речь, то есть материальная сторона языка, редко является объектом исследования. Это обусловлено тем, что лингвистика за долгий период своего развития выработала методы исследования языка, основанные на анализе письменных текстов и их элементов. Вопрос о задачах языкознания сегодня и о возможности реализовать междисциплинарный подход к исследованию эмоциональности в языке ставится еще в

работах Н.И. Жинкина, одного из основателей теории речевой деятельности. «Языкознание во всех аспектах — фонетическом, лексическом и грамматическом, — физиология в части проблем, связанных с деятельностью второй сигнальной системы, физика в разделе акустики, логика и, наконец, психология, — каждая из этих областей знания, идя своими путями и дорогами и решая свои особые специальные задачи, имеет в виду все тот же общий для всех этих дисциплин *речевой процесс*» [Жинкин, 1958, с. 13] (Курсив наш — Л.В., О.К.). В этом высказывании Н.И. Жинкина отражен спектр наук, которые сегодня участвуют в процессе исследования эмоциональности в речи.

Актуальность представленной темы обусловлена обращением к способам реализации междисциплинарного подхода к исследованию параметров звучащей речи.

Проблема рассматриваемой нами темы заключается в разобщенности данных исследований эмоциональности и средств ее выражения в речи с позиций различных дисциплин.

Цель исследования — описать стратегию междисциплинарного подхода при исследовании эмоциональности в речи.

Соотнесение данных теории речевой деятельности, психолингвистики и лингвистики в целях формирования комплексного подхода к исследованию эмоциональности речи

Как было упомянуто ранее, несмотря на то, что каждая из смежных гуманитарных областей развивается по своему пути и решает собственные задачи, все они анализируют *речевой процесс*, который является для них общим объектом изучения. Об этом упоминал Н.И. Жинкин [Жинкин, 1958, с. 13]. Язык возникает из речи как индивидуально-психологический процесс. Психология в таком случае становится объяснительной наукой по отношению к языкознанию. Именно из таких позиций исходили известные отечественные и зарубежные языковеды Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Г. Пауль, В. Вундт и другие. Изучение механизма речи невозможно, если не преодолеть разобщенности смежных дисциплин. Вместе с тем на пути сближения дисциплин возникают трудности изложения материала.

Начало подхода к исследованию речевых процессов положила теория речевой деятельности, основанная на трудах известных отечественных психологов, языковедов А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина. Эта теория создала научную базу для возникновения психолингвистики, которая в отечественной науке представлена в первую очередь А.А. Леонтьевым. Теория речевой деятельности возникла на базе общей теории деятельности, основным положением которой является отношение субъекта и объекта. Субъект деятельности преобразует окружающий мир в соответствии со своими целями и потребностями. Любая деятельность человека представляет собой часть общественной деятельности, то есть деятельности субъекта, направленную на субъект, и она происходит в процессе общения. Такое понимание речевой деятельности может служить рассмотрению и решению ряда актуальных задач психолингвистики и языкознания в целом. Мы попытаемся рассмотреть задачи исследования эмоциональности в речи на основе теории речевой деятельности, которая сама по себе включает данные физиологии и процессов центральной нервной системы. Таким образом, принципы междисциплинарного подхода к исследованию

эмоциональности в речи мы обнаруживаем при изучении трудов ученых-основателей теории речевой деятельности и предшествующих ее появлению отечественных ученых.

Н.И. Жинкин ссылается при изложении своих взглядов на речевую деятельность человека, на исследования И.П. Павлова, говоря, что задача этого ученого состояла в том, чтобы исследовать не какой-либо специализированный вид деятельности, а общие законы высшей нервной деятельности, вне зависимости от каких-либо конкретных ее форм [Жинкин, 1958, с. 19]. Посредством словесного сообщения могут быть перестроены как механизмы приема сигналов речи, так и регулировка всяческих других действий. Кроме того, речь можно рассматривать как чисто акустическое явление, просто как звукоряд, независимо от функции обозначения. Какой бы звук ни возникал — природный, речевой, или искусственный, — он обладает достаточно точно определенными признаками, учет которых позволяет сохранить эти признаки при переводе одного вида энергии в другую [Жинкин, 1958, с. 84].

По мнению И.М. Сеченова, основоположника российской физиологии и естественно-научного подхода в психологии, все психические процессы человека проявляются через видимые действия. Он утверждал, что «любые внешние проявления работы мозга, по сути, сводятся к мышечным движениям».

И.М. Сеченов пояснял, что такие качества, как *одушевленность, страсть, ирония, грусть, веселье* и другие, являются ничем иным, как следствием сокращения различных групп мышц. Это сокращение, как известно, является чисто механическим процессом. Таким образом, психическая деятельность выражается через физиологические реакции, а именно через сокращение мышц [Сеченов, 1942, с. 36].

«Психический акт не может явиться в сознании без внешнего чувственного возбуждения (курсив наш — Л.В., О.К.). Стало быть, и мысль подчиняется этому закону.

Мысль считается причиной поступка. Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем *чувственном возбуждении*, потому что без него никакая мысль невозможна [Сеченов, 1942, с. 38].

Подобно тому, как человек приобретает навык объединения движений посредством многократно повторяющихся условных рефлексов, он также (тем же рефлекторным путем) обретает способность сдерживать их. Как следствие, возникает огромное множество ситуаций, в которых психическая деятельность остается невыраженной внешне, проявляясь в форме мысли, намерения, желания и так далее.

Из приведенных положений в работах известных физиологов для нас первостепенную важность представляют данные о физиологической основе всех эмоциональных процессов в психической деятельности человека, более того, в процессах его мыслительной деятельности. И это касается тех, наблюдаемых в процессе коммуникации явлений, когда человек пытается сдерживать эмоциональные состояния.

Е.Н. Винарская, анализируя с позиций нейролингвистики современное состояние исследования эмоциональности, констатирует отсутствие концепции эмоций, «убедительной в равной мере для различных областей науки». По этому поводу Е.Н. Винарская пишет: «Имеющиеся концепции построены в одностороннем ключе, вне связи с данными физиологии, психологии, закономерностями познавательной деятельности личности и моделями порождения речи. Одностороннее преимущественно психологическое или преимущественно физиологическое рассмотрение проблемы эмоций, конечно, создает

известные предпосылки для разработки теории, но само по себе еще не ведет к ней» [Винарская, 2003, с. 12]. Необходимая теория эмоций должна содержать в себе и физиологический, и психологический аспект проблемы. Вопрос о классификации эмоций, зависящий от позиции рассмотрения, может быть, по мнению Е.Н. Винарской, решен только в рамках синтетической психофизиологической теории эмоций. В самой лингвистике нельзя найти фактов для построения такой теории. Язык представляет средства для передачи эмоциональных состояний человека, при этом важно помнить, что «познавательный аспект отражения неотделим от ценностного» [Винарская, 2003, с. 7].

Параметры звучащей речи в функции передачи эмоционального состояния говорящего

Из рассмотрения физиологической и психической основы порождения эмоциональности мы делаем вывод о первичном характере проявления эмоциональности в наличии признаков напряженности в параметрах речи, на которые накладывается определенная эмоциональность. Согласно концепции Е.Н. Винарской, стадии или зоны эмоциональной напряженности различны по интенсивности проявления.

Согласно данным Малой медицинской энциклопедии [Малая медицинская энциклопедия], эмоциональное напряжение определяется как состояние чрезмерной мобилизации физиологических функций организма (и, в первую очередь, нервной системы), возникающее в условиях решения трудной задачи или в опасной ситуации. Рассматривая это понятие в лингвистическом контексте, мы приходим к выводу о наличии определенной степени напряжения в речи говорящего в зависимости от ситуативной обусловленности [Stock, Veličkova, 2002, s. 172]. При восприятии звучащей речи о ее экспрессивности прежде всего, сигнализируют формальные средства звучащей речи. Эти средства соотносятся с семантическим наполнением фразы и сигнализируют о степени напряженности речи. Эмоциональная напряженность по степени проявления и характеру эмоции может совпадать или не совпадать с лексическим наполнением фразы. Состояние эмоциональной напряженности передается комплексом формальных признаков звучащей речи на уровне темпа, ритмических параметров, пауз, мелодических признаков.

Для исследования ритмических параметров нами разработан механизм оценки степени напряженности речи, который основан на данных анализа различных речевых стилей. Данные междисциплинарного подхода позволяют утверждать, что эмоциональное состояние сопровождается определенными физиологическими изменениями и проявлениями. Для определения роли ритмических параметров в выражении напряженности речи обратимся к данным, представленным в монографии «Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen [Stock, Veličkova, 2002]).

Более яркая эмоциональная окраска речи проявляется в увеличении количества ударных слогов и выраженности мелодических характеристик. Экспериментальная работа базируется на концепции комплексного изучения устной речи. Из множества формальных характеристик звучащей речи, таких как темп, ритм, паузы и мелодика, которые служат для выражения эмоционального напряжения, в данном исследовании акцент сделан на ритмические параметры.

Методы и материалы

Для характеристики ритмических параметров речи необходимо определение ритмической единицы (ритмической группы / РГ) по набору признаков. В качестве таких признаков мы выбираем следующие: величина ритмической группы в слогах, место ударного слога, характер ударения, характер отношений между ударными и безударными слогами (количественное и качественное), отношения с единицами других лингвистических уровней. Для анализа мелодических изменений в речи в экспериментальной работе используется понятие «мелодический знак» – характеристика движения мелодики на ударных слогах; различают восходящие и нисходящие мелодические знаки. Этот параметр анализа выходит за рамки настоящей работы, мы упоминаем о нем для объяснения механизма определения характера эмоциональности. В данном рассмотрении речь идет только об определении степени эмоционального напряжения.

Соотношение ритмических единиц и эмоционального напряжения говорящего выражается в русской речи в том, что повышенное напряжение выражено скоплением ударных слогов или начальной и конечной позицией ударного слога. Безударные слоги в начальной и/или конечной позиции смягчают напряжение.

Текстами, которые органично выражают разные степени напряженности и делают это наиболее отчетливо, являются обрядовые песни, сопровождающие процессы жизни народа. Обрядовые песни характерны совместной рецитацией, в них ярко и динамично выражена эмоциональность. Для данного рассмотрения мы приводим образцы обрядовых песен из сборника «Жили-были...» [Шаповалова, Лаврентьева, 1998, с. 44].

Жаворонушки	x x X x x
На соломушке	x x X x x
Прилетите к нам	x x X x x
Принесите нам	x x X x x
Лето теплое	x x X x x
Соху, борону,	x x X x x
Унесите от нас	x x X x x x
Зиму холодную	x x x X x x
Зиму холодную —	x x x X x x
Донце с гребнем	X x X x
Нам зима надоела	x x X x x X x
Весь хлеб поела	X X x X x

Русская речь, когда она звучит непринужденно, отличается равномерным чередованием ударных слогов, расположенных на расстоянии 2-3 слогов друг от друга. При более расслабленной манере говорить, акцент обычно падает на слоги в центре предложения, а наиболее сильное ударение приходится на заключительный слог.

Если же этот порядок нарушается, особенно в сторону увеличения интервалов между ударениями или смещения акцента в начало фразы, это может вызвать ощущение раздражения, угрозы или другие отрицательные эмоции. Иными словами, отклонение от привычного ритма русской речи способно передать негативный оттенок.

В вышеприведенном фрагменте обрядовой песни во второй части эмоциональное напряжение значительно возрастает.

Авторами были проанализированы три различных по содержанию немецкоязычных текста обрядовых песен.

Результаты

Отмечается, что во всех текстах прослеживается напряжение, обусловленное, однако, неодинаковым эмоциональным наполнением данных строк. Так, в тексте «Hagsche» преобладает растущий отрицательный эмоциональный настрой, текст «Martini» коннотирован положительно, эмоции постепенно возрастают, в то время как настроение текста «Johannisdag» характеризуется как неизменно позитивное. Мы приводим текст небольшой обрядовой части «Hagsche» с значительно выраженной эмоциональной напряженностью.

Nun ruhen alle Wälder	x X x x x X x
ole Hagsche sitt in'n Kelder	x x X x x x X x
sitt opp ain Bund Stro,	X x x x X
dat Stro fänget an te brennen,	x X x x x x X x
wat kann de Hagsche rennen.	x X x X x X x

Переложение на современный немецкий язык:

*Nun ruhen alle Wälder,
 Alt-Hagsche sitzt im Kelder (in der Scheune)
 sitzt auf einem Bund Stroh,
 das Stroh fängt an zu brennen,
 was kann die Hagsche rennen.*

В ситуации функционирования многочисленных диалектов возникновение обрядовых песен на немецком языке, общем для населения на территории Германии не было возможным. Приведенная обрядовая песня входит в сборник диалектального фольклора [Hansen, A. 1964]: *Holzland – ostfälisches Wörterbuch, besonders der Mundarten von Eilsleben und Klein Wanzleben*. Данные нашего анализа основаны на информации, полученной от дипломированного германиста, владеющего северными диалектами Германии, Гизелы Шток.

В строке протяженностью от 5 до 7 слогов низкая степень напряженности передается положением ударностей в начале и в конце строфы. Напряженность (последняя строфа) передается группировкой нескольких ударностей и сокращением дистанции между ними.

Выводы

В целом, относительно немецкого языка можно утверждать, что более высокая, чем обычно, частота ударных слогов является индикатором возрастающего эмоционального напряжения, которое чаще всего носит негативный характер. Подобные акцентуации нарушают привычный ритм «нейтральной» речи, вызывая ощущение беспокойства и отрицательное напряжение.

Изучение звучащей речи в интервью, спонтанных высказываниях и других форматах подтверждает возможность отслеживания и анализа изменений в физическом и психическом состоянии человека, лежащих в основе эмоционального напряжения, проявляющегося в конкретных эмоциях.

Список источников / References

1. Бабенко, Л.Г. (1990). Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Свердловск.
Babenko, L.G. (1990). Russian emotive vocabulary as a functional system: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Philology). Ural State University named after A.M. Gorky. Sverdlovsk (In Russ.).
2. Винарская, Е.Н. (1987). Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. Москва.
Vinarskaya, E.N. (1987). Early speech development of a child and problems of defectology. Moscow (In Russ.)
3. Винарская, Е.Н. (2003). Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Воронеж: Изд-во ВГУ.
Vinarskaya, E.N. (2003). Expressive means of text (based on Russian poetry). Voronezh: VSU Publ. (In Russ.)
4. Воркачев, С.Г. (2001). Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*, 1, 64-81.
Vorkachev, S.G. (2001). Linguistic culture studies, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 1, 64-81 (In Russ.)
5. Галунов, В.И. (1976). Пути решения проблемы создания систем определения эмоционального состояния говорящего. *Вопросы кибернетики*, 95-114.
Galunov, V.I. (1976). Ways to solve the problem of creating systems for determining the emotional state of the speaker. *Questions of cybernetics*, 95-114 (In Russ.)
6. Жинкин, Н.И. (1958). Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 13-84.
Zhinkin, N.I. (1958). Mechanisms of speech. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 13-84 (In Russ.)
7. Малая медицинская энциклопедия. В 6 т. (1991-1996). М.: Советская энциклопедия.
Small Medical Encyclopaedia. In 6 volumes (1991-1996). Moscow: Soviet Encyclopaedia (In Russ.)
8. Сеченов, И.М. (1942). Рефлексы головного мозга. Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 36-38.

Величкова Л.В., Киришинова О.В. (2025)
К вопросу о междисциплинарном подходе к
исследованию об эмоциональности в звучащей речи
Язык и текст, 12(2), 116—126.

Velichkova L.V., Kirshinova O.V. (2025)
Towards an interdisciplinary approach to the study
of emotionality in audible speech
Language and Text, 12(2), 116—126.

Sechenov, I.M. (1942). Reflexes of the brain. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 36-38 (In Russ.)

9. Шаповалова, Г.Г., Лаврентьева, Л.С. (1998). Жили-были... Русская обрядовая поэзия. СПб.: Блиц.

Shapovalova, G.G., Lavrentieva, L.S. (1998). Once Upon a Time... Russian Ritual Poetry. St. Petersburg: Blitz (In Russ.)

10. Шаховский, В.И. (2008). Лингвистическая теория эмоций. М.

Shakhovsky, V.I. (2008). Linguistic Theory of Emotions. Moscow (In Russ.)

11. Hansen, A. (1964): Holzland-ostfälisches Wörterbuch, besonders der Mundarten von Eilsleben und Klein Wanzleben. Hrsg. von H. Schönfeld. Ummendorf, 99.

12. Stock, E., Veličkova, L.V. (2002). Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt a Main und a.: Peter Lang.

Информация об авторах

Людмила Владимировна Величкова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

Олеся Валерьевна Киришинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>, e-mail: ilse8@yandex.ru

Information about the authors

Lyudmila V. Velichkova, Doctor in Philology, Professor, Department of German Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

Olesya V. Kirshinova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1217-6033>, e-mail: ilse8@yandex.ru

Вклад авторов

Величкова Л.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Киришинова О.В. — проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Величкова Л.В., Киршинова О.В. (2025)
К вопросу о междисциплинарном подходе к
исследованию об эмоциональности в звучащей речи
Язык и текст, 12(2), 116—126.

Velichkova L.V., Kirshinova O.V. (2025)
Towards an interdisciplinary approach to the study
of emotionality in audible speech
Language and Text, 12(2), 116—126.

Contribution of the authors

Lyudmila V. Velichkova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Olesya V. Kirshinova — conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.03.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2025.03.15
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.
PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Особенности формирования лингвострановедческого аспекта при
обучении студентов нелингвистического вуза в дистанционном
формате**

А.В. Гузова✉, Н.В. Савицкая, О.В. Дедова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ guzovaav@mgppu.ru

Резюме

Работа направлена на изучение возможностей дистанционного обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Особое внимание уделяется формированию лингвострановедческого аспекта как необходимого элемента коммуникативной компетенции студентов. В работе изучены сложности, возникающие у преподавателей иностранного языка в процессе работы, которые обусловлены спецификой условий обучения в неязыковом вузе, и представлены возможные пути их решения в формате дистанционного обучения.

Ключевые слова: мотивация, коммуникативная компетенция, лингвострановедческая компетенция, иностранный язык в неязыковом вузе, лингвострановедческий аспект, дистанционное обучение

Для цитирования: Гузова, А.В., Савицкая, Н.В., Дедова, О.В. (2025). Особенности формирования лингвострановедческого аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза в дистанционном формате. *Язык и текст*, 12(2), 127—139. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120212>

**Peculiarities of formation of the linguo-cultural aspect in teaching
students of a non-linguistic university in a distance format**

A.V. Guzova✉, N.V. Savitskaya, O.V. Dedova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ guzovaav@mgppu.ru

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

Abstract

The work is aimed at exploring the possibilities of distance learning of a foreign language for students of non-linguistic universities. Special attention is paid to the formation of the linguistic and cultural aspect as a necessary element of students' communicative competence. The paper examines the difficulties that arise for teachers of a foreign language in the process of work, which are due to the specifics of learning conditions in a non-linguistic university, and presents possible ways to solve them in the distance learning format.

Keywords: motivation, communicative competence, linguo-cultural competence, foreign language in a non-linguistic university, linguistic and cultural aspect, distance learning

For citation: Guzova, A.V., Savitskaya, N.V., Dedova, O.V. (2025). Peculiarities of formation of the linguo-cultural aspect in teaching students of a non-linguistic university in a distance format. *Language and Text*, 12(2), 127—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120212>

Цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе имеют целый ряд особенностей и могут быть разделены на две большие группы: образовательные и воспитательные. Прежде всего, это формирование коммуникативной компетенции на уровне, достаточном для работы в зарубежной или интернациональной компании, способности читать профессионально-ориентированную литературу на иностранном языке, понимать и создавать научные тексты. Кроме того, изучение иностранного языка предполагает и развитие лингвокультурной компетенции, выражающейся в способности понимать и принимать иную культуру, уважать ее особенности на основе глубокого понимания разницы между ценностями, традициями и нормами родной и иноязычной культур.

Все вышеперечисленное гарантирует не только профессиональный успех будущих специалистов, но и их культурную адаптацию в стране изучаемого языка и при общении с его носителями.

Данный факт обуславливает необходимость создания условий для целенаправленного формирования лингвострановедческой компетенции в процессе обучения дисциплине «Иностранный язык». Рассматриваемая компетенция является необходимым элементом коммуникативной компетенции, отражающим прагматический уровень языковой личности.

Это возможно за счет внедрения в процесс преподавания иностранного языка страноведческого аспекта, совмещающего в себе как лингвистические задачи, так и задачи культурологического характера. К первым можно отнести владение лексико-грамматической стороной иноязычной речи, способность понимать аутентичные материалы как профессиональной, так и общекультурной направленности, готовность вступать в диалог на иностранном языке на различные темы повседневной и профессиональной жизни, умение делать доклады, презентации и научные статьи в профессиональной сфере.

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

К задачам культурологического характера относится, прежде всего, владение речевым этикетом, принятым в стране изучаемого языка, знание норм поведения в различных ситуациях общения, особенностей культуры и менталитета.

Несмотря на то что непосредственно лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков стал изучаться относительно недавно, методологические основы изучения взаимосвязи языка и культуры можно проследить в работах таких выдающихся ученых как В. Гумбольдт, Э. Сепир, А.А. Потебня, Б. Уорф.

Одними из первых познакомить студентов с основными чертами культуры страны изучаемого языка попытались в начале XX века А.Д. Швейцер и Э. Симонет. Согласно работам Р. Ладо и Ч. Фриза, знание культуры является не только элементом общего образования студента в процессе изучения иностранного языка, но и создает условия для более успешной коммуникации, поскольку в таком случае создается атмосфера, схожая с той, которая характерна для взаимодействия носителей языка.

В российской науке вопросы лингвострановедения освещались в работах В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, В.А. Масловой, В.П. Фурмановой, Г.Д. Томахина.

Особенности формирования лингвострановедческой компетенции в процессе обучения иностранным языкам рассматривались в работах Т.А. Потапенко, Г.Д. Томахина, С.М. Кащук, О.В. Кудравец, И.А. Мякишевой, С.В. Перкаса, Г.С. Синькевич, А.А. Моргулевой и др.

В 90-е гг. прошлого века лингвострановедение понималось как «методическая дисциплина, реализующая практику отбора и презентации в учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции» [Кубанев, Набилкина, 2015, с. 123].

В данной работе особое внимание мы уделяли лингвострановедению, поскольку оно является именно той отраслью лингвистики и лингводидактики, которая рассматривает учебный процесс как «передачу и усвоение плана выражения и содержания изучаемого языка» [Мальцева, 2019], то есть изучение иностранного языка должно проходить параллельно с изучением культуры народа, говорящего на нем. При этом иностранный язык выступает не только как цель обучения, но и как средство, служащее для приобщения обучаемых к культуре страны изучаемого языка. «В области несовпадения культур и языков ... к лингвистической методике должны быть прибавлены сведения, знакомящие обучающегося с новой культурой, то есть, по нашему определению, страноведческие сведения. Назовем такой вид работы лингвострановедческой методикой» [Верещагин, Костомаров, 1973].

Важнейшим вопросом при этом является содержание обучения в рамках лингвострановедческой методики. Говоря о лингвострановедческом компоненте обучения иностранному языку, важно выделить те феномены, которые не совпадают в родной и изучаемой культуре. К таким феноменам относят, во-первых, лингвистический компонент, содержащий безэквивалентную и коннотативную лексику, языковые клише, во-вторых, невербальные средства коммуникации, информацию о географии, экономике, политической и культурной сфере страны изучаемого языка [Мальцева, 2019].

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

Компонентами лингвострановедческого аспекта, следовательно, можно назвать, с одной стороны, знания в сфере языка и культуры, с другой стороны, умения и навыки их применения согласно правилам и нормам речевого и неречевого поведения, характерного для культуры страны изучаемого языка.

В связи с этим остро встает вопрос о методике работы с элементами содержания лингвострановедческого аспекта. Важно выявить наиболее эффективные приемы работы со специфичными для иностранного языка единицами, носящими национально-культурную окраску, которые можно выявить в учебных и аутентичных материалах. В этой связи одной из задач обучения иностранному языку становится овладение приемами распознавания и анализа элементов, несущих культурологическую и страноведческую информацию. Применение заданий, направленных на развитие данных навыков, на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе носит прикладной характер и служит удовлетворению не только познавательных интересов студентов, но, при условии регулярного включения в систему занятий, может служить катализатором формирования коммуникативной и социокультурной компетенции студентов.

Согласно В.П. Фурмановой, условием успешного межкультурного взаимодействия, является овладение «культурно-языковой» личностью следующими «разделами фоновых знаний: 1) историко-культурный фон, включающий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития; 2) социокультурный фон; 3) этнокультурный фон, включающий информацию о быте, традициях, праздниках; 4) семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения» [Фурманова, 1994].

Формирование лингвострановедческой компетенции обычно рассматривается учеными относительно студентов-лингвистов, однако не менее актуальным ее развитие представляется и для обучающихся неязыковых вузов. Помимо расширения кругозора, развития толерантности, умения общаться с представителями разных стран и лучшего понимания своей собственной культуры, развитие лингвострановедческой компетенции позволяет повысить общую культуру устной и письменной коммуникации, а также повысить интерес и стимулировать мотивацию обучающихся.

Для неязыковых вузов проблема формирования лингвострановедческой компетенции стоит особенно остро в связи с рядом особенностей учебного процесса. В первую очередь следует отметить сравнительно небольшой объем часов, который выделяется на изучение иностранного языка и «трата этих часов на методически нецелесообразные приемы и способы обучения» [Тер-Минасова, 2006, с. 10]. Во многих вузах обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей сводится к обучению чтению и реферированию профессионально-направленных текстов. Несмотря на безусловную необходимость обучения данному виду деятельности, он не является достаточным для успешного развития коммуникативной компетенции студентов. Профессиональные тексты не могут в достаточной мере обеспечивать лингвокультурный аспект содержания обучения в связи с их узкой тематической направленностью. Такого рода тексты позволяют усвоить большой объем специальной лексики, сложные грамматические конструкции, характерные

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

для научного текста, знакомят студентов с последними достижениями мировой науки в изучаемой сфере, но обычно не несут фоновых знаний о культуре страны изучаемого языка.

Еще одной характерной чертой, отличающей процесс преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, является достаточно низкий языковой уровень большинства студентов [9, с. 11-13].

Все эти факторы должны быть учтены при планировании курса иностранного языка для студентов неязыкового вуза на всех уровнях, от содержания обучения до используемых на занятиях упражнений.

Современные реалии вносят свои коррективы в процесс обучения иностранному языку. Все большее распространение получают дистанционные технологии. «В эпоху изменения и переоценки многих социальных институтов, спровоцированных коронавирусной пандемией, появилась острая необходимость в развитии цифровых образовательных технологий, предполагающих обучение онлайн» [Махмудова, Зенкевич, 2020].

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», дистанционные образовательные технологии – это «технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [Каменева, 2016].

Согласно Е.С. Полат, «дистанционное обучение – это форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфичными средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность» [Полат, 2004, с. 216].

Одними из наиболее популярных на сегодняшний день оболочек, служащих для создания курсов и организации дистанционного обучения являются LMS, Moodle, CoreApp и другие зарубежные и отечественные разработки, которые могут применяться как при смешанном формате обучения, когда в дистанционную форму переводятся только отдельные виды деятельности студентов (например, просмотр записанных преподавателем видеолекций или выполнение интерактивных упражнений), так при полностью дистанционном формате курса.

Наиболее значимыми особенностями обучения на основе дистанционных образовательных технологий являются, таким образом, удаленное взаимодействие преподавателя со студентами и студентов между собой, смещение акцента на самостоятельную работу студентов, время выполнения которой они могут планировать самостоятельно, отбор учебного материала и его структурирование таким образом, чтобы обеспечить вовлеченность обучаемых на протяжении всего курса, широкое использование технических возможностей, обеспечивающих интерактивность в обучении, возможность вырабатывать собственную образовательную траекторию для каждого студента и др.

Для студентов нелингвистического вуза рассмотренные особенности дистанционного обучения являются, в большинстве своем, его достоинствами, поскольку позволяют решить многие объективные проблемы преподавания иностранного языка в условиях, когда он не является приоритетным в обучении.

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

В частности, за счет дистанционных образовательных технологий снимается проблема недостатка учебного времени, поскольку студенты имеют возможность проходить курс в удобном для них темпе и повторять отдельные модули или уроки неоднократно. Студенты могут также уделить необходимое для них время чтению или просмотру аутентичных видеоматериалов, подобранных в соответствии с утвержденным для их специальности содержанием обучения. При этом студенты получают также информацию лингвострановедческого характера, отраженную как в лингвистических, так и в экстралингвистических особенностях коммуникации носителей языка.

Несомненно, сами по себе дистанционные образовательные технологии не гарантируют усвоения студентами этой информации, поскольку для этого необходимо целенаправленное рассмотрение и анализ элементов, отражающих национальную культуру. Для этого необходима существенная предварительная работа преподавателя, специально подготовленные им комментарии, вопросы и задания, которые могут быть выполнены студентом самостоятельно на той или иной платформе.

Очевидным представляется тот факт, что данные упражнения должны быть строго выверены и соответствовать всем требованиям, предъявляемым к заданиям подобного рода. И если вопрос об аутентичности и актуальности материала снимается за счет использования современных ресурсов, то соответствие требованию типичности (стандартизованности речевых произведений, регулярной их воспроизводимости в повторяющихся ситуациях общения) должно строго контролироваться преподавателем [Гадоев, 2018].

К существенным достоинствам средств дистанционного обучения можно отнести также активную самостоятельную работу обучающихся [Пронина, Шиц]. За счет увеличения доли самостоятельной работы студенты имеют возможность повысить общий уровень своей языковой компетенции, изучая дополнительные модули, ориентированные на изучение отдельных грамматических или лексических тем, выполнить тренировочные упражнения по этим темам, удовлетворить интерес в своей профессиональной области через чтение и просмотр аутентичных материалов на изучаемом языке.

Немаловажным достоинством дистанционных технологий является возможность использования разнообразных ресурсов интернета, что позволяет, во-первых, повысить мотивацию студентов за счет использования в обучении современных аутентичных материалов и применения интересных для студентов технологий, во-вторых, существенно расширяет диапазон доступного языкового материала. Это особенно важно для неязыковых вузов, испытывающих нехватку материалов, отвечающих специфическим потребностям в отборе содержания обучения иностранному языку на том или ином направлении.

В данном контексте несомненно полезными оказываются разнообразные интернет-ресурсы. Учебный интернет-ресурс – это сетевое средство обучения любого формата (от веб-задания или обучающей программы до электронного учебно-методического комплекса).

Типы сетевых учебных материалов:

- Сетевые учебники и учебно-методические комплексы иностранного языка.

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

- Сетевые учебные пособия (лингвотренажеры) по различным аспектам иностранного языка (фонетике, грамматике), видам речевой деятельности, страноведению, литературе и др.
- Сетевые приложения к бумажным учебникам.
- Авторские учебные веблоги, подкасты.
- Сетевые программы тестирования.

Рассматривая потенциал дистанционного обучения в формировании лингвострановедческого аспекта, следует отметить, в первую очередь, доступность разнообразных аутентичных информационных, развлекательных и образовательных ресурсов сети Интернет. Использование на занятии актуальной аутентичной информации значительно расширяет возможности преподавателя и позволяет развивать не только языковую компетенцию обучающихся, но и приобщать их к культуре страны изучаемого языка через непосредственное знакомство с текстами речей политических деятелей, статьями различной тематики из англоязычных журналов и газет, телепрограммами и фильмами разных жанров, различными блогами и подкастами, что, в свою очередь, способствует повышению интереса студентов к изучению иностранного языка.

В частности, для преподавания английского языка в дистанционном формате можно использовать готовые уроки на платформе TedEd, где представлены основанные на видеороликах уроки в различных научных областях: искусство, бизнес и экономика, математика, литература, здоровье, психология и многих других. Таким образом преподаватель английского языка неязыкового вуза может легко найти материалы, которые будут полезны именно для его студентов. Платформа позволяет осуществлять поиск материалов как по ключевым словам, так и по научным направлениям. Уроки могут быть также сгруппированы по определенной теме и представлять собой своеобразный сериал с постоянными персонажами, в котором каждый урок – это эпизод, посвященный определенному аспекту общей темы.

Каждый урок строится по определенной схеме и обязательно содержит следующие компоненты:

- учебный видеоролик, вводящий новую информацию по теме;
- раздел «Think» (подумай), в котором обычно представлены вопросы на понимание содержания просмотренного материала. Вопросы могут быть разного типа, от закрытых тестовых вопросов с выбором правильного варианта ответа из предложенных до открытых вопросов, предполагающих, что студент дает самостоятельный ответ в письменном виде в специальное диалоговое окно;
- раздел «Digdipper» (копнем глубже), в котором студентам предлагается познакомиться с дополнительными материалами по рассматриваемой теме. Это могут быть ссылки на научные или научно-популярные статьи, сторонние сайты с бесплатными или платными интерактивными материалами и упражнениями, книги в электронных библиотеках и т.п.;
- раздел «Discuss» (обсудим), в котором студенты могут принять участие в обсуждении рассматриваемой темы. Обычно предлагается одна дискуссия под контролем преподавателя и несколько свободных дискуссий.

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

Также данная платформа предлагает преподавателям создавать свои собственные уроки в данном формате.

Таким образом, используя ресурсы платформы TedEd в формате дистанционного обучения, преподаватель английского языка достигает следующих целей: использование в процессе обучения аутентичных материалов по интересующей студентов тематике; развитие навыков аудирования, чтения, письма; вовлечение студентов в реальную профессионально-ориентированную коммуникацию на иностранном языке в разделе «Дискуссия»; повышение мотивации за счет возможности применить изучаемый язык в ситуации реального общения.

Кроме того, современные платформы для дистанционного обучения предоставляют достаточно широкий выбор шаблонов для создания интерактивных заданий и упражнений на основе просмотренного и прочитанного материала. Такие шаблоны, с одной стороны, облегчают работу преподавателя, поскольку он легко может подобрать тот тип задания, который наиболее полно отвечает целям и задачам конкретного курса, с другой стороны, вносят в образовательный процесс разнообразие, элемент игры и активизируют все типы восприятия и памяти студентов.

Так, для создания упражнений, направленных на развитие лингвострановедческой компетенции студентов неязыковых специальностей, могут быть использованы задания на нахождение соответствия (например, даты и события, произошедшие в это время), классификацию (предложения, построенные согласно правилам вежливости страны изучаемого языка и противоречащие им), разного рода квизы и интеллектуальные игры. Такие задания позволяют существенно повысить вовлеченность студентов, их активность в процессе обучения и мотивированность.

Одной из таких платформ, популярных среди преподавателей иностранных языков, является Wordwall. Платформа имеет платную и бесплатную версию. В бесплатном формате можно создать и сохранить для онлайн использования только четыре упражнения, выбор шаблонов ограничен восемнадцатью типами заданий. Среди них: кроссворд, диаграмма с метками, колесо удачи, согласующиеся пары, поиск слов, анаграмма, закончите предложение и т.д. В профессиональной платной версии выбор возрастает до двадцати четырех. Кроме того, снимается ограничение на количество сохраненных упражнений. Интересно, что уже созданное в одном шаблоне упражнение можно легко переформатировать в другой.

Помимо создания собственных упражнений, преподаватель может выбрать для использования любое из тех, которые созданы коллегами и существуют на платформе в открытом доступе. Их достаточно много, выбор тем достаточно широк.

Существенным плюсом данной платформы выступает возможность отслеживать прогресс каждого студента, поскольку преподаватель видит результаты всех, кому была отправлена ссылка на конкретное задание. Занятия Wordwall можно использовать в качестве заданий для выполнения на уроке или в качестве домашнего задания. Когда преподаватель дает задание, студенты переходят по ссылке именно на это занятие, не отвлекаясь на посещение главной страницы занятий.

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

Занятия Wordwall можно разместить на другом веб-сайте, используя фрагмент HTML-кода. Это работает так же, как функция вставки видео, которую можно найти на YouTube или Vimeo, что дает вам воспроизводимое занятие на вашем собственном сайте.

ProgressMe – это еще одна очень удобная платформа, созданная именно для преподавания иностранных языков, вы можете сами создавать огромное количество упражнений по уже готовому конструктору шаблонов, у них своя видеосвязь, можете создавать свои курсы, свои школы, марафоны, или использовать уже готовые уроки, которые есть на платформе, есть бесплатные и платные. Там есть все для преподавания языков, проверки домашних заданий. В личном кабинете учеников доступны обучающие материалы, домашние задания и слова для изучения.

- Встроенный перевод слов по выделению
- Личный словарь ученика со статистикой
- Игровой режим тренировки слов
- Более 30 вариантов упражнений, чтобы создать увлекательные интерактивные материалы для онлайн-уроков.

Formative – это сервис для создания своих рабочих листов, однако главное отличие в том, что он позволяет в режиме реального времени отслеживать процесс работы студентов и в любой момент оценивать и комментировать их работы и предоставлять обратную связь.

Принцип работы платформы такой: вы создаете учебные материалы, предоставляете доступ студентам и смотрите за их работой. Студент начинает работу с материалом, а преподаватель видит, какие ответы он выбирает, как он выполняет упражнения. По ходу работы может добавлять комментарии или давать подсказки.

Formative дает возможность провести анализ прогресса учащихся, можно периодически подводить промежуточные итоги и проводить анализ работы ученика.

Сервис предусматривает разнообразные учебные задания, в том числе связанные с произношением слов.

Типы заданий, которые можно создать: задания на множественный выбор, задания на ввод текста, написание эссе, упражнения на выбор «да» или «нет», графические задания, добавление контента через видео, картинку, текст, html-код. Платформа также позволяет проводить онлайн занятия, используя интерактивную онлайн доску, интерактивные рабочие книги.

CoreApp – это эффективный инструмент для организации смешанного обучения и образовательная онлайн-платформа для создания интерактивного обучения, запуска онлайн-курсов, конференций, форумов и т.д.

Это российская разработка, что означает, что в ней русскоязычный интерфейс и отсутствие организационных сложностей с регистрацией.

Еще одна важная отличительная особенность – возможность создавать не только отдельные уроки и учебные материалы, но и целые курсы с чередованием теории и практики.

На платформе есть все возможности для реализации:

- смешанного обучения, BYOD (Bring Your Own Device)

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

- проектного обучения
- реализация индивидуальной образовательной траектории
- лучшие практики обучения уже встроены в шаблон

С помощью CoreApp можно легко и быстро создавать образовательные материалы, рабочие листы, уроки, организовать проверку знаний, получить результаты, обратную связь. Преподаватель может также вести электронный журнал.

В ходе работы можно воспользоваться шаблонами или создать урок с нуля.

Удобно, что студенты могут проходить урок с любых устройств: начать проходить онлайн-урок на компьютере, а продолжить на смартфоне и закончить на планшете.

Создавать онлайн-уроки и курсы можно с помощью 40 типов заданий.

В контексте лингвострановедческого компонента данная платформа представляет собой особый интерес, поскольку позволяет добавлять в уроки видео- и аудиоматериалы, которые можно использовать как базу для дальнейшего анализа с точки зрения лингвокультурных особенностей речевого и неречевого поведения носителей языка. Кроме того, на базе шаблонов можно создавать специальные упражнения для усвоения страноведческой информации.

Возможность проектного обучения также представляет несомненный интерес, поскольку, как и различные творческие задания лингвострановедческого содержания, служит повышению мотивации и развитию самостоятельности студентов в обучении. Данная платформа позволяет без ограничений загружать и демонстрировать, например, различного рода презентации. Таким образом студенты имеют возможность не только познакомиться с культурными реалиями страны изучаемого языка, но и выбрать те факты, которые представляются им наиболее интересными и значимыми. Как известно, такая личностно-значимая информация существенно лучше усваивается и запоминается на более долгий срок.

При представлении презентации в дистанционном формате неочевидным его достоинством представляется более легкое преодоление психологического барьера, мешающего многим студентам говорить на иностранном языке, даже если уровень лингвистических знаний позволяет это. При дистанционном обучении, поскольку студент отделен от аудитории и находится в привычной домашней обстановке, напряженность и волнение существенно снижаются, позволяя студенту выступить максимально раскованно.

Таким образом, применение дистанционных образовательных технологий для формирования и развития лингвострановедческого аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза может служить одним из аспектов повышения качества образования. Как любая форма обучения, оно должно быть построено с учетом конкретных целей и задач, гарантировать доступность для всех участников учебного процесса и отвечать логике построения конкретного курса.

Список источников / References

1. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. (1973). Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: учебное пособие для студентов

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

филологических специальностей и преподавателей русского языка и литературы иностранцам. М.

Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1973). *Language and Culture: Linguo-country studies in teaching Russian as a foreign language: a textbook for students of philological specialities and teachers of Russian language and literature to foreigners*. Moscow. (In Russ.)

2. Гадоев, К.Х. (2018). Использование лингвострановедческих материалов при интегрированном обучении иностранному языку в неязыковых вузах. В: *Образование: прошлое, настоящее и будущее: материалы IV Международной научной конференции* (с. 111-114). Краснодар: Новация.

Gadoev, K.Kh. (2018). The use of linguocountry studies materials in integrated teaching of foreign language in non-language universities. In: *Education: past, present and future: materials of the IV International Scientific Conference* (pp. 111-114). Krasnodar: Novatsiya. (In Russ.)

3. Каменева, Н.А. (2016). Особенности дистанционного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3-1(57), 201-204.

Kameneva, N.A. (2016). The peculiarities of distance learning of foreign languages in a non-linguistic higher education establishment. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 3-1(57), 201-204. (In Russ.)

4. Кубанев, Н.А., Набилкина, Л.Н. (2015). Проблема взаимодействия языка и социального статуса. *Приволжский научный вестник*, 11(51), 123-126.

Kubanev, N.A., Nabilkina, L.N. (2015). The problem of interaction of language and social status. *Volga Region Scientific Bulletin*, 11(51), 123-126. (In Russ.)

5. Мальцева, А.А. (2019). Лингвострановедческий аспект в методике обучения иностранным языкам. *Вестник магистратуры*, 9-1(96), 33-35.

Maltseva, A.A. (2019). Linguocountry studies aspect in the methodology of foreign language teaching. *MA Bulletin*, 9-1(96), 33-35. (In Russ.)

6. Махмудова, С.М., Зенкевич, И.В. (2020). Инклюзивное образование в условиях цифровизации учебной деятельности. *Язык и текст*, 7(4), 92-98. <https://doi.org/10.17759/langt.2020070407>

Makhmudova, S.M., Zenkevich, I.V. (2020). Inclusive education in the context of digitalization of training activity. *Language and Text*, 7(4), 92-98. <https://doi.org/10.17759/langt.2020070407> (In Russ.)

7. Полат, Е.С. (2004). *Теория и практика дистанционного обучения: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений*. М.: Издательский центр «Академия».

Polat, E.S. (2004). *Theory and practice of distance learning: textbook for students of higher pedagogical educational institutions*. Moscow: Academia Publishing Centre. (In Russ.)

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

8. Пронина, О.Г., Шиц, Ю.Н. Использование технологий Web CT в обучении иностранному языку в техническом ВУЗе как элемент самостоятельной работы студентов. В: Университетская конференция Томского политехнического университета.
Pronina, O.G., Schitz, Y.N. Using Web CT technologies in teaching a foreign language in a technical university as an element of students' independent work. In: University Conference of Tomsk Polytechnic University. (In Russ.)
9. Тер-Минасова, С.Г. (2006). Что мешает повышению качества общения между профессионалами. Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 3, 2-13.
Ter-Minasova, S.G. (2006). Problems and challenges of teaching a foreign language as a means of professional communication. MSU Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 3, 2-13. (In Russ.)
10. Фурманова, В.П. (1994). Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): Дис. ... д-ра пед. наук. М.
Furmanova, V.P. (1994). Intercultural communication and cultural-linguistic pragmatics in the theory and practice of teaching foreign languages (linguistic university): Diss. Dr. Sci. (Pedagogy). Moscow. (In Russ.)

Информация об авторах

Александра Викторовна Гузова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-6528>, e-mail: guzovaav@mgppu.ru

Наталья Васильевна Савицкая, кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1769-5553>, e-mail: savitskayanv@mgppu.ru

Ольга Витальевна Дедова, старший преподаватель кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6321-4127>, e-mail: dedovaov@mgppu.ru

Information about the authors

Aleksandra V. Guzova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-6528>, e-mail: guzovaav@mgppu.ru

Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В. (2025)
Особенности формирования лингвострановедческого
аспекта при обучении студентов нелингвистического вуза
в дистанционном формате
Язык и текст, 12(2), 127—139.

Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V.
(2025)
Peculiarities of formation of the linguo-cultural
aspect in teaching students of a non-linguistic
university in a distance format
Language and Text, 12(2), 127—139.

Natalia V. Savitskaya, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1769-5553>, e-mail: savitskayanv@mgppu.ru

Olga V. Dedova, Senior Lecturer, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6321-4127>, e-mail: dedovaov@mgppu.ru

Вклад авторов

Гузова А.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Савицкая Н.В. — планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Дедова О.В. — сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Aleksandra V. Guzova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript.

Natalia V. Savitskaya — planning of the research; control over the research.

Olga V. Dedova — data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 04.12.2024
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 10.06.2025
Опубликована 23.06.2025

Received 2024.12.04
Revised 2025.05.28
Accepted 2025.06.10
Published 2025.06.23

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.
PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES**

Научная статья | Original paper

**Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию
языка и поведения человека**

К.С. Ивашко✉, С.А. Изосимова, В.Н. Пигуз, К.В. Ковалева

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт проблем
искусственного интеллекта», Донецк, Российская Федерация

✉ kristi_8@mail.ru

Резюме

Актуальность определяется экспоненциальным ростом текстовых данных в цифровой среде, требующим автоматизированных методов анализа для выявления скрытых закономерностей. **Цель работы** – анализ возможностей и ограничений методов компьютерной лингвистики в исследованиях личности. **Гипотеза** заключается в том, что автоматизированный анализ текста позволяет выявлять психологические особенности авторов. **Методы и материалы:** использованы Национальный корпус русского языка (НКРЯ) для лингвистического анализа частотности, методы NLP (тональный анализ, выделение ключевых слов) для определения эмоциональной окраски и выявления ключевых тем. Проведен анализ синтаксических конструкций для выявления особенностей стиля письма. **Результаты:** анализ НКРЯ позволяет выявлять преобладающие эмоциональные состояния и когнитивные стили авторов. Частое использование местоимений первого лица единственного числа может указывать на эгоцентричность. Тональный анализ и выделение ключевых слов позволяют определять эмоциональную окраску текста. Анализ синтаксических конструкций, таких как предпочтение пассивного залога, может свидетельствовать об избегании ответственности. Сложные предложения указывают на стремление к детализации. **Новизна исследования** – систематизация и адаптация методов компьютерной лингвистики для проектирования динамических когнитивных систем диагностики и немедикаментозной коррекции. **Выводы:** компьютерная лингвистика предоставляет мощные инструменты для исследования личности, требующие осторожного и осознанного применения с учетом этических аспектов.

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинное обучение, анализ текста, частотность, социолингвистика, когнитивные системы, диагностика, коррекция, стрессогенные факторы, интеллектуальные системы

Для цитирования: Ивашко, К.С., Изосимова, С.А., Пигуз, В.Н., Ковалева, К.В. (2025). Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию языка и поведения человека. *Язык и текст*, 12(2), 140—162. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120213>

Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior

K.S. Ivashko✉, S.A. Izosimova, V.N. Piguz, K.V. Kovaleva

Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute of Artificial Intelligence Problems»,
Donetsk, Russian Federation

✉ kristi_8@mail.ru

Abstract

The relevance is determined by the exponential growth of textual data in the digital environment, requiring automated analysis methods to reveal hidden patterns. **The aim** of the paper is to analyze the possibilities and limitations of computational linguistics methods in personality research. **The hypothesis** is that automated text analysis can reveal psychological characteristics of authors. **Methods and materials:** we used the National Corpus of the Russian Language (NCLR) for linguistic frequency analysis, NLP methods (tone analysis, keyword extraction) to determine emotional coloring and identify key themes. Syntactic constructions were analyzed to identify peculiarities of writing style. **Results:** the analysis of NLP allows to identify the prevailing emotional states and cognitive styles of the authors. Frequent use of first person singular pronouns may indicate egocentricity. Tonal analysis and key word selection allow us to determine the emotional coloring of the text. Analysis of syntactic constructions, such as the preference for passive voice, may indicate avoidance of responsibility. Complex sentences indicate a desire for detail. **The novelty** of the study is the systematization and adaptation of computational linguistics methods for designing dynamic cognitive systems for diagnosis and non-medical correction. **Conclusions:** computational linguistics provides powerful tools for personality research, requiring careful and informed application with ethical considerations.

Keywords: computational linguistics, machine learning, text analysis, frequency, sociolinguistics, cognitive systems, diagnosis, correction, stressors, intelligent systems

For citation: Ivashko, K.S., Izosimova, S.A., Piguz, V.N., Kovaleva, K.V. (2025). Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior. *Language and Text*, 12(2), 140—162. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120213>

Введение

Специализированные методы обработки информации в интеллектуальных системах стали неотъемлемой частью исследовательского ландшафта, позволяют исследователям автоматизировать рутинные операции, выявлять скрытые закономерности и повышать объективность интерпретаций. Эти методы, опирающиеся на достижения компьютерной лингвистики и машинного обучения, открывают новые горизонты для изучения человеческого мышления, эмоций и поведения. Важнейшая задача лингвистического корпуса – предоставление лингвостатистической информации о частоте употребления различных грамматических форм, отдельных слов или устойчивых словосочетаний, то есть вычисление их частотности. Эта возможность помогает выявлять нюансы в семантике синонимов, устанавливать типичные контексты для синонимичных слов, а также различать жанровые и стилистические особенности и оттенки значений лексических единиц. В социолингвистических исследованиях частотность позволяет установить, насколько часто определенная языковая единица используется конкретной социальной, возрастной или гендерной группой. В историческом плане эта функция дает возможность проследить этимологию и эволюцию значения языковой единицы. Результатом частотного анализа текста является получение статистических данных. Следовательно, в исследованиях, использующих корпусный анализ, фундаментом научной гипотезы являются точные и конкретные эмпирические данные. Одним из ключевых преимуществ использования специализированных методов анализа текста является возможность обработки больших объемов информации. Нейросети и алгоритмы машинного обучения способны анализировать тысячи текстовых документов за считанные минуты, выявляя в них ключевые темы, настроения и взаимосвязи. Это позволяет исследователям получать более полную и объективную картину изучаемого явления. Кроме того, специализированные методы анализа текста позволяют минимизировать субъективность интерпретаций. Алгоритмы машинного обучения, обученные на больших объемах данных, способны выявлять закономерности, которые могут быть незаметны для человеческого глаза. Это повышает надежность и валидность результатов исследования. Наконец, специализированные методы анализа текста позволяют исследователям задавать более сложные и тонкие вопросы. Например, можно изучать, как меняется эмоциональная окраска текста в зависимости от контекста, или выявлять скрытые связи между различными понятиями. Это открывает новые возможности для углубленного понимания человеческой психики (Бах, 2009), (Кузьмина, Лифшиц, Костенко, 2022). Статья Толдова С.Ю. и Ляшевской О.Н. "Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики" представляет собой обзор актуальных направлений в области, находящейся на стыке лингвистики и информационных технологий. Авторы рассматривают широкий спектр задач, стоящих перед компьютерной лингвистикой, включая автоматическую обработку текста, машинный перевод, создание лингвистических ресурсов и разработку алгоритмов для анализа и синтеза языка. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с неоднозначностью языка, необходимостью учета контекста и знаний о мире при обработке текста. В статье анализируются различные подходы к решению этих проблем, такие как использование статистических методов, нейронных сетей и лингвистических правил. Авторы подчеркивают важность создания больших лингвистических корпусов и

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

разработки эффективных методов их разметки для обучения компьютерных систем (Толдова, Ляшевская, 2014).

Новизна исследования – систематизация и адаптация методов компьютерной лингвистики и обработки естественного языка для решения специфических задач проектирования динамических когнитивных систем диагностики и немедикаментозной коррекции в реальном времени с учетом стрессогенных факторов, создание методов генерирования таксономии онтологий, эмоциональных паттернов, формирование экспериментальной базы данных мультимодальных возможностей, обработки информации нейросетевыми технологиями.

Цель работы – проанализировать карту возможностей и ограничений, возникающих при применении методов компьютерной лингвистики, а также рассмотреть основные методы, доказавшие свою эффективность в теоретических, методических и эмпирических исследованиях личности.

Материалы и методы. В работе рассмотрены методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка (NLP) для анализа текстовых данных, такие как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) для лингвистического анализа частотности употребления слов и грамматических конструкций, а также методы NLP, такие как тональный анализ и выделение ключевых слов, использовались для определения эмоциональной окраски текста и выявления ключевых тем, применяемых для использования систем автоматической диагностики и прогнозирования психологического состояния индивида. Исследование включало анализ синтаксических конструкций для выявления особенностей стиля письма и склонностей к избеганию ответственности или подчеркиванию важности действий.

Актуальность

Цифровой мир сталкивается с беспрецедентным потоком текстовой информации, генерируемой людьми в социальных сетях, блогах и онлайн-коммуникациях. Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка открывают новые горизонты в анализе этих данных, предоставляя инструменты для выявления закономерностей и инсайтов, которые были бы недоступны при ручном анализе. Обработка больших данных сопряжена с морфологической сложностью и синтаксической вариативностью, разработкой специализированных словарей и алгоритмов, учитывающих специфику лингвистики, стремлением максимально повысить точность и надежность анализа текстовых данных. При разработке исследований важно учитывать этические аспекты, связанные с использованием текстовых данных, особенно если они содержат личную информацию. Необходимо обеспечить конфиденциальность и анонимность участников исследования, а также получить их согласие на использование их текстов. В целом, компьютерная лингвистика предоставляет мощный инструмент для исследования личности, но требует осторожного и осознанного применения, с учетом возможностей и ограничений, а также этических аспектов.

Результаты

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) представляет собой ценнейший ресурс для психологов, изучающих личность. Благодаря методам компьютерной лингвистики и обработки естественного языка, становится возможным автоматизировать анализ больших объемов текстовых данных, извлекая значимую информацию о психологических особенностях авторов и персонажей (Плунгян, 2005). В частности, анализ частотности употребления определенных слов и грамматических конструкций позволяет выявлять преобладающие эмоциональные состояния, когнитивные стили и ценностные ориентации. Например, частое использование местоимений первого лица единственного числа может свидетельствовать об эгоцентричности, а преобладание слов, описывающих чувства и эмоции, – об эмоциональной лабильности. Методы NLP, такие как тональный анализ и выделение ключевых слов, дают возможность определять эмоциональную окраску текста и выявлять темы, которые наиболее важны для автора. Это, в свою очередь, позволяет строить гипотезы о его личностных чертах и мотивациях. Использование лингвистических особенностей текста для психологического анализа открывает новые горизонты в понимании личности.

Анализ синтаксических конструкций, например, предпочтение пассивного залога активному, может указывать на склонность к избеганию ответственности или на стремление дистанцироваться от действий, например, в официальных отчетах или новостных сводках, где важна объективность. Активный залог, напротив, демонстрирует прямоту и четкое указание на субъект действия, что может свидетельствовать об уверенности и готовности брать на себя ответственность, например в таком высказывании, как "Я разработал этот проект". Здесь фокус смещен на исполнителя, а не на сам проект. В деловой переписке или официальных документах активный залог придает заявлениям вес и убедительность. Он делает текст более динамичным и легким для восприятия, поскольку позволяет читателю сразу понять, кто и что делает. В отличие от страдательного залога, где акцент смещается на объект действия, активный залог подчеркивает роль исполнителя. Это особенно важно в ситуациях, когда необходимо выделить вклад конкретного человека или группы в достижение результата, например в таком предложении как: "Команда инженеров разработала инновационную технологию". Здесь активный залог акцентирует внимание на команде и их непосредственном участии в разработке. Однако стоит помнить, что выбор между активным и страдательным залогом зависит от конкретной цели и контекста. В некоторых случаях использование страдательного залога может быть более уместным, например, когда необходимо скрыть исполнителя или подчеркнуть важность самого действия, а не того, кто его совершил. Использование сложных, многосоставных предложений с обилием придаточных частей может указывать на стремление к детализации и всестороннему охвату темы, в таком предложении как, например, "Поскольку экономические показатели демонстрируют устойчивый рост, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на инвестиционном климате, который определяет приток капитала в развивающиеся отрасли, правительство планирует разработать дополнительные меры поддержки, направленные на стимулирование инноваций, чтобы обеспечить дальнейшее развитие и конкурентоспособность страны на мировом рынке". Подобные конструкции позволяют автору выразить сложные взаимосвязи между явлениями и аргументировать свою

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

точку зрения с максимальной точностью, поскольку каждое придаточное предложение добавляет новый слой информации, углубляя понимание читателем рассматриваемого вопроса. Однако, злоупотребление сложными предложениями может привести к перегруженности текста и затруднить его восприятие. В то же время, лаконичные и простые предложения, напротив, способствуют быстрому усвоению информации и создают ощущение динамичности. Они идеально подходят для передачи ключевых тезисов и формирования четкого, запоминающегося образа, например, в таком предложении как: "Солнце село". Сила коротких фраз заключается в их непосредственности и способности мгновенно привлекать внимание. Короткие фразы действуют как катализатор, усиливающий эмоциональный отклик и заставляющий задуматься, в таком высказывании как: "Вот он, момент истины".

Таким образом, выбор между сложными и простыми предложениями зависит от поставленных целей и характера текста, а умелое сочетание разных стилистических приемов позволяет добиться максимальной выразительности и эффективности коммуникации. Однако, злоупотребление подобными конструкциями может затруднять понимание текста и свидетельствовать о желании усложнить информацию. Простые, лаконичные предложения, напротив, облегчают восприятие и подчеркивают ясность мысли. Их использование часто наблюдается в текстах, ориентированных на широкую аудиторию, или в материалах, требующих быстрого понимания, например, в рекламных слоганах или инструкциях. Синтаксические повторы, анафоры и эпифоры могут усиливать эмоциональное воздействие текста и использоваться для акцентирования ключевых идей. Они часто встречаются в художественной литературе и публицистике, где важна выразительность и убедительность, например в таком предложении как "Свобода, свобода, свобода!" - восклицает герой, подчеркивая свою жажду освобождения от угнетения. Синтаксический повтор, в частности, создает ритмичность и музыкальность, что способствует лучшему запоминанию. Фразы или предложения, построенные по одной и той же модели, словно вбивают в сознание слушателя или читателя основную мысль. Анафора, повторение слова или фразы в начале нескольких предложений или абзацев, акцентирует внимание на определенном аспекте повествования, создавая ощущение нарастающего напряжения или усиления чувства.

Выбор синтаксических конструкций, таким образом, является мощным инструментом для формирования смысла и воздействия на читателя, отражая авторские намерения и цели. Разнообразие словарного запаса и частота использования сложных грамматических конструкций могут свидетельствовать об уровне интеллектуального развития и когнитивной гибкости. Применение NLP в психолингвистике позволяет автоматизировать процесс анализа больших объемов текста, что особенно актуально в эпоху цифровых коммуникаций. Анализ текстов в социальных сетях, блогах и форумах позволяет выявлять закономерности в проявлении психологических характеристик у различных групп людей.

Однако, стоит помнить об ограничениях такого подхода. Интерпретация результатов анализа требует осторожности и учета контекста. Лингвистические особенности могут быть обусловлены не только психологическими факторами, но и стилистическими предпочтениями автора, жанром текста и культурными нормами. Несмотря на ограничения, психолингвистический анализ текста с использованием NLP является мощным инструментом для исследования личности и позволяет получить ценную информацию о

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностях человека. Кроме того, НКРЯ предоставляет возможность сравнивать тексты разных авторов или персонажей, выявляя различия в их языковых паттернах и, следовательно, в их психологических характеристиках. Это открывает перспективы для изучения влияния личностных особенностей на стиль письма и речевое поведение.

Безусловно, в качестве источников данных для анализа текстов в психологических исследованиях могут использоваться публикации и сообщения в социальных сетях, а также дневниковые записи, личные письма, протоколы психотерапевтических сессий, расшифровки интервью, результаты контент-анализа художественной литературы и киносценариев также представляют ценный материал для изучения. Особую нишу занимают данные, полученные в ходе экспериментов. В частности, это могут быть письменные ответы участников на различные стимулы, эссе на заданную тему или тексты, сгенерированные в процессе выполнения когнитивных задач.

Методы анализа таких текстов варьируются в зависимости от целей исследования. Это может быть как качественный анализ, направленный на выявление общих тем и закономерностей, так и количественный, основанный на подсчете частоты употребления определенных слов и фраз. При этом важно учитывать контекст создания текста, личностные особенности автора и возможные искажения, связанные с субъективностью восприятия. Тщательный учет этих факторов позволит получить более точные и надежные результаты. В конечном итоге, выбор источника данных и метода анализа определяется конкретной исследовательской задачей и доступными ресурсами. Главное – обеспечить репрезентативность выборки и валидность полученных результатов.

В своем труде "Экспериментальная психология" Роберт Вудвортс, выступая в роли стороннего наблюдателя, тщательно документирует различные исследования, стремясь максимально точно отразить процесс изучения конкретных психологических вопросов. Книга Вудвортса охватывает темы, связанные с психологией ощущений, памяти, мышления, обучения, эмоций, внимания и другие аспекты. В ней широко используется психофизиологический материал, особенно при изучении функций органов чувств и органических основ эмоций. Отличительной чертой данной работы является стремление к систематизации обширного объема эмпирических данных, накопленных в психологии к тому времени. Вудвортс акцентирует внимание на критическом разборе экспериментальных методик, подчеркивая необходимость строгого контроля переменных и применения статистической обработки данных для обеспечения надежности результатов. Его труд значительно повлиял на формирование методологических принципов в экспериментальной психологии (Вудвортс, 1950).

В процессе разработки любой лингвистической модели крайне полезно создать специализированный алгоритм, способный определять и сохранять оптимальную последовательность шагов, рекомендованную исследователем, что позволит достичь наиболее эффективных результатов. Важнейшим шагом в любом психологическом исследовании является обработка и интерпретация собранных данных, как в количественном, так и в качественном аспектах. Именно содержательный анализ итогов работы представляет собой наиболее трудоемкий, ответственный и креативный процесс. Статистические методы в психологии – неотъемлемая часть обработки информации,

предоставляющая числовые данные, требующие глубокой интерпретации и обоснования с точки зрения психологии. Применение статистического инструментария психологом-практиком неразрывно связано с многообразием его деятельности: от тонкой диагностики и бережной развивающей работы до чуткого консультирования, целительной психотерапии и кропотливых научных изысканий. Рассмотрим же пристальнее, как статистика становится незаменимым союзником психолога в каждом из этих направлений. В диагностике статистика помогает выявлять отклонения от нормы, сравнивать индивидуальные показатели с групповыми, определять структуру личности и прогнозировать поведение. Стандартизированные тесты и опросники, основанные на статистических данных о валидности и надежности, позволяют с большей уверенностью судить о наличии тех или иных психологических особенностей. Еще Голдберг Л.Р. в своей работе "Язык и индивидуальные различия: Поиск универсалий в лексиконе личности" акцентирует внимание на важности лексического подхода к изучению структуры личности. Он утверждает, что наиболее значимые индивидуальные различия, которые люди используют в повседневной жизни для описания друг друга, закодированы в языке. Голдберг подчеркивает, что анализ словарного запаса, используемого для характеристики личности, позволяет выделить основные измерения личностных черт. Этот подход, по его мнению, является эмпирически обоснованным и позволяет создать надежную и валидную модель личности.

В своей работе Голдберг исследует, как лексические единицы, описывающие личностные качества, организованы в различные категории и как эти категории соотносятся друг с другом. Он стремится выявить универсальные структуры личности, которые проявляются в разных культурах и языках. Он также обсуждает проблемы, связанные с лексическим подходом, такие как синонимия, полисемия и влияние контекста на значение слов. Несмотря на эти трудности, Голдберг убежден, что лексический подход является ценным инструментом для понимания структуры личности и индивидуальных различий (Goldberg, 1981). В развивающей работе и консультировании статистический анализ может использоваться для оценки эффективности применяемых методов и программ. Сравнивая результаты до и после вмешательства, психолог получает объективное подтверждение позитивных изменений или, напротив, выявляет необходимость корректировки подхода.

В психотерапии статистика помогает отслеживать динамику состояния клиента, оценивать эффективность различных терапевтических техник и выявлять факторы, способствующие или препятствующие прогрессу. Анализ больших массивов данных позволяет исследователям разрабатывать более эффективные протоколы лечения. В научных изысканиях статистические методы являются основой для проверки гипотез, выявления закономерностей и установления причинно-следственных связей. Без статистического анализа невозможно представить себе ни одно серьезное психологическое исследование, претендующее на объективность и научную обоснованность. В арсенале компьютерной лингвистики и обработки естественного языка статистические методы играют ключевую роль в анализе больших текстовых массивов. Они позволяют извлекать ценную информацию, автоматизировать процессы и решать сложные лингвистические задачи (Витко, Калугин, Щебетенко, 2022). Существующая пятифакторная модель личности, так называемая «Большая пятерка», которая получила широкое распространение и при этом продемонстрировала высокую воспроизводимость в различных культурах. Однако, данные,

полученные в разных странах и культурах, все чаще выявляют несоответствия и противоречия. В результате, появляются модели, предлагающие иное количество факторов. К ним относятся шестифакторные и семифакторные подходы, а также модели, стремящиеся к межкультурной универсальности, такие как "пан-культурная тройка", двухфакторная и однофакторная модели. Несмотря на популярность "Большой Пятерки", критики отмечают ее ограничения в объяснении всего спектра личностных проявлений. Шестифакторные модели, например, HEXACO, добавляют фактор "Честность-Скромность", что позволяет более точно описывать моральные качества. Семифакторные модели, в свою очередь, стремятся дифференцировать отдельные аспекты, недостаточно представленные в "Большой Пятерке". "Пан-культурная тройка" фокусируется на факторах, наиболее устойчивых к культурным различиям, предлагая упрощенную, но универсальную модель. Двухфакторные и однофакторные модели, как правило, выделяют общие диспозиционные тенденции, такие как "позитивность" или "стабильность", стремясь к максимальной обобщенности. Выбор оптимальной модели зависит от целей исследования и контекста. "Большая Пятерка" остается полезной для широких популяционных исследований, в то время как альтернативные модели могут быть более подходящими для изучения специфических аспектов личности или для работы с определенными культурными группами¹. Дальнейшие исследования необходимы для уточнения структуры личности и разработки моделей, учитывающих как универсальные, так и культурно-специфичные аспекты.

Одним из наиболее распространенных методов является частотный анализ, который позволяет выявлять наиболее употребляемые слова и словосочетания в тексте. Это может быть полезно для определения тематики текста, выявления ключевых понятий и оценки стилистических особенностей. Например, в исследовательской работе А.Ю. Тычкова и П.П. Чуракова, рассматривающей "Использование частотно-временных алгоритмов анализа при решении задач обработки ЭЭГ", в контексте методов компьютерной лингвистики и обработки текста на естественном языке, указывается следующее: Применение частотно-временных алгоритмов (ЧВА) для анализа электроэнцефалограмм (ЭЭГ) открывает новые перспективы в выявлении скрытых паттернов мозговой активности. Эти алгоритмы, такие как вейвлет-преобразование и кратковременное преобразование Фурье, позволяют одновременно анализировать частотные и временные характеристики сигнала, что критически важно для понимания динамических процессов в мозге. В частности, авторы подчеркивают эффективность ЧВА в задачах классификации ЭЭГ-сигналов, связанных с различными когнитивными состояниями или патологиями. Использование этих методов позволяет выделить информативные признаки, устойчивые к шумам и артефактам, что повышает точность диагностики и мониторинга состояния пациентов. Таким образом, интеграция ЧВА в анализ ЭЭГ представляет собой перспективное направление, способствующее развитию как клинической практики, так и фундаментальных исследований в области нейронаук.

¹ Что Такое "Большая Пятерка" Личностных Качеств? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/617847/>

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

Другой важный метод – статистическое моделирование языка, которое позволяет строить вероятностные модели последовательностей слов. Эти модели используются в задачах машинного перевода, распознавания речи и генерации текста. В своей работе "Статистическое моделирование качества взаимодействия в речевых диалоговых системах: сравнение классификаторов, основанных на (условных) скрытых марковских моделях, и машин опорных векторов" С. Ультес, А. Шмитт, Р. Эль Хаб, В. Минкер обращают внимание на проблему оценки качества взаимодействия в речевых диалоговых системах, предлагая сравнение двух подходов к классификации. Авторы исследуют применение скрытых марковских моделей (НММ) и машин опорных векторов (SVM) для автоматической оценки качества диалога, учитывая такие факторы, как успешность выполнения задачи, эффективность диалога и удовлетворенность пользователя. В статье детально рассматриваются особенности построения классификаторов на основе НММ и SVM, а также проводится экспериментальное сравнение их производительности на реальных данных речевых диалоговых систем. Особое внимание уделяется анализу влияния различных параметров моделей и характеристик данных на точность классификации. Результаты исследования показывают, что оба подхода обладают своими преимуществами и недостатками, а выбор оптимального метода зависит от конкретных требований к точности и вычислительной сложности. Авторы подчеркивают важность дальнейших исследований в области статистического моделирования качества взаимодействия для улучшения речевых диалоговых систем (Ультес и др., 2012).

Кластеризация текстов – еще один пример применения статистических методов в NLP. Она позволяет автоматически группировать тексты по темам, стилям или авторам, что полезно для организации больших текстовых коллекций и поиска информации. Исследования, представленные в Springer, Web of Science и Scopus, демонстрируют возможности автоматизированного выявления личностных черт, эмоциональных состояний и когнитивных особенностей на основе анализа текстов, в таких журналах как *Journal of Personality and Social Psychology*, *Psychological Science*, *Journal of Research in Personality*, регулярно публикуются статьи, посвященные применению методов компьютерной лингвистики и обработки естественного языка (NLP) в психологии личности, а также специализированных изданиях, посвященных обработке естественного языка, например, *Computational Linguistics* и *Natural Language Engineering*. Примером может служить исследование, опубликованное в *Journal of Personality and Social Psychology*, где авторы анализируют взаимосвязь между лингвистическими паттернами в текстах и определенными чертами личности. В статье «Automatic personality assessment through social media language» Парк Г. и соавторы исследуют возможность автоматической оценки личности на основе анализа текстов из социальных сетей. Авторы подчеркивают, что лингвистические паттерны, проявляющиеся в письменной речи, могут служить надежным индикатором психологических характеристик индивида. Исследование фокусируется на выявлении корреляций между использованием определенных слов, фраз и стилистических приемов и пятью основными чертами личности (Big Five): открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и нейротизм. Авторы применяют методы машинного обучения для построения моделей, способных прогнозировать личностные характеристики на основе анализа текстовых данных. Результаты показывают, что модели, обученные на

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

языке социальных сетей, могут достаточно точно оценивать личностные черты. Это открывает перспективы для использования автоматической оценки личности в различных областях, включая HR, маркетинг и психологические исследования (Park et al., 2015).

Другая статья, представленная в *Psychological Science*, демонстрирует возможности NLP для выявления скрытых эмоциональных состояний на основе анализа письменной речи. В исследовании Ениколопова С.Н. и коллег, опубликованном в журнале «Психологические исследования» (2018), анализируются лингвистические характеристики текстов, созданных психически больными и здоровыми людьми. Целью работы являлось выявление паттернов в письменной речи, которые могли бы служить индикаторами психического состояния. Авторы использовали методы NLP для анализа таких параметров, как частота употребления определенных слов, структура предложений и стилистические особенности. Результаты показали, что существуют значимые различия в лингвистических характеристиках текстов, созданных разными группами испытуемых. Эти различия могут быть использованы для разработки инструментов автоматической диагностики и мониторинга психического здоровья. Исследование подчеркивает потенциал NLP в области психиатрии и психологии, открывая новые перспективы для раннего выявления и лечения психических расстройств (Ениколопов и др., 2018). Круг исследователей, активно работающих в данной области, постоянно расширяется. Их работы открывают новые перспективы для изучения личности, предлагая объективные и масштабируемые методы анализа текстовых данных, что позволяет получать более глубокое понимание индивидуальных различий и психологических процессов. Среди современных исследователей, активно работающих в этой области, можно выделить Jamie Pennebaker, Yla Tausczik, James W. Pennebaker, который разрабатывает методы автоматического анализа текстов для изучения психологических процессов. Эти и другие ученые вносят значительный вклад в понимание того, как язык отражает и формирует личность, и какие возможности и ограничения существуют при использовании методов NLP для решения задач психологии.

В своей работе Pennebaker, J.W., Booth, R.J., Boyd, R.L., & Francis, M.E. (2015). *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates (www.LIWC.net) (Kraus, Feuerriegel, 2019), (Pennebaker et al., 2015) подробно описывают разработанную ими программу LIWC2015, ставшую общепризнанным инструментом для анализа текстов. Эта программа позволяет автоматически анализировать большие объемы текстовых данных и выявлять частоту использования различных категорий слов, отражающих психологические и эмоциональные состояния автора. LIWC2015 анализирует тексты, подсчитывая процентное содержание слов, относящихся к предопределенным категориям, таким как эмоции (позитивные, негативные), когнитивные процессы, социальные процессы и другие. Результаты анализа могут быть использованы для исследования широкого спектра явлений, включая психологическое состояние людей, межличностные отношения, культурные различия и эффективность коммуникации. LIWC2015 находит применение в психологии, социологии, лингвистике, маркетинге и других областях, где требуется анализ текстовых данных для выявления скрытых закономерностей и тенденций. Кроме того, LIWC2015 активно используется для изучения влияния COVID-19 на психическое здоровье населения. Исследования анализируют тексты новостных статей, сообщений в социальных сетях и личных дневников, чтобы оценить уровень тревожности, страха и других негативных

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

эмоций, связанных с пандемией. Методология LIWC2015 также совершенствуется. Разрабатываются новые категории и словари, адаптированные для конкретных контекстов и языков, что позволяет повысить точность и релевантность анализа.

Современные исследования подчеркивают важность учета культурных и контекстуальных особенностей при интерпретации результатов LIWC2015. Подчеркивается необходимость калибровки и адаптации программы для различных языковых и культурных групп, чтобы избежать искажений и неверных выводов.

Также Pennebaker и Boyd акцентируют внимание на использовании лингвистического анализа для определения психологического состояния авторов текстов. Они разрабатывают алгоритмы, способные выявлять закономерности в использовании определенных слов и фраз, которые коррелируют с конкретными эмоциональными переживаниями. Например, в работе *The Narrative Arc: Revealing Core Narrative Structures Through Text Analysis* Ryan L. Boyd, Kate G. Blackburn, James W. Pennebaker подробно описывается возможность автоматического анализа текстовых данных для выявления ключевых элементов нарративной структуры. Авторы предлагают использовать методы компьютерной лингвистики и статистического анализа для определения эмоциональной окраски текста, выявления персонажей и их взаимоотношений, а также отслеживания динамики развития сюжета. Особое внимание уделяется концепции "нарративной дуги", представляющей собой графическое отображение изменения эмоционального тона текста на протяжении повествования. Анализ формы этой дуги позволяет исследователям выявлять типичные паттерны развития сюжета, такие как взлет и падение, триумф над невзгодами или трагическое поражение. Применение этих методов возможно в различных областях, от литературоведения и журналистики до маркетинга и политической коммуникации. Автоматический анализ нарративной структуры позволяет быстро обрабатывать большие объемы текстовых данных и выявлять скрытые закономерности в повествованиях.

В работах Т. Yarkoni, Д. Ванг, Дж. Д. Вайс, М. Мюллер, П. Рам, У. Гейер, К. Дуган, Й. Таучик описываются методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности. В статье "Personality Judgments Based on Physical Appearance" (Yarkoni, 2010) (Yarkoni, Westfall, 2017) исследуется, как внешность влияет на восприятие личности. "Words as Social Signals: Automatic Language Use Measures Predict Real-World Social Integration" (Borghi et al., 2018) демонстрирует, как анализ языка может предсказать социальную интеграцию. "Ecological Momentary Assessment Using Text Messages" описывает использование текстовых сообщений для оценки эмоционального состояния в реальном времени. Эти работы подчеркивают растущую роль вычислительных методов в изучении человеческой личности. Анализ больших текстовых массивов, машинное обучение и автоматизированный искусственный интеллект открывают новые горизонты для понимания психологических особенностей. В частности, исследования показывают, как лексический анализ текста может выявить корреляции между языковыми паттернами и чертами личности. Вместе с тем, авторы акцентируют внимание на необходимости критического осмысления возможностей и ограничений этих методов. Важно учитывать, что предсказательная сила моделей машинного обучения не всегда подразумевает глубокое понимание механизмов, лежащих в основе наблюдаемых связей. Необходимо избегать упрощенных интерпретаций и стремиться

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

к интеграции вычислительных подходов с традиционными методами психологических исследований. Сотрудничество между специалистами в области психологии и компьютерных наук становится ключевым фактором успешного применения этих технологий (Ван, 2019).

В дальнейшем, подобные исследования могут привести к созданию автоматизированных систем для анализа и оценки текстов, а также к разработке новых методов повествования, основанных на эмпирических данных о восприятии аудитории. Разработанные алгоритмы и методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка, по сути, становятся динамической дорожной картой, адаптирующейся к результатам каждого этапа. Они анализируют промежуточные данные, оценивают эффективность примененных методов и на основе этого корректирует дальнейшую последовательность действий. Ключевым преимуществом является возможность избежать повторения неэффективных шагов и фокусироваться на наиболее перспективных направлениях. Алгоритм может учитывать различные факторы, такие как объем данных, вычислительные ресурсы и специфические требования к конечной модели. Такой адаптивный подход позволяет не только оптимизировать процесс обработки текста, но и существенно повысить точность и релевантность конечных результатов. Например, при анализе тональности текста алгоритм может изначально опираться на словарь ключевых слов, но в процессе обучения адаптироваться к контексту и учитывать более сложные лингвистические конструкции, определяющие эмоциональную окраску высказывания. Важную роль в этом процессе играют методы машинного обучения, позволяющие алгоритмам самостоятельно извлекать знания из данных и строить модели, предсказывающие результаты с высокой точностью. Эти модели могут учитывать различные факторы, такие как частота употребления слов, их сочетаемость, синтаксическая структура предложений и даже культурный контекст. В своей работе Kraus M., Feuerriegel S. предлагают модель глубокой нейронной сети, которая учитывает иерархическую структуру текста, выявляя связи между различными его частями. Это позволяет более точно определять общее эмоциональное содержание, особенно в сложных и неоднозначных текстах, где традиционные методы могут давать сбои. В частности, модель использует рекурсивные нейронные сети для обработки деревьев RST, что позволяет ей эффективно улавливать контекст и взаимосвязи между предложениями. Авторы демонстрируют, что их подход превосходит существующие методы анализа тональности на нескольких наборах данных, показывая, что учет структуры дискурса может значительно повысить точность. Однако, они также отмечают, что построение деревьев RST является сложной задачей, требующей значительных вычислительных ресурсов и лингвистической экспертизы (Kraus, Feuerriegel, 2019). Кроме того, качество анализа тональности напрямую зависит от точности построения этих деревьев. Таким образом, работа подчеркивает потенциал использования RST в анализе тональности, но также указывает на существующие ограничения и направления для дальнейших исследований. Более того, подобные инструменты позволяют систематизировать процесс исследований, документируя каждый шаг и его обоснование. Это облегчает воспроизводимость результатов, обмен опытом между исследователями и ускоряет процесс обучения новых специалистов. В перспективе, такие алгоритмы и методы могут быть интегрированы в автоматизированные системы разработки лингвистических моделей, позволяя значительно сократить время и ресурсы, затрачиваемые

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

на создание высококачественных и эффективных инструментов обработки естественного языка.

Однако исследователи также указывают на ограничения, связанные с контекстуальной зависимостью языка и сложностью интерпретации результатов. Автоматический анализ может упускать нюансы, которые важны для понимания индивидуальных особенностей личности, в частности скрытых мотивов. Поэтому, несмотря на возможности автоматизированных методов, участие квалифицированного специалиста в интерпретации результатов остается ключевым элементом. Компьютерная лингвистика и обработка естественного языка (NLP) предлагают мощные инструменты для анализа текстов, потенциально раскрывая закономерности и характеристики, связанные с психологическими особенностями личности. Графовые методы, применяемые в NLP, позволяют визуализировать и анализировать структуру текста, выявляя ключевые темы, отношения между понятиями и паттерны коммуникации. Эти методы особенно полезны для анализа больших объемов текста, позволяя выявлять доминирующие нарративы и скрытые связи. Однако, необходимо учитывать ограничения. Автоматический анализ опирается на алгоритмы, которые, несмотря на свою сложность, не всегда способны уловить нюансы человеческого языка, такие как ирония, сарказм или метафоры. Кроме того, интерпретация результатов требует глубокого понимания как лингвистических, так и психологических принципов².

Компьютерная лингвистика позволяет автоматизировать процессы контент-анализа, тональности текста и семантического поиска, что особенно ценно при работе с масштабными опросами общественного мнения, как демонстрируют данные ВЦИОМ и РАНХиГС³. Одним из ключевых преимуществ является возможность выявления паттернов в языковых данных, которые могут указывать на определенные психологические характеристики личности или

² Тестирование лингвистических технологий: соревнования по автоматическому разрешению кореферентности и анафоры. ABBYY [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/abbyy/blog/229515/>

AI Powered Text Analysis Apis. ParallelDots AI APIs [Электронный ресурс]. URL: https://apis.paralldots.com/text_docs/index.html

NTA Графовые методы анализа в Gephi / NTA. vc.ru : [Электронный ресурс]. URL:

<https://vc.ru/ml/216547-grafovye-metody-analiza-v-gephi>

³ WCIOM. SPUTNIK Daily All-Russian Poll. VCIOM News, 2022. URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik>

RANEPa (2020) Eurobarometer Methodology. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra/> (дата обращения: 27.03.2025).

Unsupervised Cross-lingual Representation Learning at Scale / A. Conneau [et al.]. Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Online: Association for Computational Linguistics, 2020, 8440-8451. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-main.747>

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

группы. Например, анализ частоты употребления определенных слов, стилистических особенностей или грамматических конструкций может быть использован для оценки уровня тревожности, уверенности или социальной направленности. Однако необходимо учитывать ограничения, связанные с интерпретацией результатов. Компьютерные методы не всегда способны улавливать контекст и нюансы человеческого общения, что может приводить к искажениям в анализе. В психологии личности требуется комплексный подход, сочетающий автоматизированный анализ данных с экспертной оценкой и учетом социокультурного контекста (Лукияненко, 2025).

В Федеральном государственном научном бюджетном учреждении «Институт проблем искусственного интеллекта» (ФГНБУ ИПИИ, ДНР, г. Донецк) группа исследователей: Дорохина Г.В., проф. Шелепов В.Ю., Ниценко А.В., Пикалев Я.С. и др. активно занимаются изысканиями в сфере компьютерной лингвистики и обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). Данные исследования ориентированы на разработку решений для комплексных задач, в том числе затрагивающих аспекты психологии личности ведут интенсивные исследования в области компьютерной лингвистики и обработки естественного языка, направленные на решение сложных задач, в том числе и в психологии личности. Эти разработки открывают новые перспективы, в которой одной из ключевых областей является разработка методов автоматического анализа текстов для выявления эмоциональной окраски, психологических характеристик и скрытых намерений авторов. Эти методы базируются на сложных алгоритмах машинного обучения, способных анализировать синтаксические структуры, семантические связи и прагматические особенности языка. В рамках этих исследований особое внимание уделяется разработке и совершенствованию методов автоматической обработки речи, включая распознавание, синтез и анализ. Акцент делается на создании эффективных алгоритмов и моделей, способных адаптироваться к различным акцентам (Бурибаева, 2013), (Дорохина, 2024), (Ниценко, Шелепов, Большакова, 2021), Пикалев, Ермоленко, 2023), (Пигуз, Изосимова, Ивашко, 2022). Применяются современные подходы машинного обучения, нейронные сети и методы статистического моделирования. Одним из ключевых направлений является разработка систем, способных понимать запросы пользователей на естественном языке и предоставлять точные и релевантные ответы. Эти системы находят применение в различных областях, таких как образование, здравоохранение, обслуживание клиентов и информационный поиск. Особое внимание уделяется интеграции лингвистических знаний и семантического анализа для улучшения понимания смысла запросов. В области психологии личности исследования направлены на разработку методов автоматического анализа текстов и речи для выявления психологических характеристик и эмоционального состояния индивида. Используются методы машинного обучения и анализа тональности для определения настроения, уровня стресса и других психологических параметров (Ивашко, Изосимова, Пигуз, 2022). Эти методы могут быть использованы для разработки персонализированных рекомендаций и поддержки в области психического здоровья. Продолжая исследования в области автоматического анализа текстов и речи, ученые ФГНБУ «Института проблем искусственного интеллекта» активно изучают возможности для использования систем автоматической диагностики и прогнозирования психологического состояния индивида на основе анализа текстов и речи. Эти системы могут быть использованы для раннего выявления депрессии, тревожности и других психических

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

расстройств. Разрабатываются алгоритмы, способные учитывать индивидуальные особенности и контекстуальные факторы, что повышает точность и надежность диагностики. Во взаимодействии науки и технологий ученые ФГНБУ «ИПИИ» видят не только возможность усовершенствовать методы диагностики и прогнозирования, но и стремятся расширить границы понимания самой человеческой природы. Изучение взаимосвязи между языком, речью и эмоциональным состоянием открывает новые перспективы для углубленного исследования когнитивных процессов и механизмов, лежащих в основе нашего мышления и поведения (Ивашко, Изосимова, Пигуз, 2025).

Перспективы, практическое применение

Фундаментальная задача исследований в области автоматического анализа текстов заключается в разработке систем, способных к глубокому пониманию естественного языка и предоставлению релевантных ответов. В данном контексте интеграция лингвистических знаний и методов семантического анализа существенно повышает точность интерпретации пользовательских запросов, обеспечивая более эффективное взаимодействие человека с машиной. В области психологии личности методы машинного обучения и анализа тональности находят применение для автоматического выявления психологических характеристик и эмоционального состояния индивида, включая оценку уровня стресса и преобладающего настроения. Полученные результаты открывают перспективы для разработки персонализированных рекомендаций в области психического здоровья, что способствует более эффективной поддержке и улучшению благополучия личности.

В ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта» проводятся передовые исследования в области автоматической диагностики и прогнозирования психологического состояния на основе анализа текстовых и речевых данных. Данный подход позволяет выявлять признаки депрессии и тревожности на ранних стадиях, что имеет важное значение для своевременного оказания помощи. Для повышения точности диагностики учитываются индивидуальные и контекстуальные факторы, влияющие на психическое состояние. Изучение сложной взаимосвязи между языком, речью и эмоциональным состоянием открывает новые перспективы для углубленного исследования когнитивных процессов, лежащих в основе человеческого мышления и поведения. Дальнейшее развитие этих технологий предполагает создание интерактивных систем, способных не только анализировать, но и генерировать тексты и речь, адаптированные к конкретным психологическим профилям и эмоциональным потребностям пользователей. Это открывает возможности для разработки инновационных инструментов в области психотерапии. Важным аспектом является разработка методов защиты от манипуляций и дезинформации, основанных на анализе лингвистических особенностей текстов и речи. Эти методы позволяют выявлять скрытые намерения и предвзятость в сообщениях, что способствует повышению критического мышления и осознанности у пользователей. В целом, исследования, проводимые в ФГНБУ «ИПИИ», открывают новые возможности для использования компьютерной лингвистики и обработки естественного языка в психологии личности. Эти разработки могут помочь в решении широкого круга задач, от ранней диагностики психических заболеваний до выявления лжи и обмана. Необходим баланс между возможностями технологий и ответственностью за их применение.

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

Заключение

Для русского языка особенно важна адаптация существующих методов компьютерной лингвистики, учитывая его морфологическую сложность и синтаксическую вариативность. Разработка специализированных словарей и алгоритмов, учитывающих специфику русского языка, позволит повысить точность и надежность анализа текстовых данных. При разработке исследований важно учитывать этические аспекты, связанные с использованием текстовых данных, особенно если они содержат личную информацию. Необходимо обеспечить конфиденциальность и анонимность участников исследования, а также получить их согласие на использование их текстов. В целом, компьютерная лингвистика предоставляет мощный инструмент для исследования личности, но требует осторожного и осознанного применения, с учетом возможностей и ограничений, а также этических аспектов.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что для успешного применения методов компьютерной лингвистики в психологии личности необходимо учитывать как возможности, так и ограничения этих методов, а также разрабатывать методологии, обеспечивающие валидность и надежность результатов.

Список источников / References

1. Бах, Э. (2009). Неформальные лекции по формальной семантике. М.: Книжный дом «Либроком».
Bach, E. (2009). Informal lectures on formal semantics. Moscow: Librocom Book House (In Russ.).
2. Бурибаева, А.К., Дорохина, Г.В., Ниценко, А.В., Шелепов, В.Ю. (2013). Сегментация и дифонное распознавание речевых сигналов, Тр. СПИИРАН, 31, 20-42.
Buribaeva, A.K., Dorokhina, G.V., Nitsenko, A.V., Shelepov, V.Y. (2013). Segmentation and diphone recognition of speech signals, Proc. SPIIRAN, 31, 20-42 (In Russ.).
3. Ван, Д., Вайс, Дж.Д., Мюллер, М., Рам, П., Гейер, П., Дуган, К., Таучик, Ю.Р., Самуловиц, Х., Грей, А.Г. (2019). Сотрудничество человека и ИИ в науке о данных. Материалы конференции ACM по взаимодействию человека с компьютером, 3 (CSCW), 1-24. <https://doi.org/10.1145/3359313>
Wang, D., Weiss, J.D., Mueller, M., Ram, P., Geyer, P., Dugan, K., Tauchik, J.R., Samulowitz, H., Gray, A.G. (2019). Human-AI collaboration in data science. Proceedings of the ACM conference on Human-Computer Interaction, 3 (CSCW), 1-24. <https://doi.org/10.1145/3359313> (In Russ.).
4. Витко, Ю.С., Калугин, А.Ю., Щебетенко, С.А. (2022). Многообразие структур черт личности. Социальные и гуманитарные науки: теория и практика.
Vitko, Y.S., Kalugin, A.Y., Shchebetenko, S.A. (2022). Variety of structures of personality traits. Social and Humanities: Theory and Practice (In Russ.).
5. Вудвортс, Р. (1950). Экспериментальная психология. Издательство иностранной литературы.

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В. (2025). Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию языка и поведения человека *Язык и текст*, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N., Kovaleva K.V. (2025). Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior *Language and Text*, 12(2), 140—162.

Woodworths, R. (1950). Experimental psychology. Foreign Literature Publishing House (In Russ.).

6. Дорохина, Г.В., Полоус, А.Г. (2024). Методы организации вопросно-ответных систем. Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 26 (6), 175-187.

Dorokhina, G.V., Polous, A.G. (2024). Methods of organization of question-answer systems. Proceedings of Kabardino-Balkarian Center of RAS, 26 (6), 175-187 (In Russ.).

7. Дорохина, Г.В. (2024). Пофонемное распознавание как задача классификации рядов на множестве последовательностей элементов сложных объектов с применением усовершенствованного trie-дерева. Информатика и автоматизация, 23 (6), 1784-1822.

Dorokhina, G.V. (2024). Phoneme recognition as a problem of row classification on the set of sequences of complex object elements using an improved trie-tree. Informatics and Automation, 23 (6), 1784-1822 (In Russ.).

8. Ениколопов, С.Н., Медведева, Т.И., Воронцова, О.Ю., Чудова, Н.В., Кузнецова, Ю.М., Пенкина, М.Ю., Минин, А.Н., Станкевич, М.А., Смирнов, И.В., Любавская, А.А. (2018). Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей. Психологические исследования, 11 (61), 1.

Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Y., Chudova, N.V., Kuznetsova, Y.M., Penkina, M.Y., Minin, A.N., Stankevich, M.A., Smirnov, I.V., Lubavskaya, A.A. (2018). Linguistic characteristics of texts of mentally ill and healthy people. Psychological Research, 11 (61), 1 (In Russ.).

9. Ивашко, К.С., Изосимова, С.А., Пигуз, В.Н., Ковалева, К.В. (2025). Теоретические аспекты диагностики и саморегуляции психоэмоциональных состояний личности. Проблемы искусственного интеллекта, 1 (36), 58-67.

Ivashko, K.S., Izosimova, S.A., Piguz, V.N., Kovaleva, K.V. (2025). Theoretical aspects of diagnostics and self-regulation of psychoemotional conditions. Problems of Artificial Intelligence, 1 (36), 58-67 (In Russ.).

10. Ивашко, К.С., Изосимова, С.А., Пигуз, В.Н. (2022). Анализ возможностей интеллектуально-духовных средств при использовании их для саморегуляции психоэмоциональных состояний личности. Искусственный интеллект: теоретические аспекты, практическое применение: Материалы Донецкого международного научного круглого стола (с. 60-72). Донецк.

Ivashko, K.S., Izosimova, S.A., Piguz, V.N. (2022). Analysis of possibilities of intellectual-spiritual means when using them for self-regulation of psychoemotional states of personality. Artificial intelligence: theoretical aspects, practical application: Proceedings of Donetsk international scientific round table (pp. 60-72). Donetsk (In Russ.).

11. Кузьмина, А.А., Лифшиц, М.А., Костенко, В.Ю. (2022). Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В. (2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N., Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

- психологии личности. Современная зарубежная психология, 11 (1), 104-115. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110>
- Kuzmina, A.A., Lifshits, M.A., Kostenko, V.Y. (2022). Methods of computational linguistics and natural language processing: possibilities and limitations for tasks of personality psychology. Modern foreign psychology, 11 (1), 104-115. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110> (In Russ.).
12. Лукьяненко, Роман (2 января 2025 г.). Генеративный искусственный интеллект: развивающиеся технологии, растущее влияние на общество и возможности для исследований в области информационных систем. Границы информационных систем. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5153894>
- Lukyanenko, Roman (January 2, 2025). Generative Artificial Intelligence: emerging technologies, growing societal impact, and opportunities for information systems research. Frontiers in Information Systems. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5153894> (In Russ.).
13. Ниценко, А.В., Шелепов, В.Ю., Большакова, С.А. (2021). О снятии омонимии словосочетаний, которые могут быть предикативами. Проблемы искусственного интеллекта, 1 (20), 53-63.
- Nitsenko, A.V., Shelepov, V.Yu., Bolshakova, S.A. (2021). On the removal of homonymy of word combinations that can be predicatives. Problems of Artificial Intelligence, 1 (20), 53-63 (In Russ.).
14. Олпорт, Г. (1998). Личность в психологии. СПб.: Ювента.
- Allport, G. (1998). Personality in Psychology. Saint Petersburg: Juventa (In Russ.).
15. Пигуз, В.Н., Изосимова, С.А., Ивашко, К.С. (2022). Человек и искусственный интеллект: связь нервной системы человека с его психоэмоциональным состоянием. Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus», 1(12).
- Piguz, V.N., Izosimova, S.A., Ivashko, K.S. (2022). Man and artificial intelligence: the connection of the human nervous system with its psychoemotional state. Electronic scientific-publicistic journal «Nomo Cyberus», 1(12) (In Russ.).
16. Пикалев, Я.С., Ермоленко, Т.В. (2023). О нейронных архитектурах извлечения признаков для задачи распознавания объектов на устройствах с ограниченной вычислительной мощностью. Проблемы искусственного интеллекта, 3 (30), 44-54. <https://doi.org/10.34757/2413-7383.2023.30.3.004>
- Pikalev, Ya.S., Ermolenko, T.V. (2023). About neural architectures of feature extraction for the task of object recognition on the devices with limited computing power. Problems of Artificial Intelligence, 3 (30), 44-54. <https://doi.org/10.34757/2413-7383.2023.30.3.004> (In Russ.).
17. Плунгян, В.А. (2005). Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение [Электронный ресурс]. Национальный корпус русского языка:

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В. (2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N., Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

- 2003—2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 6-20. URL: <https://ruscorpora.ru/new/sbornik2005/02plu.pdf> (дата обращения: 10.03.2025)
- Plungian, V.A. (2023). Why do we need the National Corpus of the Russian Language? Informal introduction [Electronic resource]. National Corpus of the Russian Language: 2003-2005. Results and Prospects. Moscow: Indrik, 2005, 6-20. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/sbornik2005/02plu.pdf> (viewed: 10.03.2025) (In Russ.).
18. Рэймонд Кеттел: структурная теория черт личности. PSYCHOJOURNAL.RU. Раздел: Психологи. Дата публикации: 13-10-2014. <https://psychojournal.ru/psychologists/95-reymond-kettel-strukturnaya-teoriya-chert-lichnosti.html>
- Raymond Kettel: structural theory of personality traits. PSYCHOJOURNAL.RU. Section: Psychologists. Date of publication: 13-10-2014. <https://psychojournal.ru/psychologists/95-reymond-kettel-strukturnaya-teoriya-chert-lichnosti.html> (In Russ.).
19. Тестирование лингвистических технологий: соревнования по автоматическому разрешению кореферентности и анафоры. ABBYY [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/abbyy/blog/229515/>
- Testing linguistic technologies: competitions in automatic co-referentiality and anaphora resolution. ABBYY [Electronic resource]. Available at: <https://habr.com/ru/company/abbyy/blog/229515/> (In Russ.).
20. Толдова, С.Ю., Ляшевская, О.Н. (2014). Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики. Вопросы языкознания, 1, 120-145.
- Toldova, S.Y., Lyashevskaya, O.N. (2014). Modern problems and trends in computational linguistics. Questions of Linguistics, 1, 120-145 (In Russ.).
21. Ультес, С., Шмитт, А., Эль Хаб, Р., Минкер, В. (2012). Статистическое моделирование качества взаимодействия в речевых диалоговых системах: сравнение классификаторов, основанных на (условных) скрытых марковских моделях, и машин опорных векторов. Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева, 115-119.
- Ultes, S., Schmitt, A., El Hab, R., Minker, W. (2012). Statistical modeling of interaction quality in speech dialog systems: a comparison of classifiers based on (conditional) hidden Markov models and support vector machines. Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after Academician M.F. Reshetnev, 115-119 (In Russ.).
22. Что Такое «Большая Пятерка» Личностных Качеств? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/617847/>
- What is the “Big Five” Personality Qualities? [Electronic resource]. Available at: <https://www.b17.ru/article/617847/> (In Russ.).
23. AI Powered Text Analysis Apis. ParallelDots AI APIs [Электронный ресурс]. URL: https://apis.paralldots.com/text_docs/index.html

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

24. Borghi AM, et al. (2018). Words as social tools: Language, sociality and inner grounding in abstract concepts. *Phys Life Rev.* <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2018.12.001>
25. WCIOM. SPUTNIK Daily All-Russian Poll. VCIOM News, 2022. URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik>
26. Goldberg, L.R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of personality and social psychology*, 2 (1), 141-165.
27. Kraus, M., Feuerriegel, S. (2019). Sentiment analysis based on rhetorical structure theory: Learning deep neural networks from discourse trees. *Expert Systems with Applications*, 118, 65-79.
28. Park, G., Schwartz, H.A., Eichstaedt, J.C., Kern, M.L., Kosinski, M., Stillwell, D.J., Ungar, L.H., Seligman, M.E.P. (2015). Automatic personality assessment through social media language (автоматическая оценка личности на основе языка социальных сетей). *Journal of Personality and Social Psychology*, 108 (6), 934-952.
29. Pennebaker, J.W., Booth, R.J., Boyd, R.L., Francis, M.E. (2015). *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates.
30. RANEPА (2020) Eurobarometer Methodology. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra/> (дата обращения: 27.03.2025).
31. The Narrative Arc: Revealing Core Narrative Structures Through Text Analysis / Ryan L. Boyd, Kate G. Blackburn, James W. Pennebaker. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-17-34>
32. Unsupervised Cross-lingual Representation Learning at Scale / A. Conneau [et al.]. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Online: Association for Computational Linguistics, 2020, 8440-8451. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-main.747>
33. Yarkoni, T. (2010). Personality in 100,000 words: A large-scale analysis of personality and word use among bloggers. *Journal of Research in Personality*, 44 (3), 363-373.
34. Yarkoni, T., Westfall, J. (2017). Choosing prediction over explanation in psychology: Lessons from machine learning. *Perspectives on Psychological Science*, 12 (6), 1100-1122.

Информация об авторах

Кристина Сергеевна Ивашко, младший научный сотрудник, ФГНБУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0195-2279>, e-mail: kristi_8@mail.ru

Снежана Александровна Изосимова, младший научный сотрудник, ФГНБУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1521-5579>, e-mail: izosimova.snezhana@mail.ru

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)
Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека
Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)
Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior
Language and Text, 12(2), 140—162.

Валентина Николаевна Пигуз, заведующий отделом компьютерно-информационных технологий, ФГНБУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3968-3144>, e-mail: maxpvn77@gmail.com

Ксения Витальевна Ковалева, младший научный сотрудник, ФГНБУ «Институт проблем искусственного интеллекта»; врач-психиатр ГБУ ДНР «РКПБ-ПТЦ», Донецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8218-1898>, e-mail: kv_kovaleva@mail.ru

Information about the authors

Kristina S. Ivashko, Junior Researcher, Institute of Artificial Intelligence Problems, Donetsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0195-2279>, e-mail: kristi_8@mail.ru

Snezhana A. Izosimova, Junior Researcher, Institute of Artificial Intelligence Problems, Donetsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1521-5579>, e-mail: izosimova.snezhana@mail.ru

Valentina N. Piguz, Head of the Department of Computer-Information Technologies, Institute of Artificial Intelligence Problems, Donetsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3968-3144>, e-mail: maxpvn77@gmail.com

Ksenia V. Kovaleva, Junior Researcher, Institute of Artificial Intelligence Problems; Psychiatrist, SBI DPR RCPH-PTC, Donetsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8218-1898>, e-mail: kv_kovaleva@mail.ru

Вклад авторов

Пигуз В.Н., Ковалева К.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Ивашко К.С., Изосимова С.А. — сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Valentina N. Piguz, Ksenia V. Kovaleva — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Kristina S. Ivashko, Snezhana A. Izosimova — conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ковалева К.В.
(2025)

Компьютерная лингвистика в психологии: ключ к
пониманию языка и поведения человека

Язык и текст, 12(2), 140—162.

Ivashko K.S., Izosimova S.A., Piguz V.N.,
Kovaleva K.V. (2025)

Computational linguistics in psychology: a key to
understanding language and human behavior

Language and Text, 12(2), 140—162.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.05.2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Опубликована 23.06.2025

Received 2025.05.15

Revised 2025.05.28

Accepted 2025.06.10

Published 2025.06.23